

ОСКАР КРИЧАК

АНТАРКТИЧЕСКИЕ ДНЕВНИКИ

2-я КОМПЛЕКСНАЯ
и 5-я СОВЕТСКАЯ
АНТАРКТИЧЕСКИЕ
ЭКСПЕДИЦИИ

Издательство «ГеоГраф»
Санкт-Петербург

2 0 1 3

УДК 910.4, 784.3

ББК 26.8, 85.31

К82

Кричак О. Г.

К82 Антарктические дневники. 2-я Комплексная и 5-я Советская антарктические экспедиции / О. Г. Кричак— СПб.: ГеоГраф, 2013. — 176 с. : ил. — (Полярные истории)

ISBN 978-5-902211-26-6

В книге публикуются дневниковые записи участника отечественных антарктических экспедиций известного метеоролога Оскара Григорьевича Кричака, сделанные им в 1956–1958 и 1959–1960 годах.

В издании приведены многочисленные фотоматериалы, в приложении опубликованы песни, музыка к которым была написана О. Г. Кричаком в период антарктических экспедиций.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей исследования и освоения Антарктического материка.

УДК 910.4, 784.3

ББК 26.8, 85.31

Составитель – М. О. Кричак

*Выражаю искреннюю благодарность
Российской антарктической экспедиции
в лице её начальника Валерия Владимировича Лукина
за содействие и финансовую помощь
в осуществлении настоящего издания.*

Мая Оскаровна Кричак

ISBN 978-5-902211-26-6

© О. Г. Кричак, наследники, 2013.

© М. О. Кричак, составитель, 2013.

© ООО «Издательство "ГеоГраф"»,
редакционно-издательская подготовка, 2013.

ОСКАР ГРИГОРЬЕВИЧ КРИЧАК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне доставляет особое удовольствие представить антарктические дневники замечательного российского метеоролога Оскара Григорьевича Кричака. О жизни этого человека можно говорить с глубоким уважением и восхищением. Он был очень целеустремленным человеком, который сразу «нашел себя»: окончив гидрометеорологический институт немногим старше 20 лет, он участвует в полетах на свободных аэростатах, находясь в столь любимой им атмосфере и собирая данные для научного анализа. Кругозор его, однако, велик, и главным объектом его внимания становится синоптический анализ. Он проводит типизацию атмосферных процессов над Европой, закладывая основу для прогноза погоды в этом регионе.

Несмотря на свою молодость, в начале Великой Отечественной войны он возглавляет метеобюро Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС) в Москве и, в частности, участвует в успешном прогнозе погоды по Москве на 7 ноября 1941 года, сделавшим возможным проведение военного парада. Велика роль О. Г. Кричака и в последующие военные годы, когда он возглавляет бюро погоды на фронтах действующей воздушной армии.

После окончания войны Оскар Григорьевич со свойственной ему энергией руководит восстановлением и развитием сети аэрологического и самолетного зондирования в нашей стране.

Интерес к метеорологии полярных районов планеты в те годы захватил многих ученых. Оскар Григорьевич принимает участие в разработке и выполнении программы исследований на шестом континенте во Второй континентальной антарктической экспедиции, одной из важных задач которой была подготовка к Международному геофизическому году (МГГ) и выполнение этой грандиозной научной программы, ставшей важной вехой научной жизни для ученых из многих стран.

Мне так же, как и Оскару Григорьевичу, посчастливилось участвовать в этой антарктической экспедиции. Мы вместе, как и многие другие, направлялись в Антарктику на теплоходе «Кооперация» к недавно созданной обсерватории Мирный, чтобы больше года прожить на Антарктическом материке – О. Г. Кричак был начальником аэрометеорологического отряда, а я работал научным сотрудником гляциологического отряда.

Погодные условия в Антарктиде зимой, как известно, особенно тяжелы из-за частых валящих с ног ураганных ветров, нередко превышающих 30 м/с. Но аэрометеорологический отряд под руководством Оскара Григорьевича успешно наладил регулярные метеорологические и аэрологические наблюдения не только на станции Мирный, но и на вновь открываемых российских антарктических станциях, в числе которых была и самая удаленная от Мирного станция Восток. Четыре раза в сутки в Мирном выполнялось аэрологическое зондирование, как правило, до больших высот. В отряде работало бюро погоды, регулярно строили синоптические карты, давали прогнозы погоды, анализировали самые разные синоптические ситуации, включая и такие неожиданные, как выход циклонов на материк. Изучали данные о связи этих процессов с конфигурацией ледяного континента, выясняли природу бесснежных скалистых оазисов.

Оскар Григорьевич постоянно в движении. Он участвует в полетах авиации, выполняя погодную или ледовую разведку, организует измерения высоты поверхности материка над уровнем моря по предложенной им методике. Судя по страницам дневника, в Мирном кипит творческая жизнь. Идет накопление ценнейших материалов, свидетельствующих о циркуляции атмосферы над Антарктикой. Научные результаты обсуждаются на заседаниях Ученого совета. Устанавливаются тесные контакты с зимовщиками других стран.

Несмотря на большой объем научной деятельности, Оскар Григорьевич уделяет время другой своей страсти – музыке. Собирается группа единомышленников и создается ансамбль музыкантов с характерным названием «Сосулька». Возглавляет «Сосульку», конечно, Оскар Григорьевич, и он же пишет мелодичные, всем полюбившиеся песни. Записи этих песен распространяются на другие станции и на экспедиционные суда.

И зимовка оживляется, радуется, улыбается, – помимо повседневной и временами изнурительной работы организуется интересный и увлекательный досуг.

Таким был этот человек – ученый, организатор и одновременно душа общества. Представленный дневник – лучшее тому доказательство.

Казалось бы, все складывалось хорошо. Получены ценные материалы, экспедиция успешно завершена. Написаны интересные научные работы, сделано несколько блестящих докладов. И даже сочинены новые песни. Но, видно, не все задачи решены. Антарктида не отпускает соприкоснувшихся с ней. Многие возвращаются туда снова и снова. Так и Оскар Григорьевич. В конце 1959 года он возглавляет аэрометеорологический отряд в составе Пятой советской антарктической экспедиции.

Снова пройден морской путь до Мирного, снова активная работа с обширной программой. На этот раз, наряду со стандартными наблюдениями,

О. Г. Кричак запланировал создание выносных станций в прибрежном, прилегающем к Мирному району, в зимнее время, когда обостряются контрасты температуры между ледяным континентом и океаном. С помощью авиации были созданы три аэрологические станции, которые проработали два месяца – июнь и июль, в очень сложных погодных условиях. Наблюдения были завершены 2 августа 1960 года, и персонал станций вернулся в Мирный.

Однако дальше случается трагедия. В ночь после возвращения в доме метеорологов возникает пожар. Дом до крыши занесен снегом. Ураганный ветер не позволяет оказать людям помощь. При пожаре погибает восемь человек, и в их числе Оскар Григорьевич Кричак. Их могила – на кладбище Мирного на острове Буромского, одном из островов группы Хасуэлл.

Их имена написаны на мемориальной доске и принадлежат истории освоения Антарктиды. Нам же остается светлая память о погибших в познании этой уникальной области земного шара.

*Почетный президент Русского географического общества,
директор Института географии РАН,
академик В. М. Котляков*

В КАНУН МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕОФИЗИЧЕСКОГО ГОДА

25 ноября 1956 г.

И начались наши сорок дней и сорок ночей, которые мы проведем на пути к Антарктиде. Только ли сорок? Вчера был погружен весь груз, и личный состав экспедиции занял места на корабле. Лишь некоторые товарищи, которых провожали жены, ночевали в гостинице. К восьми утра все были на теплоходе «Кооперация». Чтобы проводить наш отряд, приехали Л. А. Александров* и Г. И. Голышев*. В 9 час. 15 мин. – митинг. Играет военный оркестр. Залпами стреляют фотоаппараты. Одни фотографии подстраиваются к вспышкам других фотографов, стоящих рядом. Таможенный осмотр. Пока нас проверяют, наши жены мерзнут на причале. Даже забралась в товарный вагон, укрывшись от ветра. Семен Семенович* развеселил всех, собранных в ресторане 1-го класса, забавно переговариваясь со своей женой. Последнее прощания, и в 14 часов отчаливаем. Долго машем руками, платками, шапками. Через час вблизи Балтийска стали на якорь... В Балтийске шторм. Сколько простоим – неизвестно. Во всяком случае «ушли». Корабль переполнен людьми. На 120 каютных мест – 165 человек. Заняты салоны, подсажают пятого человека в четырехместные каюты. Неясно, как разместимся для работы в пути, похоже, что оккупируем корму, но это завтра.

Итак, несмотря на задержки, идем в далекую Антарктику. Жаждем поспать туда побыстрее, предстоит большая работа, и нам нужно торопиться.

26–27-го провели в условиях шторма. Балтика сразу «дала жизни»: волнение 8 баллов при ветре 15–20 м/сек. Может быть, это и не так страшно, но для таких моряков, как мы, впечатление получается довольно ярким. Хорошо ещё, что качка была килевой, а не бортовой. Что ни говори, а состояние паршивое. Особенно плохо чувствовали себя Рыбаков* и Чернов*. По одному разу в день согрешил и я. Аэроном не пользуюсь. Хочу привыкнуть. Семен Семенович чувствует себя хуже, чем я.

Большую часть времени мы пробыли на палубе. Там все же легче. Ход был сбавлен до 4–5 узлов. Капитан и этим доволен. Несмотря на пониженное настроение, вчера скромно отметили день рождения Чернова. Бутылка шампанского, вино и немного спирта, огурцы и грибки – разве этого мало, чтобы отметить что угодно, а тем более первый в нашем коллективе день рождения? Сегодня идем в юго-западной части Балтики. Ветер ослабел, качка прекратилась. Начали трудовую деятельность. Извлекли из шахты трюма необходимые в пути приборы, оборудование, материалы

и начали разворачивать лаборатории. Радиозондовая лаборатория, вернее, аэрологическая – на корме, в помещении красного уголка команды; там же – актинометрическая. Метеолаборатория будет в проходе от 1-го класса на правый борт. Бюро погоды развернем в музыкальном салоне.

Все время за кормой стаей летят чайки. Они никак не отстают от корабля. Временами садятся на воду и после короткого отдыха – снова в полет. И все это ради того, чтобы дожидаться, когда выбросят с камбуза остатки пищи. Тогда они налету хватают куски из воды (или из клюва соседа) и вновь летят, терпеливо ожидая новой подачи. Сегодня пройдем Кильский канал. До него нужно принять ванну, так как потом пресная вода будет выдаваться с ограничениями.

Ванна принята. Сделал доклад о международном положении. Как будто, ничего. Во всяком случае, 80 минут сидели молча и не спали. Вскоре вошли в Кильский канал. Пока стояли в шлюзе, к борту подошел какой-то тип, хорошо говоривший по-русски. Он много болтал и нет-нет, да и сворачивал на всякие скользкие вопросы.

К концу дня неприятность – у Рыбакова, как будто, скарлатина.

1 декабря 1956 г.

29-го шли Северным морем. Оно было несколько спокойнее Балтики, но все же нас болтало, причем качка была и килевой, и бортовой. Крен был градусов 10–15, но нам казалось, что там было и 30–40. Всем привили оспу.

30-го ноября вошли в зону Ла-Манша. Стало спокойнее. Вечером смотрели фильм «Море зовет». Симпатичный, мягкий фильм. Пока смотрели фильм, прошли мимо Дувра. В этот день приняли английскую синоптическую консультацию, судя по которой над Азорами – антициклон, и в Бискайском заливе должно быть неплохо. В вечернем выпуске радиогазеты я выступал с рассказом о предстоящих делах нашего отряда. Попутно пообещал благоприятной погоды в Бискайском заливе, которого все ожидают с опаской. Посмотрим, что будет.

Сегодня, 1-го декабря, прошли Ла-Манш. Было спокойно. «Вкололи» брюшной тиф. В Ла-Манше уйма кораблей. Вечером насчитывали до 15 кораблей, одновременно проходящих в поле зрения. Сейчас идем мимо Бретани. Много маяков – белых и красных. Рыбаков выздоравливает. Кажется, это не скарлатина.

3 декабря 1956 г.

Вчера прошли Бискайский залив. Прогноз оправдался полностью, и все это заметили. Не слишком ли преувеличены мнения о беспокойстве Бискайи? Ведь это так близко к Азорам*. Вчера деятельно готовились к началу

Здесь и далее знак *) обозначает примечания, приведенные в конце книги

работ. В. И. Шляхов* установил на кормовой палубе шестиметровую штангу, на которой укрепил два пиранометра (направленные вверх и вниз) и балансомер его собственной конструкции. Видя его энтузиазм, ему охотно помогают Горев*, Круковский* и другие. На время болезни Рыбакова старшим по радиозондовой части назначил Кильдяшева*.

Днем 2-го смотрели вторую серию фильма «Великий гражданин». Хороший фильм. Есть много созвучий нынешнему времени. Сегодня утром видели в дымке гористые берега северо-западной части Испании. Это вблизи Ла-Коруньи. Радисты принимали передачи из Испании. Вообще они частенько угощают нас концертами из ближайших стран.

Сегодня был довольно боевой день. Погода была малооблачной, и это способствовало началу всесторонних работ.

После завтрака начал работу учебный метеосеминар. Я провел занятие на тему «коды» и «облака». Было 23 человека из других отрядов. Слушали с интересом. Как приятно читать тем, кто слушает, сознавая, что это действительно нужно! Между 14 и 15 часами по Гринвичу выпустили первый радиозонд. Для начала неважно – высота всего 12440 м. Передатчик был не слишком хорошим; его не следовало выпускать. Первый выпуск показал, что все очень нуждаются в тренировке. Начали работу и метеорологи. Наблюдательные будки установили на верхнем мостике. Шаропилотные наблюдения вели по теодолиту. Но о нем говорят, что его следует подарить морскому царю. Обнаружилось упущение: среди имущества, взятого для работы на корабле, не оказалось круга Молчанова. Так что обработка шаропилотных данных будет проведена только в Мирном.

Вечером прочел доклад о международном положении для судовой команды. Вечером же – второй выпуск радиозонда.

7 декабря 1956 г.

Оказывается, я не прикасался к дневнику уже несколько дней. Выходит, что и здесь время идет не слишком медленно. Вошли в режим. А ведь первые дни замечали: не успели позавтракать (8 час.), как уже и обед (12 час.), а там и чай (16 час.), вслед за которым и ужин (20 час.). Так и живем, как малыши. Кормежка через каждые четыре часа.

Постепенно прошли Европу, так и не повидав ее. Лишь в Кильском канале видели силуэты домов, горящие лампочки и рекламы.

Вообще мы какие-то «ночники». Ла-Манш у Дувра прошли также ночью. 5-го ночью прошли близ Мадейры. Дежурные радиозондисты хвалились тем, что видели огоньки. А сегодня на рассвете разбудил шум: все высыпали на палубы наблюдать Канарские острова. Слева Тенерифе, справа какой-то мелкий остров. Сделал несколько снимков. Вулкан с остатками снега

на вершине и... воображение о том, что там должно быть очень красиво. Теперь такого не скоро увидим.

Антициклон, в центральной части которого мы были, проходя вблизи Испании и Португалии, сместился на север Африки, и мы идем уже в его западной части. Существовавшая в этом антициклоне хорошая инверсия температуры от центра к периферии поднималась и ослабевала. Вчера уже облака рассеивались, а сегодня – малооблачно. Наконец-то всерьез чувствуется приближение тропиков. В предшествовавшие дни в воздухе было 13–14°C, а в воде 18 градусов. Этот воздух умеренных широт, и здесь он холоднее подстилающей поверхности. Но сегодня уже в воздухе 18–21°C, и вода намного холоднее. Начался хороший прогрев над Африкой и вынос этого воздуха в сторону Атлантики. Сегодня надел парусиновые брюки и тенниску.

Зондажи идут неровно – высоты от 10 до 26 км. Нередки серьезные промахи, и я попросил Семена Семеновича внимательно проанализировать работу зондистов за эти дни и на совещании аэрологов рассказать о своих замечаниях. Эта тренировка всем очень полезна, но нам уже нужны хорошие зондажи.

5-го я закончил тему «облака» на учебном метеосеминаре, а сегодня В. И. Шляхов читал первую лекцию по актинометрии. Неизменно присутствует 25–30 человек, причем многие из других отрядов.

5-го был День Конституции, и за ужином получили по бутылке вина на двоих. Вечером после ужина – «Плата за страх». Теперь у нас кино (кинотеатр «Волна», как его называет наша радиогазета) на открытом воздухе. Экран повешен на одной из надстроек – кормовой тамбучине, а зрители размещаются на трех этажах – на креслах, на скамьях, прямо на палубе. Чудесно! А взглянешь вверх и видишь темное-темное небо, утыканное звездами, и все они мерно покачиваются относительно мачты. То их в одну сторону поведет, то в другую.

Вчера – «Ирена, домой!», сегодня – «Костер бессмертия». Ну, где тут писать дневник? По нашему судовому времени уже 12 часов ночи, а в Москве 4 часа утра. Дома все похрапывают. Все ли? Я совсем не пишу, что я думаю о своих москвичах и часто ли. Ну, конечно, много и, конечно, часто, но об этом писать не нужно. Так и условимся.

Еще два слова о радиогазете. Каждый вечер... (только что пробили склянки – 24 часа. У нас на «Кооперации» бьют в колокол, а на других кораблях говорят «склянки бьют»)... в 20 час. 30 мин. трижды раздаются позывные нашей радиогазеты на басовой гитарной струне. Потом номер выпуска и дата, и включают пластинку с «Выходным маршем» Дунаевского. Таково вступление. Затем идет справка о тех местах, мимо которых проплываем. Это компенсация за «беззаходный» проход. Далее – «Вести с родины», «Судовые новости», «Давайте знакомиться». Последнее – это

всегда интересный очерк о ком-либо из участников экспедиции. Затем «Слово специалистам». Иначе этот раздел можно было бы назвать «У кого что болит, тот о том и говорит». В конце – объявления. Например, объявление о предстоящем завтра семинаре гляциологов, которых можно теперь узнать по безволосым головам – все они остригли свои шевелюры. В редакции радиогазеты главный – корреспондент «Правды» А. А. Введенский.

Создается небольшой оркестрик (струны, баян, труба). После дневных трудов недурно побренчать в музсалоне.

8 декабря 1956 г.

Сегодня прошли Северный тропик. Он ознаменовался тем, что первая летающая рыба влетела на корабль и расшиблась. Ихтиолог немедленно содрал с нее кожу и засолил для последующего изготовления чучела. Вторая новость – начал функционировать бассейн «Брызги», как его окрестила радиогазета. И третья новость – к нашему рациону прибавилось сухое вино (Алиготе и Рислинг), по бутылке (0,8 л) на три дня. Бассейном пока не пользовался из-за ноги. Еще в день отплытия я ударил ногу и сделал ссадину на голени. С тех пор ношу повязку.

Провели совещание аэрологов. Сегодняшний результат (подъем до высоты 13 км) еще не есть желаемое улучшение.

Вечером смотрели «Посяяли девушки лен». Как только не совестно выпустить такие фильмы? И это в 1956 году!

После кино тщетно разглядывали берега Африки. На горизонте хорошо виднелись маяки. Значит, до берега 5–6 км. Это в районе Порт-Этьена. Вчера послал домой радиограмму, а в конце дня сам получил встречную, на которую сегодня же ответил. Сегодня составлял списки и адреса на новогодние подарки домашним.

12 декабря 1956 г.

Идем между тропиком и экватором. Эх, куда нас занесло! Узнали, что сегодня «Обь» подошла к Мирному, а «Лена» вышла из Калининграда. Мы в серединке. И действительно, мы на самом брюхе земли. В других местах далеко не всегда можно 12 декабря в двенадцатом часу ночи купаться в бассейне со свежей забортной водой. С 9.12 я купаюсь ежедневно по 2–3 раза. Обматываю свою ногу полоской от радиозондовой оболочки, и вода не смачивает повязку. Наш бассейн – великое дело. Правда, вода такой же температуры, как и воздух (27–28 градусов), но вода есть вода. Мокрая. К сожалению, она ужасно соленая, почти горькая, 38‰ солености. При купании довольно чувствительно ест глаза. Плавать в этой воде легко, но бассейн

невелик. Примерно 3 м на 7 м. А глубина в рост. Если наполнен хорошо, то мне воды по шею. Некоторые ловкачи прыгают в бассейн с прогулочной палубы или даже с барьера шлюпочной палубы. Это как с крыши второго этажа. Уже есть разбитые носы и ноги, а также приказ, запрещающий прыжки.

Вчера пересекли атмосферный фронт, который следовало назвать тропическим. В «холодном» воздухе вблизи фронта резко ухудшилась видимость: густая мгла, видимость около 1 км. Та же мгла и над Африкой, судя по сводкам погоды. После прохождения первого облачного вала видимость улучшилась, резко изменился вид моря. Вместо глади с небольшой зыбью при довольно длинных невысоких волнах сразу появилась мелкая волна. Сегодня вновь проходили зону неустойчивости. Как будто, это второй фронт. Был ли вчерашний фронт тропическим?

Работа на корабле идет обычно. Проводим семинары, зондируем, ведем другие наблюдения. Я готовлюсь сейчас к докладу о циркуляции атмосферы в южном полушарии и над Антарктидой.

Новая забота – вот-вот подойдем к экватору. Как будто, 14-го. Идет подготовка к празднику. Разыгрываются роли торжества. Наш музыкальный ансамбль будет сопровождать эту церемонию. Я перепечатал текст всей праздничной трепатни, чтобы послать его домой.

Из океанской живности видим немного. Время от времени напуганные кораблем рыбки стайкой вылетают из воды и, взмахнув 2–3 раза плавниками-крыльями, «бреющим полетом» улетают от корабля, причем они уже не машут плавниками, а распластав их, планируют, совершая повороты, подъемы и спуски. Они держатся в воздухе до 10–15 секунд, лавируя между волнами. Размером они с крупную или среднюю селедку. Сфотографировать пока не удалось. Появляются дельфины и в небольшом количестве акулы. Самой акулы почти не видно, но торчат ее спинные плавники. Этакое 1–2 рога торчат, как перископы. Изредка видна и спина. Наши гидробиологи утверждают, что акула для человека не опасна, т.к. у нее нет каких-то челюстных костей. Остается только установить, знают ли акулы, что им не полагается кусать людей?

Вместо чаек за нами (или рядом с нами) летают их какие-то родственники. Они не так красивы в полете, но гораздо красивее, когда сидят на воде – такие симпатичные небольшие уточки. Сегодня получили по банке варенья. Каждый вечер кино на открытом воздухе.

16 декабря 1956 г.

Третий день идем в южном полушарии. 14-го в 14 час. 05 мин. по местному времени прошли экватор. Был презабавнейший праздник Нептуна. По окончании ритуала началось «крещение». Бросали в бассейн всех подряд. Даже капитана не пощадили. Все прошло очень весело и красочно. Сначала

вышел оркестр. Все в трусах, зеленых шапках из бумаги и белых кис-кис на голой шее. Под фанфарные звуки появился Нептун, который вызвал капитана. Тот появился со своей свитой, и пошли разные разговорчики. Страшно пошешила всех морская царевна, которую изображал наш шеф-повар В. А. Загорский. После разных смешных монологов Нептун захотел еще водки, но получил отказ и, разгневавшись, приказал своим подручным всех крестить в морской воде. И пошло! Первая и наиболее серьезная травма досталась... врачу, который свалился с помоста и так стукнулся головой, что его без сознания отнесли в лазарет. Хорошо, что не все успели выпить до праздника. Вечером были выданы дипломы Нептуна, пили шампанское и портвейн; как всегда, смотрели кино. Но еще сегодня, т.е. на третий день, по трансляции передают, что кто-то на экваторе потерял фотоаппарат «Зоркий», а у другого пропал «ФЭД». До вечера 14-го из бассейна вылавливали очки, туфли и другие элементы личной принадлежности.

Вчера сделал несколько снимков телеобъективом. Снимал летающих рыбок. Что получится? Вчера был коварный день – много солнца и ветра. Это начался пассат южного полушария. Так как ветер маскировал жару, я основательно подпекся и спасаюсь натиранием спиртом. Семен Семенович также. Сегодня, 16-го, было 10 баллов слоисто-кучевых. Трудно сказать, откуда они взялись. Конечно, можно пририсовать фронт, но явно он не обнаруживается. Интересно, что в последние трое суток вечером во время кино наблюдаем хорошие кучевые облака, хотя и невысокие. Обычно же в тропиках вечером, ночью много Ас (высококучевых облаков).

Сегодня отправил 15 телеграмм: две домой и в Ленинград о прохождении экватора, одну – в ГУСМП*, чтобы заказали цветы домой к 23.12, и 12 новогодних поздравлений. Радисты даже роптали. Сегодня смотрели «Мы с вами где-то встречались» с Райкиным и Целиковской. Забавный фильм, хорошая экранизация эстрады.

Завтра будет производиться противочумная прививка. Оспа у меня принялась (как почти у всех) и уже прошла. Противобрюшная также прошла успешно. Надеюсь, и чума пройдет нормально. Это мы готовимся к Кейптауну. Видимо, придем 25-го, когда все будет закрыто по случаю Рождества.

«Обь» преодолевает тяжелые льды в 12 км от Мирного. «Лена» зашла в Голландию для ремонта и за запчастями.

20 декабря 1956 г.

18-го прошли половину пути от Калининграда до Мирного. Значит, если не будет остановок, то только 10–11 января прибудем в Мирный. Но впереди Кейптаун с суточной стоянкой и льды. Последнее – более серьезная вещь. «Обь» еще не пробилась к Мирному. 17-го они выгрузили на лед все

тяжеловесы, включая тягачи и самолеты. Начались интенсивные полеты от «Оби» к Мирному и обратно. Перебрасывают людей и грузы. «Лена» продолжает ремонтироваться в Голландии. Это не очень полезная затея. Видимо, вползаем в цейтнот. А ведь впереди – трансконтинентальные переходы по организации станций Восток и Советская, которые нужно провести летом.

У нас совсем не так жарко, как это, казалось, должно быть между экватором и южным тропиком, да еще во время лета южного полушария. Температура воздуха 23–25 градусов, а воды 22–23°C. Мы ведь идем в зоне пассата и к тому же в холодном течении. И ветер, и течения – встречные и уменьшают нашу и без того небольшую скорость.

Высоты подъема радиозондов около 20 км. Это еще так-сяк. Погода часто меняется. То облачно, то солнечно. Видимо, пассатные волны на периферии южно-атлантического антициклона действительно имеют место.

Вчера отметили рождение сына у Лукошина*. Получили под это дело три бутылки «Столичной», кое-чего добавили и перед ужином поздравили счастливого папашу. Послали от имени отряда поздравление в Тамбов жене Лукошина.

По-прежнему ежевечерне кино. Посмотрели «Рим в 11 часов», «Молодой Карузо», «Потерянные мелодии». Последнее чепуха, а итальянские фильмы можно смотреть без усталости.

Все мы хорошо загорели, купаемся в бассейне. Закаляемся перед зимовкой. Получил и отправил домой несколько телеграмм. Мало пишут. Они-то мой дневник получают, а я так и буду довольствоваться лаконичными сообщениями. Илья* пишет: «Жизнь обычна». Не слишком подробно. А как здоровье, пальто, телевизор, школьные и университетские дела? Обычно. Ну, тогда ясно. Через три дня день рожденья Или. Заказал корзинку цветов.

21 декабря 1956 г.

Сегодня в 22 часа 50 минут прошли коварную линию – Южный тропик. На этом кончается выдача тропического вина. Ну, нам еще на пару дней хватит. Делаю общее замечание. Зря дома не употребляем сухого вина. Если к нему привыкнуть, оно очень приятно. Идет подготовка к Кейптауну. Прибудем туда, видимо, утром 25-го. Так как в такой праздник магазины не работают, предполагающиеся сутки стоянки уйдут на осмотры.

Планируется экскурсия в район Мыса Доброй Надежды. Там есть заповедник, где звери живут почти на воле. Наверное, посетителей держат в клетках? Вчера было собрание с разбором всяких нарушений, которыми кое-кто грешит. Курильщикам – беда. Им (я бросил курево еще на Балтике и твердо держусь) можно курить только в каютах или в курительном салоне.

Чтобы не закуривать свои каюты, все стали удивительно общительными, зачастую ходили в гости в другие каюты.

Сегодня был мой доклад на общем семинаре – «Особенности атмосферной циркуляции над южным полушарием и Антарктидой и проблема тропопauses». Говорил два часа. Слушали. Кое-кто даже задавал вопросы.

Сегодня ко мне зашел П. А. Шумский (профессор, начальник гляциологического отряда, начальник рейса на нашей «Кооперации») и спросил меня, не мешает ли моему докладу качка. «Какая качка?» – спросил я. Оказывается, в пылу подготовки к докладу я не заметил, что началась качка. Вот как «оморячились». Мною введен новый термин «борт-аэролог». Это вовсе не то, что под этим всегда понимали (аэролог на борту самолета), а аэролог, который во время качки «травит у борта».

Сегодня пролетел буревестник. Встретились странные желтые полосы воды. Это планктон: какие-то водоросли. Днем около 4-х баллов кучевки. Они недоразвитые, но есть, хотя дело происходит над океаном.

Сегодня смотрели фильм «Антуан и Антуанетта». Забавно.

23 декабря 1956 г.

Сегодня день рожденья Или. Вчера получил радиogramму от А. М. Фишкина* и Т. М. Гуторенко*. Поздравили меня с именинницей и сообщили, что заказанные мною цветы будут доставлены в срок. Очень трогательно. Значит, я сегодня тоже поздравлял, и притом вполне реально. Откровенно говоря, я хотел бы быть сегодня в Москве. Как-то они отпраздновали без меня? Что дети подарили маме?

Все больше чувствуется приближение Кейптауна. Сегодня было партсобрание, и мы еще более отмотобилизовались. Теперь мы знаем, что можно делать, а чего нельзя. В общем, почти ничего нельзя, но зато, если понадобится в одно место, то опытные люди говорят, что разрешается устраиваться возле памятников королям. Попробуем. Разнообразие внес вечер. Сорвалась демонстрация фильма «Жюльетта» из-за того, что над трюмом висело белье, но народ устроился вблизи него и не пожелал уйти с трюма. Старпом задурил: «Уходите, или отменю кино». Не ушли. Отменил. Все возмущены.

Сегодня был последний перед Кейптауном зонд. Кстати, неудачный. Из-за сильного ветра выпуск был затруднен, и зонд ушел с невращающейся вертушкой, хотя незаметно, чтобы противовес захлестнулся за нее. Остается 14 зондов, которые выпустим после Кейптауна.

Сегодня была хорошая синоптическая карта. Уже третий день работаем на бланке южного полушария и начинаем осваиваться с прогнозами по нему.

Итак, Илечка, желаю тебе много, много хорошего, причем со мною и нами всеми. Спокойной ночи!.

Р. С. В течение последних дней едим твое, Илечка, варенье, а сегодня оно было особо отмечено. Я получил поздравления.

25 декабря 1956 г.

Прошел месяц с момента отплытия из Калининграда. Идем вблизи южноафриканского побережья. Значит, все-таки за это время маленько переместились. Видим горы и отмели, песок, скалы, растительности маловато. Сегодня за кормой обнаружилась стая чаек. Пролетают утки, показалась голова не то нерпы, не то тюленя. В последние дни частенько появлялись альбатросы, такие большие чайки; размах крыльев до 1,5–2 м. «Фюзеляж» полный, видать, крепкая птица. На корабле идет бурная подготовка к Кейптауну. Бесконечно моют палубы, подволоки (потолки), переборки (стены), драют медяшки (все медное). Вчера разобрали бассейн. Вышла стенгазета, в ней статья о Семене Семеновиче, о работе нашего отряда, много всякой всячины и в том числе чудесные басни С. А. Смирнова*. Одна о том, как из-за простыней отменили кино. Хлестко и мастерски. Командование удручено своей глупостью. Видать, раскаиваются. Вчера была «Жюльетта». Хорошо!

27 декабря 1956 г.

25-го пришли в Кейптаун. Прекрасен вход в залив. У подножья Столовой горы раскинулся город и порт. Вершина горы окутана облаками, свисавшими в сторону города, но быстро таявшими в нисходящем потоке. Нас провёл в порт небольшой буксир. При подходе мы видели советский корабль «Максим Горький». Как позже выяснилось, он отчалил сразу после нашего подхода и оставил нас опечаленными, т.к. мы было понадеялись отправить с ним письма домой.

Когда мы шли мимо японского корабля, там поднялся большой шум: кричали, махали руками, в общем, восторженно приветствовали, на что мы также приветливо отвечали. На палубе у них красовалась украшенная елка. Оказалось, что в Кейптауне находится японская антарктическая экспедиция, но об этом впереди. Как только мы стали у стенки, тотчас мы привлекли внимание жителей, но и наше внимание было привлечено не в меньшей степени. Нельзя было не заметить красивые, хотя и скромные платья женщин – приятные расцветки, преобладание клеши, босоножки или вообще босиком. Как будто, ничего особенного, а все вылупили глаза и застрекотали аппаратами. Но вот команда: «Равнение налево!». Идут две девушки. Обе в брюках несколько ниже колен и все они разноцветные: брюки оранжевые и синие, кофточки тоже разноцветные. Эти попугайчики сначала спокойно подошли к нам, но, заметив, что их фотографируют, смутились

и спрятались, но потом вновь появились, и уже все вдоволь нагляделись на это зрелище.

Не меньшее внимание обратили мы и на негров, портовых рабочих. Их одежды явно другого покроя.

Но вот с возгласами приветствия на пирсе появились японцы. Весь этот вечер прошел под знаком хороших, откровенных, дружеских чувств, питаемых друг к другу советскими и японскими учеными. Среди японцев – руководитель антарктической экспедиции по технической части Айсабуро Нишибори и руководитель метеогруппы Ясутаро Морита. Как ни странно, мы с ним все же хорошо поняли друг друга, то с помощью других товарищей, то самостоятельно. У него был также англо-русский разговорник, которым он пользовался. В основном же объяснения шли на английском языке. В японской экспедиции 53 человека, из которых 28 научных работников и среди них 5 метеорологов. На зимовку останется только 10 человек. Они высадутся в отведенном районе впервые и еще не знают, как устроятся. Беседа шла также во время ужина и после него. Затем Морита захотел посмотреть наше кино. Шла «Укротительница тигров». Неужели не могли специально подобрать что-нибудь получше? После кино беседа продолжалась. Мы подарили ему наши бланки синоптических карт и открытки «Привет из Москвы». Они пригласили нас на завтра к себе на корабль. Гости ушли, тепло провожаемые нами, а в это время наши летчики еще выпивали с японскими пилотами.

В этот вечер мы получили валюту. Но где ее тратить, мы не представляли, т.к. на Рождество все закрыто, вплоть до почты, так что и марок негде купить. Утром 26-го поехали на экскурсию вокруг Кейптауна, Столовой горы, в район Мыса Доброй Надежды, а также в заповедник, где по рассказам бывалых людей много всякого зверья. Впечатление от экскурсии огромно. Кейптаун – курортный город, и вокруг него множество вилл. Все это чудесные каменные домики. Они одновременно разные и одинаковые. Каждый имеет свою архитектуру, простую, удобную, приятную для глаза. Однообразие состоит в том, что все они прямоугольные, светлые, с черепичными крышами и красивые. Они однообразны своей безукоризненной чистотой и до игрушечности упорядоченностью. Все вместе они очень похожи на архитектурный макет поселка. Дворики, обнесенные невысоким каменным забором (тоже светлым), целиком вымощены плитами, кирпичом или паркетом. Для клумб оставлены места, много цветов на верандах и балконах. Иной раз кажется, что это не жилые дома, а цветочные магазины. Проезжаем извилистой дорогой по склонам гор, откуда открываются живописные картины видов на курортные поселки и заливы. Издали видим Мыс Доброй Надежды. В одном из пригородов заходим в кафе, пьем кока-колу через соломинку. Подает черный-пречерный негр. Здесь же покупаем открытки, кое-кто зажигалки, трубки, шоколад. Здесь уже не Атлантика,

а Индийский океан. Несколько человек во главе с Семеном Семеновичем успевают искупаться в Индийском океане. Продолжаем поездку и через некоторое время подъезжаем к заповеднику. Нужно заметить, что погода нам не благоприятствовала. Было облачно, временами шел дождь, и мой плащ вызвал всеобщую зависть, хотя вначале, когда выглянуло было солнце, над мной пробовали подтрунивать. К моменту приезда в заповедник дождь разошелся не на шутку, и осмотр был сорван. Была лишь встреча под навесом, где собрались укрывшиеся от дождя, после чего мы поспешили к себе.

Здесь нас уже ждали японцы. Они принесли свои бланки карт, открытки, коробки с сигаретами. Узнав, что мы сегодня уходим, они очень расстроились, т.к. рассчитывали принимать нас у себя. Попрошавшись, мы разъехались кто куда – они к себе на корабль, а мы в город.

29 декабря 1956 г.

Итак, прогулка в город с деньгами в кармане, желанием полезно истратить их и сведениями о том, что все закрыто. Ну хорошо, хоть посмотрим центр города. Как только мы появились на центральной улице, к нам подошел молодой негр и спрашивает: «Are you Russian?» и, получив утвердительный ответ, энергично жмет всем руки, приговаривая: «Good, good». Он спросил, чем может быть полезным. Спрашиваем, где бы купить газету, если уж больше нечего. Он быстро нашел нам мальчишку-газетчика, тоже негритенка, который сразу смекнул, что нас можно обмануть, и начал брать у нас больше денег, чем следовало, но наш добровольный гид не позволил ему обманывать русских. Город красивый, что и говорить. Но зелени мало. В витринах все, что угодно. Хороший костюм 10–12 фунтов, малолитражная автомашина 168 фунтов (фунт – 11 рублей), но все закрыто. Работают лишь рестораны и кино. Вдруг встречаем своих, которые пронюхали, что в некоторых аптеках продается разное барахло, да еще недалеко есть открытый магазинчик. Идем на поиски магазинчика и находим его. Это небольшая, но культурненькая лавчонка с продажей колбасы, сыра, кока-колы, часов, ручек, аккордеонов и пр. На всем написаны цены. Здесь я и трахнул все свои фунты. Когда еще я смогу где-то реализовать эти южно-африканские фунты, а тут отправлю домой подарки.

В 17.20 мы вышли из магазина и, так как были отпущены только до 17 часов, схватили такси и помчались в порт. Здесь на «Кооперации» меня ждал представитель метеослужбы Южно-Африканского Союза м-р Кроуфорд. Опять проявления самого дружеского расположения, взаимные подарки и хорошие деловые разговоры. Уточнили порядок передач им нашей погоды, которую мы уже до подхода к Кейптауну начали передавать. При прощании с Кроуфордом я заодно попрощался еще с одним господином. Это оказался

м-р Гордон Картрайт, американский метеоролог, который будет зимовать с нами в Мирном. Громкий смех, отмена прощания с ним, замена знакомством, обмен приветствиями, и вот в таком непринужденном тоне пошли и дальше наши взаимоотношения.

Все эти разговоры происходили в музыкальном салоне, куда пришли и другие посетители в окружении наших людей. Вообще в этот день на корабле побывало много разного люда, и всех их гостеприимно встречали, хотя и поглядывали за ними... Две девушки, а потом и их две подруги стали играть на рояле, и мы узнали вчерашних попугайчиков. Они были одеты на этот раз в нормальные платья. По нашей просьбе они сыграли Шопена, Листа, «фоксы». А затем их попросили станцевать что-нибудь, и под мой аккомпанемент они очень мило это проделали. Их непринужденность, скромность и умение всем очень понравились. Позже приехал один дядька, который оказался владельцем какой-то фирмы. Одна из этих девушек была его дочерью. Но вот гостей попросили сойти на берег, убраны трапы, и мы готовы к отходу. Погода против нас, идет дождь, видимость плохая. Но, несмотря на это, на пирсе есть люди, белые и черные, которые подошли нас проводить. Завязываются новые разговоры. Одна из особ, бойко поддерживавшая разговор, оказалась психологом. Знает работы И. П. Павлова.

Слово за словом, и вот совсем стихийно начался чудесный концерт. Кто-то кого-то попросил спеть. Мы попросили их спеть первыми. Они спели «Трансвааль». Мы – «Широка страна моя родная». Они еще что-то, мы не отстаем. Появился наш баянист, и вот уже вся палуба полна народу – все слушатели и все исполнители. Вижу, что наш хор стал очень большим и появляется разнотой. Начал дирижировать, и все пошло стройнее. Они поют гимн Южно-африканского союза. Мы – гимн демократической молодежи. Одна сторона не уступает другой. Даем «Калинку». Да как даем! С солистом, с таким дисциплинированным хором, присвистом, что с армейским ансамблем можно потягаться. Даю знак расширить круг, и появились такие плясуны, что все диву дались. Вот уж действительно самодеятельность от души, без всякой подготовки. Даже африканцы начали приплясывать под нашу «Калинку». Танцы и пение продолжались по обе стороны от борта, пока «Кооперация» не отчалила. Оттуда несется русское «До свиданья!», от нас «Goodbuy!» и, причем неоднократно. Отходим от пирса и соображаем, что пройдем мимо японского корабля. Быстро репетируем и молча ждем подхода к ним. Вдруг слышим стройное приветствие оттуда. Мы кричим три раза «Goodbuy!» и после короткой паузы три раза «Саюнара» («До свиданья» по-японски). Так обменялись приветствиями несколько раз, а затем просто кричали и махали руками с обеих сторон, хотя уже стемнело, и было плохо видно.

Снова в плавании. Нас окружает туман, но у всех приподнятое настроение. 27-го декабря жизнь шла уже по привычному режиму. Для нашего отряда

некоторое разнообразие было внесено пребыванием на борту Картрайта, который производит впечатление скромного и работающего человека. Возникла идея устроить сегодня банкет для встречи отряда с новым участником экспедиции. Командование поддержало, и вечером после общего ужина состоялась встреча, на которой присутствовало 40 человек (отряд и приглашенные руководители подразделений экспедиции, командование корабля). Все было хорошо. Хороший стол и хорошие тосты, а потом песни в музыкальном салоне.

4 января 1957 г.

Итак, с Новым Годом! На следующий день после выхода из Кейптауна мы попали уже в Индийский океан. Только первые пару дней мы плыли спокойно, но уже к 30.12 появились признаки приближения хорошего циклона знаменитых сороковых широт. Как мы смогли убедиться, эти широты не напрасно называют «ревущими».

30-го декабря была создана новогодняя комиссия, и меня назначили ее председателем. Я думаю, что главным обстоятельством этого назначения была надежда, что я сумею лучше, чем другие, договориться с погодой. Но пришлось всех разочаровать. В объявленном в этот вечер номере радиогазеты было обещано сохранение штормовой погоды. К сожалению, так и вышло. А шторм приобретал все более серьезные формы. Ветер достигал 25 м/сек, и хотя казалось, что волна не слишком высока (высота волн доходила только до 6–10 метров), движение корабля «лагом» к волне, т.е. вдоль направления волн, приводило к бортовой качке, которая продолжалась методично и, казалось, бесконечно. Были моменты, когда корабль закладывало на 45 градусов, период качания временами был 6–8 сек, т.е. через каждые 3–4 секунды его перекачивало с борта на борт. Говорят, что для «Кооперации» критический крен составляет 56 градусов; она, в общем, держалась бодро и к этому градусу не склонялась. В период шторма, продолжавшегося непрерывно в течение недели, бодрость не покидала население теплохода, хотя некоторым было иной раз не до этого. В ночь на 29.12 началась такая сильная бортовая качка, что, лежа на койках, расположенных в направлении поперек корабля, мы то ударялись головой о стенку, то ногами о противоположную спинку койки. Все, что не было надежно закреплено, срывалось со своих мест и несло в самые неподходящие места. Книжки, банки с вареньем, флаконы с одеколоном, чемоданы, стулья – все несло куда-то, так что получился довольно веселый винегрет. В некоторых каютах второго класса, куда накануне вода еще не попала, иллюминаторы оказались не задраенными, и вдруг среди ночи (а привыкнуть можно ко всему, и, несмотря на качку, все безмятежно спали, изредка просыпаясь и снова засыпая)

ударилась сильная волна, корабль накренился больше обычного, и в каюты хлынули потоки воды. Некоторые со сна вскочили с коек и оказались по колено в воде. Один товарищ, по фамилии Карасик*, на которого хлынул поток воды, и который, вскочив, чуть ли не поплыл, завопил: «Братцы, тонем!» и, барахтаясь в луже воды, стал напяливать на себя пробковый спасательный пояс. Утром началось изучение того, что образовалось в чемоданах, в которых побывала вода.

31 декабря новогодняя комиссия выпускала по трансляции бесчисленное количество различных объявлений о порядке встречи Нового года. Все сводилось к тому, что вследствие шторма никакой порядочной встречи не будет, а будет лишь сплошная символика. В конечном счете дело обстоит так. Всем было роздано шампанское (по бутылке на четверых) и немного фруктов. В 23 ч. 30 мин. я открыл краткий радиомитинг, который все слушали у себя в каютах. Выступили капитан теплохода Янцелевич, начальник рейса Шумский и замполит экспедиции Мещерин. Затем всем порекомендовали слушать Москву и выпивать вместе с москвичами. Большая часть так и сделала, за исключением тех, кто стремился догнать дальневосточников, которые уже давно успели встретить Новый год. Мы с Семеном Семеновичем объединились с Копаневым* и Шляховым, а также с американцем Картрайтом и его соседом по каюте обаятельным Куниным, о котором говорят, что он не может делать только одного – ничего не делать. Он – инженер строительного отряда, но кроме того играет, рисует, свободно говорит по-английски и т.д. и т.п. К нам присоединились еще два биолога и капитан. Два биолога – Беклемишев и Пастернак, очень остроумные и культурнейшие парни. Прежде всего, они прославились тем, что отпустили себе бороды, которые растут у них абсолютно одинаково на манер бород допотопных голландцев или датчан – на щеках и снизу вокруг подбородка. Образовалась довольно крепкая компания, и встреча прошла совсем не символически. Вначале в нашей каюте распили шампанское и мой ликер «Пингвин», предотъездный подарок Мони*. С каждой минутой Нового года становилось все веселее. Через некоторое время пришли радисты и позвали капитана к себе, но он объявил, что пока мы тут встречали Новый год, у него в каюте все подготовили, и позвал всех к себе. Там тоже приняли некоторое количество рома, вина и шампанского, и пошли песни. Гордон все-таки не выдержал этой смеси и дважды вылетал пробкой. К вину добавлялась и качка, но большинство настолько оморачилось, что все смешалось и взаимно нейтрализовалось. 31-го был день рожденья Шумского. По этому поводу пришлось еще днем приложиться к коньяку. И когда позже в музыкальном салоне встретились обе компании, все было весело и громко.

Шторм продолжался еще два дня, и настоящая встреча Нового года состоялась лишь вечером 3.01. У начальства было поползновение никаких встреч

больше не устраивать, ибо это уже превращалось просто в выпивку, запасы спиртного на корабле быстро таяли, и капитан боялся, что им не хватит на последующее плавание. Но демократия победила – нельзя же было лишить всех новогоднего вечера из-за того, что начальство хорошо погуляло в новогоднюю ночь. Меня вообще уже собирались принести в дар Нептуну, чтобы успокоить погоду, тем более, что новогодняя комиссия никак не выполняла своей миссии. Итак, было решено провести праздник третьего, и он удался на славу. Был хороший ужин, а после – сплошные песни, танцы, шутки. О шутках следует сказать особо. Они начались еще 31.12, когда вышла новогодняя стенная газета. Я сфотографировал некоторые ее места, но вся она была бесподобной. Ее выпускали А. А. Введенский, художник И. П. Рубан, В. М. Кунин (в данном случае выступал как карикатурист) и др. В центре газеты была изображена большая елка, слева и справа по краям газеты идущие друг к другу немного хмельные Нептун и Дед Мороз. Заголовок газеты несли два пьяненьких пингвина. Всего, что было в этой газете, не перескажешь. Но ряд вещей настолько хорош, что не рассказать о них нельзя. Одно из центральных мест посвящено Семену Семеновичу. Он, бедняга, довольно тяжело переносил качку. Несколько раз в день выходил к борту для «травления». Невольно мне в голову пришла мысль о том, что ничего особенного в этом нет. Просто оправдывается обычное название «борт-аэролог». С. С., однако, обладает таким делающим ему честь качеством, что, несмотря на укачивание, не прекращает работы. Нет-нет подойдет к борту и снова за работу. Не раз, сидя в ресторане, он говорил: «А может быть, сразу выбрасывать пищу за борт, без передаточной инстанции?». Но мы уговаривали его, что альбатросам лучше давать уже несколько переваренную пищу. Все это не осталось незамеченным. И вот в этой газете крупным планом изображен С. С., «кормящий» альбатросов, а под рисунком стихотворение:

Какая б ни была погода,	И не беда, что травит он
Семен Семеныч на посту.	Как все зеленые матросы.
Готов в любое время года	Он этим, правда, огорчен,
Отправить зонд он в высоту.	Зато довольны альбатросы.

Хороший шарж был сделан в связи с пребыванием на «Кооперации» американца. Изобразили его и меня, крепко пожимающими друг другу руки. У меня в другой руке анемометр, а у него – радиозонд. Внизу четверостишие:

Да здравствует союз науки –
Метеорологи кричат,
Друг другу пожимают руки
Гордон Картрайт, Оскар Кричак.

Презабавнейший шарж был сделан на наших биологов Беклемишева и Пастернака. Их изобразили в виде четвероногого существа с двух головами, причем обе головы очень похожи на своих прототипов и в то же время одна на другую. Надпись гласила:

Открыт биологами новый	Он рыжей бородой колыхет,
Довольно странный индивид,	И разобрать нельзя никак,
Четвероногий, двухголовый,	То Пастернакбеклемишев
Он не причесан и не брит.	Иль Беклемишепастернак.

Много смеха вызвала карикатура на Карасика, изображенного полуголым, с пробковым поясом, бросающимся в пласть по каюте.

Праздник, посвященный Новому году, как я уже писал, был 3.01. Он проходил одновременно в нескольких местах – в двух ресторанах, в курительном салоне, на правой веранде, в кают-компании и в столовой команды на корме. Всюду были накрыты столы с хорошим содержательным оформлением. В ресторане первого класса был установлен микрофон, включенный в трансляционную сеть. Специально созданная накануне бригада под названием «Главтреп» подготовила серию поздравительных телеграмм, которые вызвали немало смеха. Эти телеграммы, за некоторым исключением, приводятся мною ниже. Наиболее острые поздравления достались двум

Фрагмент новогодней стенной газеты на «Кооперации»

замполитам, решившим проявлять чрезмерную осторожность и не выпустившим нас в Кейптауне в первый вечер. Это в большей мере относилось к замполиту теплохода Рябинину. Ему даже была посвящена специальная «комедия» в двух частях, написанная было для стенгазеты, но не увидевшая света, так как он настолько расстроился, что срочно заболел, и врачу корабля пришлось всадить ему два укола в соответствующее место. Досталось и капитану, который не выдержал критики и приказал выключить репродуктор в кают-компании, где он в это время находился. Назавтра все были очень довольны, особенно то начальство, которому меньше всего досталось.

Шуточные поздравления, передававшиеся по трансляции во время новогоднего праздника

Кооперация Янцелевичу За практически автономный переход от Калининграда до Мирного за эффективную экономию пресной воды несмотря на вопли экипажа и экспедиции за удачно-кратковременный заход Кейптаун за экономию средств при отказе ремонтировать машину переход через ревящие сороковые лагом к волне за обещание провести Обь через паковые льды за соблюдение сухого закона на судне и невыдачу красной икры членам экипажа и экспедиции выражаю вам благодарность повышаю должности Министр морского флота.

Кооперация Мещерину Ваши сенсационные сообщения последние известия семнадцатибальном шторме переданы Крокодилу Все смеются поздравляем Редакция последних известий.

Кооперация Рябинину Бди Прутков.

Кооперация Рябинину Группа авторов южноафриканской комедии поздравляет вас с выздоровлением и выносит благодарность врачу Брусиловскому Авторы.

Кооперация Виннику И сельдь и африканский фрукт все плесневеет гибнет вянет в твоих руках любой продукт сверхскоропортящимся станет тебе на свете равных нет по умножению отбросов успехов новых долгих лет с приветом Группа альбатросов.

Кооперация Кунину Рубану По поводу клеветнического фельетона и изображения Карасика в новогоднем номере стенгазеты считаю своим долгом заявить протест против нарушения округлости форм зпт искажения цвета тела тчк готов любое время предъявить компетентной комиссии желательно без женщин вещественное доказательство своей правоты Карасик.

Вскоре после выступления Картрайта, который сказал, что он впервые встречает Новый год два раза.

Кооперация Гордону Картрайту Очень доволен вашим выступлением Следующий раз будем встречать три раза Дед Мороз.

Кооперация Мещерину Смотри в корень Прутков.

Кооперация Янцелевичу Личный состав авиаотряда поздравляет новым годом благодарит за теплое к нам отношение результате чего протяжении всего рейса мы чувствуем себя теплее других Полярная авиация.

7 января 1957 г.

Последние дни прошли под знаком вхождения в антарктические воды. 4-го появились первые айсберги. В тот же день объявились и киты. В последующие дни и то, и другое изредка попадает. Что касается китов, то я пока видел лишь пару фонтанчиков, а вот айсберги проходят довольно симпатичные. Проходят столовые и пирамидальные. Некоторые похожи на причудливые замки. Один айсберг по данным локатора был на удалении 12 миль, но его высота была такой внушительной, что он в надводной части имел не менее 100–150 метров. Какова же подводная часть? Ведь она больше надводной в пять-шесть раз!

Здесь, в умеренных широтах, тропопауза значительно понизилась. Теперь ее запросто достигаем уже на высоте 8–9 км, а выше температура медленно растет.

Вчера состоялся научный семинар экспедиции. Первоначально предполагался мой доклад о программах научных и наблюдательских работ нашего отряда, но затем мы решили, что на эту тему целесообразнее говорить в Мирном, особенно с мирянами. Пока же обсуждали лишь тему о снежном покрове, которая идет по двум отрядам – аэрометеорологическому и гляциологическому. Докладывали Копанев и Котляков*, предварительно мы сами трижды переделали программу, тем более, что ГГО не позаботилась подготовить хорошую программу. Теперь у нас гораздо больше ясности, хотя даже такой, казалось бы, простой вопрос как измерение высоты снежного покрова, оказывается не таким уж простым. От какого уровня измерять высоту? Почвы нет, подснежный лед не всегда легко достать. В умах начинают зреть новые планы. Пока мы с С. С. поговаривали между собой о целесообразности перелета через материк, скажем, от Мирного до Литл Америки, у пилотаг возникли идеи полета вокруг Антарктиды. Эта идея всем понравилась, и предварительные программы ее уже составляются.

11 января 1957 г.

Вчера пришли в Мирный. Собственно, еще не совсем пришли, а находимся примерно в километре от него, у припая. С одной стороны, все здесь необычно, и в то же время все довольно просто, как будто не так уж далеко забрались. Но попробую по порядку. Я не писал дневник несколько дней,

т.к. тратил время на его перепечатывание из тетради, чтобы можно было послать домой. 9-го над нами появился самолет ИЛ-12 И. И. Черевичного. Прошел три раза над «Кооперацией» и ушел обратно к Мирному. Вскоре стало известно, что «Обь» идет вблизи нас, но появился туман, и мы долго не могли ее разглядеть. Только ночью и утром «Обь» показалась и уже в течение всего дня и далее шла впереди нас. В этот день мы рассказали Картрайту о программах нашей работы, в ответ на что он обещал рассказать и о программах США. Сам он высказал одобрение нашим программам и рассказал, что лично он имеет намерение заняться фотографированием облаков, на что у него есть аппаратура, и кроме того хочет поработать с синоптическими картами. Это, пожалуй, будет удобно и для нас. Мы и так думали приспособить его к синоптике.

10-го появились первые льды. Я, кажется, писал, что в последние дни мимо нас проходило множество айсбергов. Одновременно вокруг нас проходило до 20 айсбергов. Некоторые были очень большими, до 500, может быть, и более метров в длину. Многие имели прямо-таки фантастические очертания. То в виде самолета с задраным хвостом, то в виде замка, но больше всего проходило столовых айсбергов с плоским верхом. «Обь» все время шла впереди нас и через некоторое время ввела нас в пояс сплошных льдов. Эти льды были мощными. Их отжало от берега сильным ветром, который был у Мирного и вообще в этом районе в последние дни. Через некоторое время льды кончились, и мы вышли на чистую воду. Более крепкий лед, который не мог быть сорван ветром, удерживался у берега в виде припая. Появился вертолет. Он показывал дорогу «Оби» и нам, и мы, обходя большие айсберги, увидели, наконец, сначала отдельные выступавшие из ледника и снега скалы и затем Мирный. Конечный пункт нашего плавания! Антарктида! Заснеженный, одетый в ледник огромный континент. Мы видим на нем разбросанные коробочки, домики мирян. Замечаем самолеты. Да, этот материк явно обитаем. Множество радиомачт указывает на то, что это не оторванный от всего мира район. Нам хорошо видно, что тут ничто не напоминает дачный поселок, но при всей грандиозности этого ледяного царства вид довольно большого поселка, авиации, двух кораблей несколько нарушают ту романтическую картину, которая рисуется подчас воображению. Еще на ледовом поясе, даже на его первых льдинах, нас начали встречать хозяева Антарктиды – пингины. Смешные чудачки. О них уже немало написано, и мы встречались с ними как со старыми знакомыми. Сколько пленки ушло на первого пингина! Здесь же много тюленей. Идя уже во льдах, мы проходили мимо одного из островков группы Хасуэлл, сплошь усеянного пингинами. Их здесь тысячи. Подошли мы на расстояние 1,5 км от Мирного и остановились. Было приказано никому на лед не сходить, и все мы чего-то ждали, ибо не укладывалось в сознании, что пришли в Антарктиду, и можно

так просто отнестись к этому. Хотелось увидеть всех сразу. На «Оби» находится также немало интересных людей, которых нужно повидать. На палубе «Оби» мы видели Хромова* и махали друг другу руками. Поздно вечером к нам пришел аэролог Бабарыкин*, неугомонный полярник, которого ЦАО не раз уже посылало в полярные экспедиции. К нам в каюту набралось не менее десятка человек, и мы долго расспрашивали их и отвечали на вопросы.

15 января 1957 г.

В последние дни мы так много работаем на разгрузке корабля, что на дневник совершенно не хватает времени.

Мирный – это уже солидный поселок. Группы домов и домиков, склады, радиостанции, аэродром. И новые стройки. Местность сильно пересечена. Вершины каменных гор выступают из-под снега. Да и в поселке, наряду с обнаженными участками, еще много сугробов снега. Идя по поселку, приходится все время преодолевать их и смотреть в оба, чтобы не попасть в лужу по колено или по пояс. В Мирном уже много сделано, и миряне могут гордиться результатами своего труда. Но у меня нет времени так подробно писать. Пингины. Ну, о них тоже двумя словами не отделаешься. Они страшно комичны. Здесь сейчас живут только сравнительно небольшие пингины Адели. Императорские пингины ушли и должны прийти позже. Этих милых птиц очень много. Они расхаживают в одиночку и чаще группами, подходят к кораблю или просто к людям, тракторам и внимательно рассматривают. Когда их фотографируют, они как будто позируют. Они не любят резких движений и удирают, смешно переваливаясь с ноги на ногу, или, ложась на пузо, скользят по снегу, отталкиваясь ногами. Своими недоразвитыми крыльшками они только размахивают, сохраняя равновесие. Доктора Мирного стараются приручить их. Тройка пингинов постоянно живет на крыше домика врачей. Их кормят рыбой, но пока они не слишком веселы от этой пищи. Возле другого дома тоже сидит в клетке большой (императорский) пингвин, но он слепой – в той пище, которую ему дают, чего-то не хватает, и это вызывает авитаминоз и слепоту. А в общем, они, конечно, развлекают нас.

17 января 1957 г.

Я уже указывал, что в последние дни главная наша роль сводилась к работам по разгрузке корабля. В этом деле принимали участие абсолютно все, кроме связистов, которые сразу включились в работу узла связи, и некоторых пилотов, которые вообще из другого теста сделаны. В первый день разгрузки, т.е. 12.01, мы были разбиты на смешанные бригады, т.е. бригады, составленные из лиц различных отрядов, и работали грузчиками. В общем,

за эти дни мы перетаскали уйму различных грузов, сначала с корабля на лед, а потом эти грузы тракторами вытаскивали на берег, и мы разгружали их в склады или на площадки. Специально выделенная ледовая милиция круглые сутки бурила лед в разных местах и определяла его толщину. Она быстро уменьшалась – от 1,5 метров до метра и во многих местах до 80 см. В опасных местах ставился флажок, и здесь тракторам ездить уже было нельзя. Только два дня езда тракторов проводилась круглые сутки, но солнце делало свое дело, и движение по льду было перенесено только на ночь. Днем можно было лишь ходить людям. С сегодняшнего дня бригады стали комплектоваться уже по отрядам, и мы занялись своими делами. Мы возвели помост рядом с железным эллингом, где производится добывание водорода и наполнение оболочек, и загрузили его химикатами для добывания водорода. Хотим теперь застроить этот помост, чтобы получился склад, прорезать в стене эллинга дверь, и тогда зимой, когда будут сильные снежные заносы, можно будет иметь химикаты под рукой и не откапывать их из-под снега. Пока что знакомимся с работой зимовавшего отряда и частично даем своих людей на разгрузку аэрологов прошлой смены, которые заметно устали от обилия работы. Здесь так много солнца, что все здорово загорели, а я и Семен Семенович даже работали днем по пояс голыми и закрепляли тропический загар.

20 января 1957 г.

Много нового и, к сожалению, мало утешительного. Уже сразу, как только мы прибыли, стало ясно, что далеко не все так хорошо организовано, как следовало. Главное в том, что проблема открытия новых станций Восток*, Советская* и Комсомольская* очень усложнилась из-за того, что взятый нами транспорт плохо пригоден к выполнению этой задачи. Этот тип тягачей имеет низкую посадку и небольшую ширину гусениц, из-за чего на рыхлом сыпучем снегу центральной Антарктиды они будут проваливаться и не будут эффективными. Самолеты тоже не решают дела, т.к. они не имеют необходимого радиуса действия. Они были бы хороши, если бы тягачи позволили создать действенные промежуточные пункты, но последние при больших переходах везут горючее только для собственного продвижения, а на полезный груз уже пороха не хватает, отсюда возникают сомнения в возможности организации Советской в этом году, а организация Востока, хотя и возможна, но не по прежнему плану. Есть большая опасность, что это будет маленькая станция без серьезной программы, отчего ее ценность в ближайшее время будет невелика. Я вижу некоторую возможность улучшения дела, но мои предложения встречаются не слишком горячо по той простой причине, что сталкиваются разные направления, а начальство не считает нужным

действовать концентрированно и склонно распылять силы. Продолжаем вести расчеты и доказывать. Все это отражается также на том, что сейчас спланировать работу отряда на ближайшее время довольно трудно. Ясно только то, что через четыре дня придет «Лена», и мы вновь будем заняты на ее разгрузке.

Вчера резко изменилась ледовая обстановка. После двухдневного ветра со скоростью до 20–25 м/сек началась подвижка ледяного припая, в котором находилась наша «Кооперация». В последние дни я регулярно вел дневник и был не в меру краток. Я не указал своевременно, что «Обь» закончила свое дело, разбила лед вблизи «Кооперации», чтобы та могла маневрировать сама, и ушла 14.01.57 г. Ее путь лежит теперь обратно к Кейптауну, но не прямо, а с различными изломами, необходимыми для проведения исследований на юге Индийского океана. После Кейптауна она вернется к нам, заберет строителей и часть научных работников и пойдет домой. Итак, «Кооперация», которую в Мирном зовут и «Кооперативом», и «Сельпо» (название, действительно, неблагозвучное, но кораблик неплохой), осталась одна. Когда началась подвижка льда, капитан увел теплоход подальше, чтобы не попасть под толчки айсбергов и льдин. Вчера и сегодня мы были свидетелями того, как делаются айсберги. Отрываются большие куски и уходят в самостоятельное плавание. После ужина в Мирном мы, не видя вблизи своей «квартиры», которая плавала где-то у горизонта, посмотрели кино и вышли на остаток припая. «Кооперация» к тому времени причалила, и часа через полтора после ее подхода оказалось возможным спустить нам парадный трап, и мы оказались «дома». На утро кое-кто успел сойти на лед и пройти в Мирный, но вскоре корабль отошел от льда и целый день гулял. Припай к этому времени еще больше отошел, и вот сейчас уже 01 час. 30 мин. 21.01, и мы причалили к тому месту, где все последние дни была дорога с берега на лед. Посмотрим, что будет завтра.

Сегодня мы с Семеном Семеновичем сложили все наши вещи и приготовились к полному сходу в Мирный. На твердой земле уже живет несколько наших товарищей, но для всех еще нет места. Картрайта перевели сразу же. Забавный случай: до его въезда в свою комнату ему не успели врезать в дверь замок, но когда уже при нем пришел рабочий сделать это, он сказал, что ему замок не нужен. Начальство по этому поводу впало в беспокойство. Он-то нам доверяет, но все ли заслуживают доверия?

22 января 1957 г.

«Кооперация» стоит у самого спуска с ледяного барьера на то место, где еще на днях был припай, т.е. сплошной лед, припаянный к берегу. Теперь в этом месте чистая вода, и теплоход стоит, как у пристани. Вчера была

годовщина со дня гибели Ивана Хмары, который провалился на тракторе под лед. Зимовщики Мирного присвоили его имя небольшому мысу, у которого произошло это событие, и поставили на скале гранитный памятник. Вчера было открытие памятника, возле которого собралось много людей, отзимовавших и собирающихся зимовать. Сегодня в 22 часа пришла «Лена». Снова на «рейде» Мирного оживление. Стоят два корабля, а между ними снует красный катерок, называющийся «Пингвин».

Мы ведем строительство склада, а вскоре должны начать стройку нового дома, в котором будем жить, т.к. имеющегося дома не хватает на наш отряд. Большая часть живет еще на корабле, но нас уже начинают вежливо просить перейти на берег и уступить место отъезжающим.

27 января 1957 г.

23 января был для меня особым днем – я получил письмо из дома, хотя совсем не ожидал этого. Я должен извиниться перед моими домашними, так как не думал, что будет проявлено столько энергии. Просто я думал, что они не будут знать, что это можно сделать. И хотя письма были написаны вскоре после моего отъезда, для меня они были совершенно свежими и такими хорошими, что я как будто побывал дома.

24-го мы перешли жить в Мирный. В одной из комнат метеодомика поместились Гайгеров, Шляхов, Копанев и я. В ближайшие дни, когда полностью переедет на «Кооперацию» Таубер*, я займу его комнатку. У него довольно уютно, и у меня, надеюсь, будет так же. Вообще домики здесь очень хорошие. Главное то, что они прочные, не продуваются, сохраняют тепло, так что в самые лютые морозы температура в них не понижалась ниже +15 градусов. Здесь очень хорошая система отопления – электроводяное отопление. Имеется регулятор, действующий автоматически: если температура достаточно высока, он выключает систему, а если температура воздуха в комнате понижается ниже устанавливаемой заранее, включается ток, и снова все заработало. Примерно через неделю начнется строительство второго домика для нашего отряда.

23-го было партийное собрание. Обсуждались вопросы разгрузки «Лены» и открытия новых станций. По этому вопросу мне пришлось взять на себя роль смутьяна номер первый и доказывать, что планируемые способы разгрузки не могут нас устроить, и особенно это отразится на развитии аэрологии в период МГГ. Меня поддержало много других товарищей, даже не из нашего отряда, что возымело, как будто, некоторое действие. Сейчас уже исходят из необходимости запускать аэрологию на станции Восток в ближайшее время. Все надежды на то, что авиация сможет сделать больше, чем ей предназначалось первоначальными планами. После собрания я чувствую

более благоприятное отношение к нашим вопросам, что означает, что моя резкая позиция воспринята правильно.

24-го «Лена» ушла к западному шельфу километров на сто, и там выгружали самолеты. Ледниковый барьер там низкий, и разгрузаться было легко. 26-го «Лена» опять пришла в Мирный и остановилась рядом с «Кооперацией», где ей было подготовлено хорошее место. Вчера же началась ее разгрузка. От нашего отряда на разгрузке работает 12 человек. Прошлой ночью я тоже работал, а сейчас не на разгрузке, т.к., возможно, завтра полетим на Оазис Бангера*. Эта станция будет в основном метеорологической, и начальником назначается наш работник Г. И. Пащенко*.

Прошлой ночью ветра почти не было. Лишь во второй половине ночи потянуло южным ветром небольшой силы. Сегодня к вечеру задул ветерок до 18–20 м/сек, также южного направления. Говорят, что это типичный стоковый ветер (ледниковый ветер). Но почему этот ветер проявляется сегодня и почти не проявлялся вчера, хотя градиентный ветер и вчера, и сегодня одинаково слабый? Хорошо, если бы загадки сильных ветров Антарктиды оставались просто интересными загадками. Но в данном случае этот ветерок не обошелся без последствий. Под утро 28.01 ветер, направленный с континента, настолько сильно нажал на «Лену», что ее стало отрывать от того небольшого припая, к которому она была пришвартована. Ко всему «хорошему» одновременно стало ломать и сам припай. В результате произошел взлом припая, обвал его кромки, и одни сани с грузом бензиновых бочек полетели в воду. Вместе с ними полетело в воду также три человека. Двоих вытащили сразу, а третий оказался на санях, которые поплыли в море, уносимые ветром. Была спущена шлюпка, но ее тоже быстро уносило. Так сани и шлюпка уплыли далеко за Хасуэлл*, но человек был снят с саней, а «Лена» пошла к шлюпке, и все вскоре были на борту корабля. Жертвы были предотвращены, но положение все же осложнилось. «Лена» уже не могла стать на свое прежнее место, ибо прежнего причала не было. Через некоторое время и «Кооперация» должна была отойти, так как ее тоже начало срывать с причала. С того времени прошло уже почти трое суток, а новое место для выгрузки «Лены» так и не найдено, и разгрузка корабля прервалась. Все внимание руководства сейчас занято поисками такого места, ибо от этого многое зависит.

Вчера состоялось первое заседание Ученого Совета нового состава экспедиции. Были доклады начальников гляциологического, аэрометеорологического и геофизического отрядов о планах научной работы. Весь смысл этого обсуждения состоял в том, чтобы определить будущую работу в условиях, которые сложились из-за позднего прихода кораблей и неполноценности наземного транспорта, что осложнило задачу открытия новых внутриконтинентальных станций. Наш план, естественно, перестроен. Он предусматривает теперь проведение намеченных ранее работ в Мирном,

организацию метеорологических и аэрологических наблюдений на Пионерской*, в Оазисе и на станции Восток, а также простейших метеонаблюдений на станции Комсомольская, которая будет промежуточной между Пионерской и Востоком. На Советской, если она вообще будет открыта нашим составом, будут только простейшие метеонаблюдения, а аэрологию, может быть, развернет там новая смена. Наш план не встретил возражений. Досталось гляциологам, которые размахнулись крепко, но должной подготовки и реальных возможностей не имеют. Наш план может быть выполнен лишь при условии более интенсивного использования авиации, с чем после моего нажима на партсобрании и последующего нажима других работников, особенно авиаторов, начали считаться. Мне странно думать, что я кому-либо открыл Америку, но факт тот, что именно теперь мозги начали поворачиваться у товарищей руководителей в этом направлении. Во всяком случае сегодня А. Ф. Трёшников* окончательно согласился с нашим планом. В отряде все довольны, ибо это значит, несмотря на сложившуюся обстановку, мы можем рассчитывать, что сделаем полезное дело. Завтра приступаем к строительству второго домика для отряда. Это будет большое дело, ибо нам сейчас трудно разместиться всей нашей большой семьей. Сегодня у нас был К. К. Марков*. Беседовали на разные темы, в том числе и об университетских делах.

Так как «Кооперация», где уже живут на наших местах зимовщики, собирающиеся на родину, последние дни бродит на рейде, и ряд работников тауберовской команды не смог явиться на дежурства, мы приняли все на себя, и теперь уже вся работа ведется нами. Таким образом, мы уже крепко загрузились работой: наблюдаем, строим, готовим внутриконтинентальные походы и т.д. Я никак не соберусь начать писать письма. Проявил все свои пленки. Есть много интересного, но когда буду печатать, знает один Аллах. Цветные пленки, видимо, отправлю домой, чтобы их там проявили.

4 февраля 1957 г.

1-го февраля вместе с Г. М. Таубером летали в Оазис Бангера. Вылетели в 15 час. 52 мин. на самолете ИЛ-12 с пилотом Лебедевым. С нами полетел также начальник связи Д. П. Аралов. Пролетаем ледник Хелен, затем бухту Депо, где в прошлом году пытались вначале создавать Мирный. В 17 час. 20 мин. подходим к шельфовому леднику Шеклтона. На другой его стороне, т.е. на восточной, виден Оазис – гористое место, освобожденное от снега и льда. На ровном поле ледника, приспособленном под аэродром, стоит палатка, и здесь мы пять часов ожидали вертолета. У палатки и в ней лежат продукты – сухари, хлеб, консервы, халва, варенье, и мы воспользовались ими, пили вкусный чай, который вскипятили на газовой плитке, стоявшей здесь же

в палатке. В 22 часа 40 мин. на вертолете пилота Колошенко полетели дальше и через 15 минут были у станции Оазис. После сплошных ледников и айсбергов здесь совсем другие края. Гористая местность полностью свободна от снега. Здесь множество озер, и, можно сказать, даже есть своя прелесть. Но бросается в глаза почти полная безжизненность. Ни растений, ни птиц, ничего, кроме гор, озер и камней. Станция состоит из нескольких палаток и складных домиков, но все сделано хорошо и даже любовно. Вечером мы провели некоторые беседы с новым начальником станции, нашим работником И. Г. Пащенко. Утром же вместе осмотрели окрестности на предмет установления места будущего развития здесь аэрологии. В 10 час. 30 мин. мы уже вылетели на вертолете обратно, а в 12 час. 52 мин. на прилетевшем ИЛ-12 улетели в Мирный. Через 1 час 20 мин. мы были дома. Перед вечером замела метель. Это первая метель при нас.

Пока я наговаривал на пленку говорящее письмо, в котором неосторожно заявил, что Антарктида еще не очень-то себя проявила, она решила проявить себя. За несколько часов все покрылось свежим снегом, и это напомнило всем, что нужно торопиться с прятаньем всякого имущества, ибо потом все занесет, и ничего не найдешь. В этот вечер отпечатал много снимков. Сегодня во втором часу ночи снова произошел обвал ледяного барьера у места выгрузки «Лены», и разгрузка опять прекращена. Однако скоро она возобновится, и после ее окончания оба корабля, «Кооперация» и «Лена», уйдут. Первая – домой, а вторая – на работу в океан. В августе-сентябре нас снова посетят «Обь» и «Лена», и потом мы надолго останемся одни. Но нас много, и мы постараемся постоять за себя. Георгий Михайлович Таубер завтра-послезавтра переселяется на «Кооперацию», и мне нужно все отдать ему. Поэтому я заканчиваю эту часть дневника и отдаю ее для передачи домой. Далее буду продолжать писать уже для передачи с «Обью» и «Леной». Пока! Перехожу к написанию простого, хотя и краткого письма.

9 февраля 1957 г.

Прошло пять дней с тех пор, как я написал предыдущую страницу дневника. После этого дневник вместе с письмом и фотографиями был отдан Г. М. Тауберу, который перебрался на «Кооперацию». Она давно уже не стоит у берега Мирного, дефилирует где-то в ближайших водах, дожидаясь того желанного для ее пассажиров дня, когда она отправится на родину. В Мирном продолжают находиться, кажется, только три человека из числа отъезжающих на «Кооперации» – М. М. Сомов*, корреспондент ТАСС И. Д. Денисов и художник И. П. Рубан. Задержка с отплытием вызвана тем, что «Лена» еще не разгрузилась и потому не может вывести «Кооперацию» из ледяного пояса. У самого берега вода чистая. Давно уже сильные ветры отогнали весь

лед, и только отдельные айсберги плавают вблизи берегов Антарктиды. Кроме того, Москва требует, чтобы, выполняя решение декабрьского пленума ЦК, а также учитывая сложившуюся здесь обстановку, означающую, что некоторые работы не будут выполнены так, как это предполагалось вначале, была проведена экономия в расходах на экспедицию и сокращение численности состава, остающегося на зимовку. Не знаю, насколько это будет целесообразно с точки зрения экономии, но у нас по крайней мере работы много, и сокращение было бы потерей возможности эффективно провести МГГ. Пока происходит переписка с начальством Москвы, время идет, и «Кооперация» стоит. Вот уж, действительно, неоправданный расход!

Итак, весь старый состав отряда на корабле, и мы полностью ведем всю работу. Семен Семенович тоже находится на корабле – переписывает старый архив, чтобы можно было здесь обмозговать результаты не только наших наблюдений, но и прошлогодних. Будет более солидный материал, а мы все-таки не просто наблюдатели, а хоть и скромные, но исследователи.

Три дня назад началось строительство нашего второго дома, а сегодня уже положили потолки. Мы очень активно помогаем строителям, и работа идет быстро. Конструкция этих домиков очень хорошо продумана, и собирать их легко. Для моего сына Сенюрки это была бы увлекательная работа. Как будто это детский строительный набор, только немного тяжеловатые конструкции. Но когда их ворочает десяток здоровых мужиков (в том числе и мы), то все кажется не таким уж трудным. Продолжаем разбирать свои грузы и укладывать их в наш новый и отремонтированный старый склады. Наши наиболее отличившиеся строители склада В. К. Кильдяшев и А. И. Лукошин получили благодарность в приказе по экспедиции. Разбирая грузы, мы обнаружили странные ящики с такой надписью: «Отправитель – ХЭМЗ (Харьковский электромеханический завод), получатель – Комплексная антарктическая экспедиция». И далее: «Груз предназначен для крайнего севера Арктики». Вскрыли, пользуясь тем, что хозяин груза не приходит за ним, а он лежит возле нас. Оказались стиральные машины. Притащили одну к себе и установили в нашем доме. Но слух о нашей своеволии дошел до начальства, и нам предложили сдать машину. Пришлось сочинить версию, что мы ошиблись – решили, что это барокамера, но, разобравшись, поленились отдать, тем более, что никто ими не интересовался. Короче говоря, кажется, мы все-таки получим разрешение оставить машину у себя.

На днях было общее собрание, на котором меня не было – мы срочно «подтаскивали» к Мирному циклон, как вдруг поднялась такая метель, что мысль о том, что у нас лето, вылетела из всех голов. В наказание за такое прегрешение меня выбрали в избирательную комиссию, и даже, говорят, было несколько теплых по моему адресу выступлений. Ну что ж, я думаю, что у нас выборы пройдут неплохо.

Погода здесь все-таки не из простых. Когда у нас было ясно, на Пионерской были сплошные низовые метели с видимостью 100–200 м, но главное в том, что там были и облака, природа которых так и не понята нами пока что. Вчера пришел новый циклон и показывает себя очень выразительной облачностью, моросью и снегом, правда, очень мелким.

Позавчера вглубь Антарктиды вышел санно-тракторный поезд гляциологов. Через десять километров он уже застрял и продвигается со скоростью один километр в час. Самым важным для всей экспедиции в настоящее время является то, что до наших руководителей дошло, наконец, что устраивать походы сначала на Комсомольскую, а потом на Восток нельзя, и что идти туда без серьезной научной программы тоже нельзя. Теперь уже решено, что аэрология будет представлена на Востоке тремя (!!!) аэрологами, и даже возьмут локатор. Это стало возможным именно благодаря тому, что взята в расчет серьезная работа авиации. Двух последовательных походов в прежнем понимании тоже уже не будут организовывать. Через пару дней пойдет небольшой поезд на Комсомольскую, через пару недель – поезд на Восток. То есть почти выполняется то, на чем я настаивал. От нас на Восток направляют трех прекрасных людей – И. С. Тетерина*, В. К. Шимановича* и И. Г. Евстифеева*. Все довольны, и нужно только не дышать, чтобы не спугнуть начальство. Ну вот, кажется, я наверстал пропуск.

15 февраля 1957 г.

Сегодня утром ушла «Кооперация». Теперь по-настоящему началась самостоятельная зимовка, хотя работы по нашей программе уже начались с начала месяца. Но пока корабли были здесь, было много народа, было много других вопросов, которые нас занимали. Теперь разгрузка окончена, и жизнь полностью определяется нашими экспедиционными планами. 12-го хоронили Буромского* и Зыкова*. Накануне в Москве было объявлено о наших несчастьях, и, безусловно, это принесло немало беспокойства нашим родным. Что делать? В нашем большом деле не обошлось без потерь... Я не знал, как будет сообщено об этом во всеуслышанье, и не хотел расстраивать своих. Поэтому и не написал в дневнике об этом случае. Меня при этом не было, и знаю по рассказам очевидцев. По московскому радио все рассказано правдиво. На всех нас этот трагический случай произвел тяжелое впечатление. Но помочь делу, действительно, не было возможности. Ведь эти несчастные были просто убиты летевшими на них бочками, и их извлекли уже мертвыми. К нам прибежал наш Зиборов* сразу после происшествия и рассказал то, что он сам видел. Некоторое время мы не знали, где наш Попов*, и беспокоились за него, но оказалось, что он оставался на «Лене», не успев выйти на берег для работы. Как иногда полезно не спешить! После

этого случая останки погибших увезли на 20-й километр, где во льду они ожидалась похорон или того, чтобы их увезли на родину. Увезти оказалось невозможным – переход через экватор был бы для них вторично небезопасен. Была сделана гробница на одном из островов группы Хасуэлл. В назначенный день гробы были привезены вертолетом и с почетным караулом на катере они были доставлены на остров. Туда прибыли товарищи с Мирного, «Лены» и «Кооперации». Если бы не такой случай, можно было бы полностью восхищаться суровой красотой этого края. Этот остров, сложенный из каменных глыб, очень красив. На пути к нему мы проплывали мимо еще более могучих скалистых островов. И хозяева этих островов, пингины, были так прекрасны, как нигде. По подсчетам нашего биолога Сыроечковского их там около 6000. Это пингины Адели. Рост их 40–50 см. Более крупные, императорские пингины, водятся в других местах и лишь приходят сюда в другое время года для выведения птенцов, причем делают они это в самое холодное время. Тогда они снесут яйца, и самки будут держать их в лапах, то есть этих недоразвитых крыльях, служащих им для плавания и поддержания равновесия при ходьбе. Сделал несколько снимков пингинов.

На высоком месте острова, на одном из скалистых уступов, из железобетона был поставлен ящик, обтянутый красным и черным, и плита для закрытия его сверху. По сооруженному настилу гробы вынесли на этот уступ и положили на вечный покой. Накрыли плитой и замуровали. А над их изголовьем была укреплена мраморная мемориальная доска.

13-го была годовщина поднятия флага над Мирным. Был устроен митинг, посвященный также прощанию отъезжающих с приехавшими. Приехали многие «кооператоры», которые прощались с нами, мирянами. Теперь мы поменялись ролями. После краткого митинга все разбились на кучки, и не было конца рукопожатиям, объятиям, поцелуям. Мы проводили отъезжающих на катера и остались хозяевами в Мирном.

19 февраля 1957 г.

13-го летал на Пионерскую. В Мирном в это время была хорошая погода, малооблачная и тихая. На Пионерской – сплошная облачность и поземок при ветре 12–14 м/сек и видимости 1 км. Вообще погода Пионерской нас все время сильно смущает. В Мирном ледниковый или, как его еще принято называть, стоковый ветер ведет себя вполне закономерно: ночью он усиливается, а днем ослабевает. Это обратно тому, что делается на обычных континентах, но все же никого не озадачивает. В облачную погоду он почти не проявляется, т.к. ночное охлаждение ослаблено, но в ясную погоду он выражен очень хорошо. В тылу циклонов этот ветер также выражен лучше, т.к. он совпадает по направлению с градиентным ветром. Этот ветер достигает

иной раз 20 м/сек. На Пионерской положение иное. Там круглые сутки ветер держится порядка 13–15 м/сек, и поднимается такой поземок, что видимость резко ухудшается. Временами он еще более усиливается. Кажется странным и другое – когда в Мирном облачности нет, на Пионерской зачасую она есть, хотя ветер на высотах направлен с континента. В этот день представилась возможность своими глазами посмотреть эти условия. Километрах в 70 от Мирного к югу началась облачность, и полет проходил почти полностью в облаках. При этом высоту по радиоальтиметру держали около 300 метров над ледником, одновременно поднимаясь над уровнем Мирного до 3000 м (высота Пионерской – 2700 м). Ветер имел небольшую составляющую с севера, и этого, по-видимому, было достаточно, чтобы в восходящем по склону ледника воздухе образовывались облака. К моменту нашего прилета на Пионерскую ветер усилился, и поземок стал сильнее. И хотя мы видели всю станцию с воздуха, как только снижались для посадки, почти полностью теряли видимость и сесть так и не смогли. Улетели обратно. Пролетали над санно-тракторным поездом Шумского*, который вышел из Мирного 7-го. Этот поезд часто останавливается для бурения льда и других гляциологических исследований и пока работает на 70-м километре.

14-го ушел поезд Пелевина*, направляющийся на Комсомольскую. Он теперь меньше, чем предполагалось в первое время, т.к. авиации придано ее значение, и часть грузов она возьмет на себя. На днях уйдет поезд Аверьянова* на Восток.

Мы оборудовали хороший самолет ЛИ-2 (новая машина пилота Дмитриева) и начали самолетную программу, хотя она у нас была поставлена как желательная, но не обязательная.

Сегодня сделали санитарный день. Все вымыли и вычистили, постелили ковровые дорожки, и стало очень хорошо, все довольны. Но надолго ли Шарик бантик?

21-го поезд Пелевина пришел на Пионерскую. Пройти этот путь за одну неделю – это очень хорошо. Но такая скорость обошлась недешево. Сани не выдерживают той трепки, которую им приходится переносить, и ломаются. Пришлось изготовить усиленные крепления брусев и послать их на Пионерскую самолетом вместе с некоторым количеством строителей. То, что сэкономили в пути, теперь израсходуют на ремонте. Вперед наука. Дальше ремонтировать будет гораздо сложнее и придется держать скорость поменьше. Кстати, сегодня на Пионерской минус 42°C при ветре 13–15 м/сек. Но поземок, который все время там держится и ухудшает видимость, значительно слабее. Видимо, повлияло понижение температуры, хотя при этом снег должен быть еще более рассыпчатым. Первые же полеты нашей летающей лаборатории на Пионерскую обнаружили интересное явление – даже днем там существует приземная (в наших условиях, наверное, лучше говорить

ледниковая) инверсия. Она и при солнечном нагреве не успевает разрушиться. Она то и служит, видимо, не прекращающейся и в дневное время причиной стокового ветра, который и дает там себя знать в то время, как у нас он днем прекращается.

У нас в отряде все идет нормально. Переоборудуем метеоплощадку – устанавливаем новые приборы, улучшаем линии связи и т.д. Приступили к составлению высотных карт. Приспособили для этого Картрайта, ну и, конечно, сами принимаем в этом участие. Вчера впервые видели на своей карте, как антарктический антициклон нижнего слоя атмосферы уже на уровне 500 гПа (5 км) превращается в циклон.

26 февраля 1957 г.

23-го запись в дневнике я делал днем. Кстати, этот день – один из знаменательных дней, особенно для мужчин – День Советской Армии. Все мы служили в армии, и привязанность к ней не иссякает. Мы с Семеном Семеновичем послали поздравительную телеграмму в ГАМС*. Вечером было собрание избирателей. Три доверенных лица рассказали о наших кандидатах – об актрисе Малого театра Шатровой, о директоре московского ЦУМа, о севморпутьевском синоптикере Комовой. После этого смотрели фильм «На всякого мудреца довольно простоты» с участием Шатровой. Лучшей агитации за актрису не придумаешь. Все прошло, как нельзя лучше. Лишь только все разошлись и в кают-компании осталось 5–6 человек, как вбегает кто-то и кричит: «Дом горит!». Выбегаем и видим языки пламени на новом доме летчиков. Хватаем висящие в кают-компании огнетушители и бежим к дому. Пламя лишь на крыше, а в самом доме спят ничего не подозревающие его обитатели. Поднимаем шум, звонит колокол, и вот уж сбежался весь Мирный. Притащили много огнетушителей, довольно быстро достали уйму ведер и таскали воду из разных пока еще существующих водоемчиков. Но огонь все более разгорался, и наши усилия помогли лишь вытащить из дома почти все ценное, несколько замедлив развязку. В эту ночь стоковые ветры, как назло, разыгрались и раздували пожар. Была опасность, что может загореться соседний дом. Но ветер сносил искры пожара немного в сторону. Правда, защита этого дома была более организованной и эффективной. Приготовили воду, огнетушители, расставили людей. Но главным пожарником, спасшим этот другой дом, был тот же ветер, который помог гореть первому дому – он не давал искрам попадать на соседний дом. Что же касается людей, то мы действовали довольно неграмотно и, может быть, поэтому не спасли дома. На следующий день в лагере было плохое настроение, но прозвучал сигнал аврала, и все не занятые на дежурстве вышли на расчистку пожарища и ближайшей территории. Строители взялись за 10–12 дней отстроить на старом

месте новый дом, и все готовы помогать им в этом. Проведенный аврал вселил во всех дополнительную уверенность в том, что нас пронять так просто нельзя. Конечно, этот пожар многому научил, и притом дорогой ценой, но это никого и ни в чем остановить не может.

Сегодня была чудесная баня. Здесь вода – снеговая, и нам могут позавидовать все женщины, так приятно в ней мыться.

В нашем отряде парторгом выбрали сегодня В. К. Кильдяшева. Чуть было не выбрали Семена Семеновича, но ему угрожает быть «профсоюзником», и он хочет отвертеться от этого.

Поезд Аверьянова выходит частично уже завтра – постепенно будет выдвигаться вперед. Решено, что с поездом пойдет один из метеорологов, хотя до сих пор имели в виду, что наши товарищи полетят на Восток самолетом после того, как поезд достигнет своего места. С поездом поедет В. К. Шиманович. Его также избрали парторгом станции. Перспективу идти с поездом он принял с большим желанием и вновь подтвердил свои чудесные качества.

3 марта 1957 г.

28-го февраля вышел поезд Аверьянова на Восток. Это тяжелейшее дело из всех, какие выполняли в Антарктиде. Правда, американцы уже открыли почти все свои станции, но на такие расстояния они не ходили. Станция Восток будет расположена у геомагнитного полюса. Особенно важно для нас, что на этой станции аэрология должна быть проведена по довольно широкой программе. Радиотеодолит пришлось реконструировать, конечно, в его внешнем оформлении. С него сняли металлическую будку, уменьшили раму и уменьшили разнос домкратов. Все это вмонтировали в домик (балок), установленный на санях, и лишь антенную колонку выставили наружу. В этом же балке выделена часть площади под жилье. Аэрологическое имущество почти не пошло с поездом, за исключением радиотеодолита. Остальное пойдет самолетом. С поездом пошел вспомогательный отрядик тракторов, который должен был вывезти часть саней на склон ледника. Вечером того же дня пришло сообщение о том, что от выхлопной трубы штурманской машины загорелся балок, укрепленный на ней, и балок, находящийся на прицепе к этой машине. Пожар удалось ликвидировать, но поврежденные машины возвращаются в Мирный для ремонта. Хорошо, что не успели далеко уйти. Уже утром 1-го марта эти погорельцы пошли обратно к поезду, который дождался их на 27-м километре. Сейчас движение продолжается.

Поезд Пелевина, следующий на станцию Комсомольская, 27-го отправился с Пионерской, где он ремонтировался, дальше по своему маршруту. Он прошел уже более 600 км от Мирного. Примечательно, что раньше он шел по довольно крепкому насту. Неприятностью при этом были большие

заструги, от прыганья по которым страдали сани. Теперь же наст сменился мягким снегом, и это вовсе не облегчение, а может быть, даже затруднение, т.к. тягачи вязнут в этом снегу. Правда, пока движение не прекращается. По всей видимости, это результат того, что в центральных районах Антарктиды ветер преобладает слабый, а температуры низкие, порядка 40–45 градусов мороза.

Сегодня проходили выборы. Я был председателем избирательной комиссии. Провели на высшем уровне. Забавна радиограмма Пащенко из Оазиса. Он сообщил, что выборы у них начались ровно в 6 часов и закончились в 6 часов 5 минут. Все было, конечно, в порядке. Товарищи, приехавшие из Оазиса, напомнили мне, что две собачки, живущие там, по-прежнему отличаются своим рвением к порядку. Они не любят, когда что-нибудь валяется на земле, и немедленно убирают валяющиеся предметы. Не составляют исключения и напочвенные термометры на площадке, которые с их собачьей точки зрения есть просто предметы, лежащие на земле. В этом отношении Флюгер, более понимающий пес, приносит термометры на станцию, хотя иногда и в разбитом виде. А Черныш прячет где-то подальше. Когда я спросил Пащенко: «Почему у вас оба пса? Привезли бы для разнообразия суку». Он ответил: «Видимо, здесь свято соблюдают антарктический закон – женщин сюда не пускают».

Сегодня вечером был ужин с вином. В феврале в нашем отряде было пять именинников, но сначала действовал сухой закон. Сегодня мы пришли к ужину всем отрядом вместе и, получив дополнительную дозу коньяка, скромно, а главное, быстро (за 40 минут) отметили 188 лет, которые набежали всем именинникам вместе.

6 марта 1957 г.

Вчера и сегодня наблюдались редкие для здешних краев вещи – вечером был почти полный штиль, а сегодня утром – западный ветер, хотя абсолютно преобладающий ветер восточный-юго-восточный. Вечером натекла облачность, которая до этого уже была в Оазисе и появилась на Пионерской. Так как обычное уже с вечера охлаждение ледникового склона из-за облачности отсутствовало, то никакого стока не было, и получилось то, что всегда бывает на равнине – ветер ослабел. Но облачность натекла раньше в Оазисе, а потом появилась у нас и на Пионерской. Значит, циклон, пойдя с запада на восток над морем, либо затормозил свое движение, либо направился на материк. При этом происходил вынос тепла по его восточной и южной периферии. Утром все подтвердилось: западный ветер означал, что мы оказались на северной периферии циклона, а его центр лежит южнее нас, то есть на материке. Итак, циклоны на материк заходят. Да, мы это видим на карте довольно часто.

В нашем отряде все идет нормально. Ежедневно, кроме наших обычных дел, занимаемся отделкой своего нового дома. Уже почти закончили покраску окон, дверей, плинтусов и других планок. Ю. С. Чернов закончил электропроводку. Он большой молодец. Много может и всегда все делает безотказно. Сегодня сделали по предложению Н. М. Зиборова электроподогрев воды в проруби. Это значит, что у нас долго будет вода, хотя многие уже перешли на растапливание снега и льда. Наш водоемчик – это ямка во льду возле дома, в которую откуда-то поступает вода. Завтра посылаем в Оазис С. В. Виноградова*, замечательного техника из ГГО. Он наладит там всю дистанционную аппаратуру. А через несколько дней туда направим для зимовки А. В. Солопова*. На Пионерскую наметили П. Н. Николаева*, Н. Н. Алтая* и И. А. Попова. Николаев согласился без энтузиазма.

13 марта 1957 г.

В последние дни мы немного почувствовали, что такое Антарктида. В течение марта циклон проходил очень близко от нас, и градиенты давления были очень большими. В Мирном кутерьма началась снегопадом, а потом уже и ветер усилился, и началась настоящая пурга. В период действия этого циклона ветер достигал 25–30 м/сек. Передвигаться при таком ветре, хотя и трудно, но возможно. Хорошо еще, что температура воздуха держится довольно высоко – от минус 10 до минус 12 градусов. Для нас главная трудность состоит в сложности выпуска радиозондов. Ветер до 15 м/сек мы уже не считаем сильным, радиозонды кое-как выпускаем. Но при более сильном ветре приходится туго – иной раз два-три зонда разбиваются, прежде чем случайно удастся выпустить без аварии. Пока стремимся хоть ценой повторных выпусков не допускать срывов. Применяем разные способы выпуска при сильном ветре. Стартовые машинки Хахалина не пользуются уважением, возможно, из-за их плохого изготовления, они слишком быстро раскручиваются и не дают эффекта, тем более, что привязь делаем короткой, и машинки при этом оказываются ни к чему.

На аэрологическом сарае сделали ветровую защиту в виде вертикальной ширмы, поднимающейся перед выпуском над воротами. Это действительно уменьшает скорость ветра у самого выхода из павильона, но создает такие завихрения, что творится нечто невообразимое. Как только шар начинает подниматься, его вовлекает в вихрь, и он, как ни странно, летит вниз, потом обратно к павильону, и так его крутит до тех пор, пока чудом не выбросит из вихря. Но зонд при этом выкручивает еще более страшные пируэты. Когда шар летит вниз, зонд летит вверх, и все это хозяйство вертится настолько беспорядочно, что либо зонд ударяется о снег и разбивается, либо от сильной встряски перья заскакивают в неположенные места, и сигналы

пропадают, или же перо втыкается (как мы думаем) в какой-нибудь зубец, и идет все время один и тот же сигнал.

Включился и я в изобретательство и выдал сразу три предложения. В двух предложениях я использовал уже существующие идеи – наклонную катапульту в виде мачты или троса, но это довольно сложные сооружения. Третье предложение более простое. Это бамбуковый шест длиной в шесть метров, на конце которого прибит планка в виде семафора. Зонд вешается на эту планку и поднимается на высоту шеста. Шар выпускается и сам срывает зонд с перекладины, но так как он уже на некоторой высоте, то по идее должен не достать до земли и улететь нормально. Кроме того, простым вымпелом, укрепленным на палке, перед выносом шара определяется та точка впереди павильона, где ветер у земли идет уже не к павильону, а от него (замечу, что здесь ветер, особенно сильный, держится почти всегда одного и того же направления – юго-восточного, и павильон расположен с учетом этого), и с этого места шар можно выпускать. Вчера первый опыт прошел очень хорошо при ветре 16–18 м/сек, но сегодня было плохо. Один раз с шаром зашли слишком далеко, и зонд, так как угол наклона шара стал очень малым, сорвавшись с перекладины, ударился о землю и разбился. Второй раз чуть не произошло повторение этого же, и в произошедшем замешательстве не удержали шар от столкновения его с шестом. Оболочка лопнула, и зонд свалился, хотя и остался невредимым. В третий раз выпуск прошел более или менее нормально. Еще будем отрабатывать технику таких выпусков.

20 марта 1957 г.

Продолжая начатую выше мысль, отмечу только, что изобретательский зуд начался у многих. Особенно много предложений выдает Н. М. Зиборов. По части выпуска радиозондов, кроме ветровой ширмы, или как ее у нас называют «юбки», которая дает сильное завихрение, отчего не раз уже зонды проделывали сальто, и для моей, как ее называют, «кочерги» Лукошин и Кильдяшев сделали наклонную крышу, что дает более спокойную аэродинамическую тень, и выпуск явно облегчился.

Главное сейчас в другом. На Комсомольской температуры очень низкие – от 55 до 64 градусов ниже нуля. Моторы тягачей останавливать нельзя, ибо потом их не завести. А еще двое саней, в том числе с частью продуктов, остались на 125-м километре, и за ними придется идти. Но лишь после того, как туда забросят необходимое горючее. С заброской же дело крепко осложнилось. Прилетающие туда самолеты ЛИ-2 испытывают большие трудности. Из-за низких температур снег там очень рассыпчатый, и лыжи, проваливаясь сквозь тонкий наст, вязнут в снегу. Кроме того, скольжение на таком снегу очень плохое, и пришлось, разжигая паклю, смоченную горючим,

немного растопить снег, после чего он замерз и образовал ледяную площадку. Самолету очень непросто заруливать на эту площадку и потом с нее взлетать, но пока это единственный способ. Но и при этом бывают поломки лыж. А тут еще стынют моторы. Хоть не садись. Пробовали сбрасывать бочки горючего без посадки, но они разбиваются. И все-таки понемногу летают. Задача состоит в том, чтобы поскорее снабдить горючим для доставки оставленных саней (сани были частично оставлены, потому что на вязком снегу тягачи не могли тянуть два прицепа). Но так как это пока быстро не удастся сделать, привезенное ранее горючее тягачи почти съели, работая вхолостую на месте. А тут еще погода часто портится в Мирном.

Аверьянов со своим поездом тоже может попасть в такую же ловушку, и его остановили. Он находится на 260-м километре за Пионерской. Теперь задача организации глубинных станций превратилась в задачу поддержания их на тех местах, где они находятся. План таков: двумя тягачами вернуться на Пионерскую, взять там побольше горючего и прийти на этот пункт обратно, и здесь Аверьянову зазимовать с ограниченной программой работы. Тягачам вернуться в Мирный. В начале же весны, когда станет немного теплее, продолжить поход, и только тогда работать на условленном месте у геомагнитного полюса. Все это меняет наши планы, но делать нечего. Все это – расплата за поздний приход в Антарктиду, неполноценность тягачей и неэффективность авиации для работы в зимних антарктических условиях. Сыграло свою роль и то упущенное время, которое было затрачено на подготовку поезда Шумского, что отвлекло также два тягача.

22 марта 1957 г.

Вчера была метель. По наземной карте нельзя было увидеть нового циклона. Казалось, что должен развиваться тыл. Но аэрологические данные говорили о другом. Шло явное потепление, тропопауза поднималась, ветер с высотой поворачивал влево, что в южном полушарии говорит об адвекции тепла. Поэтому мы и ожидали нового циклона. Это и произошло. У нас он дал пургу, но ветер был сравнительно не очень сильным – до 20–22 м/сек. В Оазисе же он дал ветер до 46 м/сек и набедокурил – сломал и перевернул только что выстроенный аэрологический павильон, свалил какие-то мачты. Значит, в марте там зондирование не начнут. Сегодня у нас продолжается начавшаяся вчера удивительно теплая погода (утром минус 5°C), слабый ветер. Тепло проникло и в глубинные районы: на Комсомольской сегодня «жара» – минус 45°C, в то время как в последние дни доходило до минус 65°C.

Обстановка на станциях осложнилась до критического состояния. У Левина (Комсомольская) продуктов осталось на одну неделю, а соль уже кончилась. Сморозил он довольно основательно, когда, облегчая тягачи,

бросил за 125 км до подхода к Комсомольской сани с продуктами и запасом теплой одежды. Конечно, он рассчитывал вернуться за ними, но из-за резко понизившихся температур полеты стали неэффективными, а тягачи, стоя на месте, пожирают остатки горючего, ибо на этом морозе заглохнувший мотор вновь завести не удастся. Вчера подробно обсуждали на партбюро и пришли к выводу, что личный состав Комсомольской нужно вывезти в Мирный, оставив там всю технику. Антарктической весной, когда температура устойчиво повысится, самолетами вновь завезти туда людей и обеспечить тогда дальнейшее продвижение поезда на Восток. Аверьянову придется зимовать там, где он сейчас стоит. Продуктов у него достаточно, а недостаток горючего он еще пополнит, послав за ним пару тягачей на Пионерскую. Теперь важно, чтобы у Аверьянова проводились не только метео, но и аэронаблюдения.

Немного о нашей жизни. Житье в новом доме – это большое удобство. Даже кажется, что живем до неприличия роскошно. Чистота, коврики, картины. У меня в комнатке размером 2,5 x 2,1 стоят кровать с ковриком, картиной и фотопланом Мирного над ней. Это – слева от входной двери. У другой стенки – рижский шкаф. В нем вся одежда, и в левой его части полки, на которых разместил белье и канцелярию. У окна напротив двери – стол, а справа от окна, которое над столом, – полка с книгами, динамиком, фотоуголком, ящиками с хрустальными рюмками, печеньем, папиросами (да, я покуриваю) и прочими мелочами. На столе большое зеркало, настольная лампа. Слева от двери, у кровати – тумбочка, на которой стоит машинка. На полу коврик. Один стул стоит постоянно, а другой, складной, стоит за шкафом и употребляется, когда кто-нибудь заходит. Рюмками я сам не пользуюсь, а иногда даю их, если нужно кому-нибудь погреться с морозца. Над изголовьем, т.е. на той стенке, которая против окна, висит бра с двумя лампами. Есть и верхний свет. Чем не будуар? Под бра висит портрет семьи, увеличенный уже здесь по снимку, который я сделал перед отъездом в эти края.

Отопление у нас изумительное – бойлер, т.е. электроводяная система с терморегулировкой. В комнатах батареи, как в хорошей московской квартире. Из моего окна вид на поселок и айсберги, которые видны за ним.

Установили стиральную машину, и все осваиваем ее по очереди. Машина гораздо лучше нашей домашней. Вообще мы отличаемся тем, что все время что-то учиняем необычное. Даже про нас в радиогазете прозвучал вирш Анатолия Введенского. Этот стих был прочтен в новом, «медицинском» разделе газеты, носящем название «Шприц под кожу!». Вот он:

Ну до чего у Кричака хозяйственный отряд!
К себе в халупу про запас там тащат все подряд,
Любую мелочь уведут, порою и махину,
С трудом втащили, например, стиральную машину.

Но вот проблема – как в мороз, в паршивую погоду,
Иметь в запасе в час любой в достатке полную воду?
Недолго парни Кричака тут головы ломали,
Они с неведомых складов мощнейший ТЭН достали.

И в лунку льда его воткнув, теперь имеют воду
И в дождь, и в снег, и в ясный день, во всякую погоду.

Им смело можно в час любой и бриться, и напиться
Им только, бедным, невдомек, что это не годится,
Что из-за них в домах других сидят порой без света,
Да что с того? Ведь до других им вроде дела нету.

И я боюсь, что затаив за критику обиду,
Они в один прекрасный день расплавят Антарктиду!

Что верно, то верно: и ТЭН (теплоэлектронагреватель) достали, и в лед вмонтировали его, и водичку пока имеем без ограничения, хотя все лунки уже у других позамерзали, и пользуются снегом или льдом. Но энергии мы расходует не очень много (ТЭН включаем только время от времени), и ничего страшного нет. Все, в том числе и мы, весело смеялись, но... ТЭН продолжает расплавлять Антарктиду, и все осталось по-прежнему.

«Парни Кричака», как нас уже многие величают, на этом не успокоились. Мы присмотрели бездействующие маяки – морские баки ацетиленовые. Взяли две штуки, переделали их на электрическое освещение и водрузили один на обсерваторском здании нашем, а другой на деревянном домике, который установили на площадке, и они ярко освещают большое пространство. Теперь в пургу ходить на площадку не опасно – свет виден, и с дороги не собьешься. А ведь прошлая смена испытывала трудности преодоления этого пути в сотню метров, особенно ночью, в пургу.

26 марта 1957 г.

Циклон, который вызвал начало метели 22.03, оказался необычным. Он, вопреки правилам, вошел на континент и далеко вглубь него. Во всяком случае он прошел значительно дальше Пионерской. Судя по тому, что на Комсомольской также была высокослоистая облачность, он был и там. Такое глубокое проникновение тепла на материк бывает далеко не всегда. Придется этим случаем заняться особо. В тылу этого циклона, как только начались прояснения, возобновился сток (ледниковый ветер). Он усиливался ночью, но наблюдался и днем. 24-го ветер был особенно резким. Порывы сменялись

полным затишьем. Скорости колебались от 1–3 до 27–30 м/сек. И все это в течение какой-либо минуты или даже менее. Стрелка анемометра на короткое время вновь начинала ползти вправо, где останавливалась сначала на 18–20 м/сек, потом снова влево и затем дожимала до максимума. При этом и поземок вел себя также неустойчиво: то станет тихо, и видимость «миллион», и сразу потянет снег вниз, и понесло – сплошная пелена все закрывает, и видимость уменьшается до двух метров. А потом снова и снова. К ночи порывы становились все чаще, и всю ночь несло это молоко уже без всяких перерывов. Но наш маяк все же пробивается, и на него можно идти, не сбиваясь с пути.

Итак, Комсомольскую закрыли 24-го и сегодня самолетами вывезли всех. Правда, один самолет провел на Комсомольской два дня. Он не попал сразу на ледяную площадку и завяз в снегу. А тем временем моторы остыли, и взлететь он уже не смог. Пока его подтащили к площадке, прошло некоторое время, а тут еще появилась неисправность в моторе, и на ее устранение и разогрев моторов ушло два дня.

Направление ветра вчера было немного с отклонением от обычного, и наклонная крыша, которую сделали на аэрологическом павильоне, уже не срабатывала, как это нам хотелось, и опять начались мучения с выпуском радиозондов. Вечерний зонд выпустили после третьей попытки. Два зонда угробили. Не обошлось и без смеха. После первой аварии решили применить мою «кочергу». Но ветер сносил зонд на бугор снега, надутый ветром. Семен Семенович решил ловить зонд, если он пойдет на бугор, и стал там. В это время Игорь Попов по телефону «вел репортаж» – рассказывал, что тут происходило. А происходило так: я поднял зонд на мачте, а шар вынесли из павильона и, подождав немного, выпустили. Он сорвал зонд с перекладины, и все должно было идти нормально, но ветер нес его на бугор, причем со снижением. Кочерга явно не сработала, и зонд должен был разбиться, но Семен Семенович в диком вратарском броске летит на зонд, успевает схватить его и... по вратарской привычке подминает его под себя. Шар отрывается и улетает, а покореженный зонд остается в руках победителя. Все же бросок был не напрасным: передатчик уцелел и пошел со следующим зондом. Его выпускали прямо с бугра – по крайней мере не обо что было разбиваться. К счастью, шар не улетел раньше времени, не оторвался от аппендикса, который в таких случаях остается в руках выпускающего. Но это было «только» 27 м/сек. А что будет при 35 или 40?

Вчера вечером Картрайт показывал свои диапозитивы. Делал он их сам, использовал и снимки друзей. Это просто кадры обычной фотопленки размером с кинокадр. Используется пленка, дающая сразу цветной позитив. Снимки очень хорошие, и виды тоже хорошие. За один вечер всего не посмотрели. Продолжим в другой раз.

Сегодня отправили В. А. Тетерина (из Риги) на Пионерскую. Туда уже пришли тягачи Аверьянова, и он с ними доберется до своей станции. Это будет временная база станции Восток. Теперь задача перебросить туда И. Г. Евстифеева, инженера по радиолокации, и аэрологическое имущество. Как будто, начальство склонно пойти на это, но в первую очередь пойдут другие грузы.

31 марта 1957 г.

Сегодня тоже такой же тихий день и вечер, как и в один из уже бывших дней, когда ледниковый склон был закрыт облаками. На этот раз все началось с весьма бурного циклона. 26-го выдался хороший день, и было сделано несколько вылетов на Пионерскую. В этот день тропопауза быстро пошла вверх, потеплело (на высотах), и стало ясно, что вскоре погода испортится. Так и произошло. Три дня бушевала метель. Сначала это была метель передней части циклона, а потом начался тыл, снегопад прекратился, но был сильный поземок. Намело много снега, особенно возле нашего аэрологического павильона. Затишье, которое мы создали наклонной крышей, помогает выпускать зонды, но в этом затишье накапливается снег, и перед павильоном выросла целая гора снега, метра в три высотой. Насилу откопались с помощью бульдозера. Вчера у нас уже было хорошо, но на Пионерской продолжался снегопад, и бушевала метель. Причина состояла в том, что циклон не отошел от нас далеко, а, продвинувшись несколько на восток, забрался частично на континент и остановился. Затем, развернувшись по часовой стрелке, начал поливать Пионерскую уже с востока. Сегодня там продолжалась такая же картина, хотя и немного слабее, но к вечеру облачность оттуда пришла к нам, т.е. уже не с моря, а с континента. Облачная погода над склоном ледника препятствовала его выхолаживанию, и сток не получился. Все очень просто и наглядно.

Но пока что мы от этого крепко терпим. Решено послать на Пионерскую, где еще находится поезд Корсака* (это поезд, вышедший с Востока-1, как мы называем теперь временную базу Аверьянова, за горючим для этой станции), остаток аэрологического оборудования для Востока-1 и инженера по радиолокации И. Г. Евстифеева. При такой операции мы сможем начать зондирование на этой станции. Ведь забрасывать это хозяйство самолетами может быть и не будет возможности. И сегодня вылететь не удалось, а Аверьянов прислал радиограмму с настойчивой просьбой отпустить к нему поскорее поезд, хотя бы и без аэрологии. Я отнесся к этому очень резко. Действительно, либо они там будут отсиживаться, либо получать ценный материал. Если Аверьянов не понимает этого, то он вряд ли сможет обеспечить на этой станции полезную работу. Как будто, это помогло. Пошло

указание без аэрологии поезд с Пионерской не выпускать. Кажется, завтра будет несколько лучше. Должен же циклон все-таки убраться восвояси.

Вчера, воспользовавшись хорошей погодой у нас, предприняли ледовую разведку для определения возможности подхода к нам кораблей, которые уже скоро придут сюда. Дело в том, что ветрами, дующими с континента, льды отжимает на некоторое расстояние, и вокруг Антарктиды обычно лежит ледовой пояс. Зимой образуется припай у берегов, и пояс срастается с ним. На самолете ИЛ-12 с экипажем П. П. Москаленко* – Б. А. Миньков*, Н. В. Зубов* и еще три члена экипажа (радист и два технаря) – вылетели А. Ф. Трешников, гидролог Шестериков и я. Лед, конечно, не по моей части, но лететь-то надо в воздухе, а это уж меня явно касается. Увидел много интересного. Установил, что сток распространяется примерно на 20 км, что обнаруживается по ширине чистой воды, где сильные стоковые ветры не дают еще произойти замерзанию. На расстоянии же 20 км уже стоит плотная шуга, превращающаяся в тонкий молодой лед. Далее постепенно начинается этот самый пояс, но он сейчас совсем слабый. Преобладает молодой лед с вкраплением айсбергов и более старого льда. Над поясом стоит почти постоянно широкая гряда слоисто-кучевых облаков. Это в 70–80 км от берега. Залетели мы до 340 км от берега в довольно широком секторе. Летали около шести часов.

11 апреля 1957 г.

Много перемен произошло с тех пор, как я последний раз писал дневник. Всего по порядку даже не напишешь. Кажется, с первого апреля начались проводы отъезжающих. В этот день был устроен вечер для строителей. А третьего был вечер проводов всех остальных, т.е. научных работников, летчиков и некоторых других. Так как я уже получил славу тамады, еще будучи на «Кооперации», меня назначили председателем комиссии по проведению этого вечера. Главная проблема состояла в том, чтобы определить, кого следует приглашать на вечер, т.к. кают-компания не могла вместить всех. Пригласили весь состав авиаотряда, поскольку от них уезжало 11 человек, весь состав Ученого Совета, руководство в лице командования, партбюро и месткома, ну и всех отъезжающих. Всего 100 с лишним человек. Был хороший стол и подлинная самодеятельность, которую не пришлось организовывать – кто хотел, тот и действовал.

5-го пришла «Лена», а 6-го – «Обь». На «Оби» были письма с родины, и этот день для тех, кто получил их, был из ряда вон выходящим. Только далеко не все получили письма, и потому большая часть ходила с опущенным носом. Но зато все до одного готовили свои письма и фото. О, фото! Это просто было эпидемическим заболеванием. Увеличители были нарасхват,

и не только вечерами, но и днями – до последней минуты шло усиленное печатание. А в последний час совсем все с ног сбились. Письма с «Оби» попали к нам только под вечер 6-го, и тут же распространился слух, будто корабли уйдут в тот же день. А так хотелось написать ответы на письма. А тут еще обнаружилась у одной из товарищей пленка со снимками пингвина и щенка. Да еще забавный текст всех пленил, и всем захотелось сделать снимки с этой пленки для отправки домой детишкам. Мы с Семеном Семеновичем сделали другой текст и срочно изготовили снимки.

Корабли ушли 7-го апреля. Население Мирного высыпало на берег и провожало их маханьем рук и стрельбой из ракетниц. Корабли давали прощальные гудки, вывешивали флаги расцветивания и уходили от наших грозных берегов. Действительно, строго по прогнозу через час после их отхода закружила сильнейшая метель. Синоптики, конечно, были рады оправданию прогноза, но многим это еще более подчеркнуло, что теперь-то зимовка началась всерьез. Недаром, когда мы пришли на завтрак и Семен Семенович громко крикнул у двери: «Здравствуйте, зимовщики!», все ответили дружным смехом, подтвердившим, что слова эти попали прямо в цель.

Письма! Я начал читать их еще, идя с радиостанции. Я был счастливым. Многие вообще ничего не получили, а я получил целых шесть штук. Что говорить, все эти дни я читаю и перечитываю и, конечно, главным образом, домашние. Сколько в них дорогого! Так и вижу всех по очереди и всех вместе. Милые мои! Ну ладно, не буду распространяться, а то подумают, что это я специально для них пишу. В этот же день «Кооперация» пришла в Ригу, а теперь уже, наверное, дома читают мои письма и дневник, рассматривают подарки, за которые мне, конечно, должно влететь. Жду не дождусь их реакции на всю мою оказию.

Начали достраивать наши дома, собственно, не дома, а околodomные пространства. Пролет между двумя домами превращаем в склад, а оба тамбура соединяем общим коридором. Теперь мы будем спасены от заносов. Нерешенная проблема – это отправить к Аверьянову еще химикаты и брезенты. Тогда они смогут начинать зондировать. Беспокоит только то, что Аверьянов не проявляет ни малейшего интереса к развертыванию там науки. Похоже на то, что он был бы рад просто «прозимовать» и ничего там не делать, но здесь руководство экспедиции, к счастью, проявляет понимание вещей и поддерживает нас.

20 апреля 1957 г.

Уже несколько дней существует наша новая пристройка. Получилось замечательно. Теперь нам не страшны никакие заносы. Оба тамбура соединены, так что получился коридор, и в нем снежных завалов быть не может.

А между домиками вышло такое помещение, что хоть сдавай там дачу. Есть предложение дать в московскую «Вечерку» объявление о том, что на юге, у моря сдается на май-сентябрь уютная дача. А впрочем, может быть, нашлись бы и охотники приехать. Правда, на этом снегоборьба не заканчивается. Как ни строй, а какая-то наружная дверь должна быть, и ее может заносить, но и тут можно еще кое-что сделать, а на всякий случай у нас есть выход на крышу.

Последние три дня были с сильным ветром, метелью и значительным потеплением. Образовалось такое положение, что в направлении Земли Адели, т.е. на восток от нас, начал развиваться мощный отрог высокого давления. Это привело к тому, что циклоны, проходившие вблизи нас, начали особо прочно стационаривать. Дальнейшее развитие восточного гребня даже несколько оттеснило наш циклон к западу. Сегодня утром ветер достигал 30–32 м/сек. Это довольно прилично, хотя вовсе не предел. В Оазисе даже превышает 40 м/сек. Против такого ветерка ходить просто трудно, особенно потому, что все время метет пурга и забивает лицо. В кают-компанию все же ходим аккуратно. Туда идти труднее, а на обратном пути ветер поддувает несколько сзади, и это уже значительно проще.

В такую погоду далеко не все работают. Авиаотряд просто ищет, что бы придумать. Находятся и другие. Метеорологи в меньшей степени, ибо какая ни есть погода, все наблюдения не прекращаются. Наоборот, работа прибавляется, и работают с особым, я бы сказал, остервенением. В такую погоду резко усиливается тяга к культуре; на первом месте стоит «Главшмакфильм». Шмак – это по имени главного кинодеятели Коли Шмакова, нашего кинооператора, который не успел прибыть с Пионерской к отходу кораблей и остался на зимовку. Теперь все кинодела перешли к нему в руки. Фильмы демонстрируют лишь с перерывом на обед и ужин. Кому делать нечего, смотрят до обалдения. Иной раз устраивается такая сборная солянка, что начинают одно, а кончают другое, а потом вклинивается часть журнала и т.д.

Начал работу кружок английского языка. Мы с Семеном Семеновичем пошли в «сильную» группу. Но в ней не все сильнее нас, и мы все же хотим тянуться, чтобы лучше взаимодействовать с Картрайтом и побольше впитать из его материалов.

В нашем поселке есть большая библиотека, но я ею совершенно не пользуюсь, для чтения художественной литературы времени нет. Но в библиотеке оказалось много пластинок, в том числе и долгоиграющих. Набрал их штук 60 и помаленьку кручу, когда сижу в своей комнате и работаю. Взял также несколько пластинок у Картрайта. Среди них есть очень интересные. Это музыкальные комедии и концерты. Обязательно перепишу часть из них на магнитофонную пленку.

Отправил 20 поздравительных телеграмм.

24 апреля 1957 г.

Только вчера вечером утихла метель, продолжавшаяся несколько дней. Ветер от 20 до 30 м/сек. Это уже стало нашей привычкой. Более или менее приспособились к нему даже с выпусками радиозондов. Но появилась другая беда – пошли низкие высоты зондирования. Все начали объяснять это влиянием метелей – обледенение оболочек, повреждение их быстро летящими снежинками и др. Семен Семенович решил доказать на деле, что дело не в этом, а в плохой обработке оболочек, и стал сам обрабатывать оболочки. Он очень аккуратно прогревает их, смачивает бензином и тщательно заворачивает в старую оболочку. Высоты заметно повысились, хотя лишь относительно, вообще же они около 20 км, что не очень радует. Но и это неплохо, и будем требовать от всех большей пунктуальности в обработке оболочек.

Трешников говорит, что Сомов рассказывал, будто бы здесь не бывает продолжительных метелей. Через 1–2 дня пурга прекращается, по его словам, и наступает улучшение погоды. Но вот уже с неделю непрерывно пуржит, и просвета не видно. Правда, одну ночь и утро была тихая погода, но сегодня перед полуднем снова усилился ветер, и видимость практически пропала. При этом процесс, наблюдавшийся в прошедшую неделю, вновь повторяется. Отрог высокого давления над восточными районами, усилившись, затормозил движение циклонов, и они расправлялись с нами, как хотели. Затем отрог несколько ослабел, и циклон сдвинулся. Постепенно он отошел от нас, и наступил типично стоковый режим тыла. Но отрог вновь усилился, и проскочивший было новый циклон повторяет прошедшее. Почему же отрог усилился? Видимо, приземная термика при этом работает в унисон с термикой, образующейся в атмосфере вследствие своеобразия процесса в данный момент, и дальше эта машина работает уже по заведенному, пока не расстроится. А расстроиться быстро она не может. Вот отсюда и стойкость процессов.

Записал уже несколько пластинок Картрайта. Особенно хороши новая музыкальная комедия «Моя прекрасная леди» по «Пигмалиону» Б. Шоу и песни Латинской Америки в исполнении Тома Келлинга. Вообще музыка и исполнение оперетт превосходны. Привлекает внимание оформление пластинок. Каждая пластинка лежит в плотном конверте, который специально оформлен именно для нее. Здесь и описание произведения, и несколько слов об актерах и об истории создания и постановки данной вещи. Даются снимки артистов или кадров фильма, откуда это взято. Все это очень помогает слушать и понимать.

В моей комнате появилась «Дунь-ка». Это пробка, вставленная в вентиляционное отверстие в стене. До сих пор я, как и все, при необходимости затыкал это отверстие чем-нибудь, но это было неудобно. Мне попала пробка

для банок с широким горлом (деревянная) с двумя дырочками. К ней прибит в центре фанерный кружок по размеру пробки, в котором также сделаны две дырочки. Их можно совмещать с дырочками пробки. Пробка удачно подошла к вентиляционной дырке. Приняв дырочки за глаза, я изобразил на фанерном кружке мордочку какой-то курносой. Через глаза прохладный воздух дует, когда кружок стоит в определенном положении. Когда же он повернут иначе, глаза у «Дунь-ки» закрыты, и она не дует. Теперь в моей холодной комнате стало веселее. У Орберозы* появилась серьезная соперница.

28 апреля 1957 г.

Сегодня твой день, моя Маечка. Как я тебя обожаю! Я даже не знаю, как словесно выразить всю силу моих пожеланий в день твоего двадцатилетия. Ну, все это довольно понятно. Я верю, что ты не зря проживешь на свете, и я хочу, чтобы ты была всегда немножко менее довольна своими успехами, чем другие, и чтобы ты имела в жизни много интересного и приятного.

Наш зам. начальника экспедиции Виталий Дмитриевич Мещерин специально приходил меня поздравить; об этом он узнал из полученных радиограмм.

4 мая 1957 г.

Прошли первомайские праздники. Они были недурно отмечены. Я, как и многие другие, получил уйму поздравительных телеграмм. 30-го и 1-го вечером было два банкета, так как одновременно всех нельзя было вместить в кают-компанию. Все прошло очень хорошо. Был прекрасный стол, достаточно разнообразных вин, фрукты, свежеприготовленные пирожные. «Оркестр» в составе трубы, двух гитар, мандолины и пианино играл, как в хорошем ресторане, все пели и шутили. Я действовал за столом и за пианино, и вообще весь оркестр так удобно расположился, что успевал на обоих фронтах. Нам пришлось принять участие в обоих банкетах. Бедняжки.

1-го мая был небольшой митинг, а в 15 час. из длительного путешествия по Антарктиде возвратился поезд Шумского* и те тягачи, которые участвовали в походе на станцию Восток-1. Была очень теплая встреча. Они, конечно, молодцы, хотя многие, в том числе и я, считаем, что поход Шумского повлиял на судьбу Комсомольской и на наши неудачи с Востоком. Под конец путешествия в этом поезде чуть было не случилось несчастье. Желая сократить путь, они несколько отклонились от первоначального маршрута и попали в зону трещин, относящуюся к краю ледника Хелен. Этот ледник (я его уже не раз видел с воздуха), весь испещрен трещинами, и от него то и дело откалываются айсберги. Так вот один тягач провалился в трещину, которая не была видна из-за сильного поземка, и сидевшие в машине считали, что они

прыгают по застругам, к которым они уже привыкли. Но в действительности они проскакивали уже трещины и в одну из них попались. Тягач уперся передком в одну стенку трещины, а воздвигнутым на нем балком (домиком) – в другую стенку. Трещина была такой, что сброшенная туда бочка ушла куда-то без стука о дно... Усилиями других тягачей застрявший тягач был вытасчен. Затем все уже осторожно вернулись обратно и пошли все же ранее намеченным курсом. Прежде всего прибывшие вымылись в бане, а потом пришли на банкет.

Кстати, первомайскую баню обеспечивал наш отряд. Делалось это так: пилами, которыми пользуются лесорубы, на ледяном поле делаются разрезы, как делают хозяйки надрезы ножом по листу теста, лежащему на противне, и при этом получается изображение шахматной доски. Затем ломиком последовательно откалываются ледяные кубики, примерно 30х30х30 см. Такие 25–30-килограммовые кусочки накладывают на волокушу и трактором волокут к бане. Там специальным подъемником поднимают на крышу и через люк сбрасывают в баки, где лед растапливают и подогревают воду для мытья и стирки. Теперь очередь нашего отряда обеспечивать баню будет месяца через два.

В последние дни стоит хорошая погода, и ветер сильно ослабел. Поэтому понизились температуры до минус 18–20°C и быстро начало образовываться сало на прибрежной части моря. Ветром, дующим с континента, сало сгоняется ко льду, расположенному уже не вдалеке, и южная кромка льда начала быстро приближаться к берегу. Получается на первый взгляд странно. Лед распространяется не от континента в море, а наоборот, с моря к континенту. Теперь уже полоска чистой воды совсем узкая, и сегодня-завтра должен образоваться молодой припай. Это уже зима. Кстати, другой признак тоже есть. Пришли императорские пингвины, но они держатся на молодом льду возле айсбергов, чуть восточнее Хасуэлла.

Сегодня произошло из ряда вон выходящее событие. Давно я хлопочу о специальных полетах для определения высоты наших станций Пионерская и Восток-1. Как будто, есть возможность провести это важное дело, сделав меньше ошибок, чем получается при обычном барометрическом определении высот, когда измерения делаются на поверхности. Сильное выхолаживание нижнего слоя воздуха приводит к большому искажению расчетного (по барометрической формуле) значения высоты. Но, если лететь над слоем «приземного» выхолаживания, то высота полета будет определена с большей точностью. С помощью же радиовысотомера нетрудно определить высоту полета над ледником и, учтя ее, получить высоту того места, над которым летишь. Сегодня должен был лететь один самолет на Пионерскую, и экипаж предложил мне лететь с ними. Немедленно были приготовлены приборы, и я вылетел на самолете ЛИ-2 Дмитриева. Но... оказывается, между

командиром отряда Москаленко и экипажем не было должной договоренности и, поскольку Москаленко якобы запретил брать пассажиров в этот полет (аэродром на Пионерской был в плохом состоянии), последовал приказ сесть обратно и посадить меня, что и было сделано. Я, конечно, рассвирепел и поднял шум. Посмотрим, что будет дальше, а пока наш чудный Анатолий Введенский быстро сфабриковал в мой адрес стихотворное послание, якобы идущее от авиаторов, которые журят меня за то, что я будто бы без спроса проник в самолет. Я немедленно выдал ответ друзьям-авиаторам в такой же форме и разрядился.

11 мая 1957 г.

Последние дни были богаты интересными событиями. 7-го мая, в День Радио, мы объявили, что нас, метеорологов, это тоже касается, т.к. мы запускаем радиозонды, применяем радиолокацию и т.д., вплоть до обмена радиogramмами с родственниками и друзьями. На этом законном основании мы вместе со всеми связистами участвовали в банкете по этому поводу. Были там и авиаторы. Тут при всем честном народе Москаленко заявил, что он меня незаслуженно оскорбил, и попросил извинения. По этому поводу была распита дополнительная бутылка коньяка, а я сказал, что будем считать, что никакого случая не было.

13 мая 1957 г.

Никак не удастся войти в ажур, все пишу о давно прошедших днях. Но эти дни нельзя не запечатлеть. 9-го мая нам специально был выделен самолет ЛИ-2 (пилот Я. Я. Дмитриев, штурман Т. М. Палиевский) для полета на Пионерскую и Восток-1. До сих пор мы толком не знаем высоты этих станций, а без этого нам нет житья. Это нужно не только для метеоцелей, но и для гляциологии, гравиметрии и т.д. Пройти Антарктиду геодезической съемкой невозможно, и потому применяется барометрическое нивелирование. Но при этом нужно учитывать температуру воздуха, а она-то и подводит. В нижнем слое, особенно над глубинными районами континента, воздух сильно выхоложен, и такая не характерная для всей атмосферы температура вносит большие искажения в расчет высоты. Мы теперь уже хорошо знаем о существовании этого слоя выхоложенного воздуха, характеризующегося значительной инверсией температуры. Над Пионерской мы регистрировали в прошлых полетах возрастание температуры в 300–400-метровом слое на 20–25 градусов. Над Востоком-1 это должно быть выражено еще более четко. Представляется, что если лететь на самолете на верхней границе инверсионного слоя или около него, то высота полета (по метеорограмме) может

быть рассчитана с большей точностью. Это будет высота полета над точкой вылета, т.е. над Мирным. Зная же высоту полета над данной точкой местности по радиоальтиметру, можно определить и высоту этой местности над Мирным, т.е. над уровнем моря, т.к. высота Мирного над морем известна.

9-го мая обстановка была на редкость интересной. Утром, в 9 часов местного времени, на Пионерской было минус 48°C, а на Востоке-1 – минус 66°C. Несомненно, что слой инверсии был выражен хорошо. Со мной вторым метеорологом летел А. А. Круковский, отличный бортаэролог, ленинградец. Уже в полете мы узнали, что на Востоке-1 температура понизилась до минус 70°C. Вторично был я на этот раз над Пионерской. Нигде садиться мы не собирались, так как при этих температурах самолет мог бы не взлететь, и пришлось бы вынужденно зимовать на этих станциях.

Итак, прилетели на Пионерскую. Походили над ней на высоте от 400 до 200 метров, сделали необходимые замеры и пошли дальше, послав радиogramму зимовщикам Пионерской с поздравлением их с Днем Победы. Когда летали над Пионерской, видели ту же картину, в которой когда-то сам я побывал здесь же. Самолет Б. А. Минькова ходил низко над Пионерской и улетел. Как оказалось, он не смог сесть и улетел обратно в Мирный. Здесь это часто бывает: сверху все видно, как на ладони, вертикальная видимость хорошая, а в самом нижнем слое поземок в смеси с туманом видимость совершенно уничтожают, и сесть невозможно. Летчики у нас прекрасные, они запросто садятся при видимости в 200–300 метров. Но пока Миньков летел, видимость настолько ухудшилась (а для этого уже не так много требовалось), что сесть стало невозможно.

Дальше полетели вглубь континента к станции Восток-1. Полет над Антарктидой – не слишком веселый. Глазу не на чем остановиться. Под тобой бело, над тобой – или тоже бело, или более или менее открытые небеса. Чаще всего горизонт не просматривается – небо слито с «землей» какой-то серой вуалью. Когда идем при видимости поверхности, видно, что она вся в застругах, образованных ветром. Садиться на них, видимо, не очень приятно. Вспоминаю, что тягачи, которые здесь путешествовали, бросало на этих огромных ухабах не меньше, чем корабль во время шторма. Интересно, что все заструги ориентированы с юго-востока на северо-запад. Значит, и здесь преобладают ветры такого же направления, как и в Мирном. То есть это все та же северная периферия нижнего антарктического антициклона.

Штурман Тихон Михайлович Палиевский вывел нас точно на станцию Восток-1, хотя приводная радиостанция действует лишь в каких-нибудь 10–20 км. Видим аккуратно поставленные балки (домики), вот отдельно стоит радиолокатор, почти подготовленный уже для начала радиозондирования атмосферы. Еще одно строение – кажется, аэрологический павильон. Чуть дальше – взлетно-посадочная полоса, сделанная ими с большим

трудом для посадки у них самолетов. Но разве при таком собачьем холоде сядешь? Опыт Комсомольской кое-чему научил. Мы уже начали спешить, так как еще над Пионерской обнаружили, что значительно остывают головки цилиндров у моторов, а это при дальнейшем понижении температуры может просто вызвать остановку мотора. Температура же, хотя и понижалась, но была значительно выше, чем внизу. Бортовой термометр показывал только минус 34°C, но после обработки метеорограммы оказалось, что минимальной температурой было минус 37°C. Над Востоком-1 мы были на высоте 290–300 метров, и в этом слое температура воздуха повышалась на 30 градусов. Это не всюду увидишь!

На борту самолета было три грузовых места, которые мы взяли с собой, чтобы сбросить их на станцию. Это был большой пакет брезента для покрытия аэрологического павильона и две банки с химикатами для добывания водорода. При одинаковом размере банок они имеют разный вес: ферросилиций – 100 кг и едкий натр – 45 кг. Банки были вложены в брезентовые мешки и завязаны. Пролетев станцию, произвели сброс – сначала брезент, потом тяжелую и последней легкую банку. Все сбрасывали без парашютов. Развернувшись, провели нужные замеры и без задержки направились обратно, обменявшись приветствиями с зимовщиками. Вдогонку они сообщили нам, что заметили падение двух мест и поехали к ним на тягаче. Как потом установили, банку с ферросилицием они так и не нашли, остальное приволокли. В следующий раз будем бросать лучше, привязывая длинную веревку с красным вымпелом. Банки сильно зарываются в рыхлый снег, и по вымпелу их проще будет найти.

Пролетая на обратном пути над Пионерской, мы снова сделали контрольные отсчеты по приборам, а далее проводили измерения каждые 15 минут полета. Прилетели уже, когда стемнело. Издалека, километрах в 40–50, показались огни Мирного, и ярче всех светил маяк, установленный на башне нашего метеодома. Пройдя над поселком, вышли на море, где тоже сделали отсчеты, и пошли на посадку. Проводилась она при «ночном старте», хотя для нас это был финиш. Система ночного освещения называется ночным стартом. Загораются две линии цветных огней, и мы подлетаем к этой светящейся аллее и садимся посередине между двумя яркими цветными цепочками.

Полет прошел успешно, и осталось обработать все материалы. Это было сделано на следующий день, и вечером у Трешникова собрались некоторые наиболее заинтересованные в определении высоты. Я сделал краткую информацию о полете и результатах подсчета. У нас получилась высота Пионерской 2780 м, а Востока-1 – 3380 м. Интересно, что высота Пионерской, полученная при полете туда и обратно, оказалась почти одинаковой. По видимому, наш способ оказался наиболее точным и наиболее простым.

11-го мая снова юбилей. Рано утром был выпущен 1000-й радиозонд. Первая смена выпустила за год 605 зондов, а мы уже за 100 дней выпустили почти 400 зондов и довели счет до тысячи.

По этому поводу мы сделали маленький шумок. К дневному выпуску пригласили многочисленных корреспондентов и устроили пресс-конференцию. Собственно, настоящих корреспондентов у нас два – А. А. Введенский и Г. А. Брегман*, а остальные подрядились писать в различные газеты. Собралось около двух десятков, в том числе и кинооператор Н. Т. Шмаков. Вначале все они присутствовали при 1001 выпуске. Была пурга, и они воочию убедились, что значит выпускать зонд при сильном ветре и метели. Кстати, 1000-й зонд дался совсем не легко. Пришлось выпустить три зонда вхолостую, прежде чем четвертый зонд полетел нормально. После выпуска всех пригласили в помещение, и мы с Семеном Семеновичем рассказали гостям что к чему. Как на настоящих пресс-конференциях, после этого мы отвечали на вопросы, а в заключение (это уже вовсе не по шаблону) распили три бутылки вина за успехи аэрологии и науки вообще. Этим последним номером все были особенно довольны. Корреспонденты были очень довольны тем, что они получили новую возможность послать сообщения в свои газеты. Мы тоже.

Сегодня провели дополнительные расчеты высоты континентальных станций по второму метеорографу. Уточнения будут небольшие.

Еще замечание, которое не хочу откладывать. В последнее время много метелей. Мы к ним хорошо привыкли, и при ветре до 30 м/сек это довольно терпимо. Посмотрим, что будет дальше. Нанесло много снега. Только один пример. Раньше, идя в кают-компанию, мы проходили под телефонным проводом, не задевая его головой. Потом нагибались под ним, а теперь переступаем через него.

У нас появилось новое явление. При облачной погоде света вообще не очень много, и тот рассеянный. Из-за этого совершенно исчезают тени, и получается то, что именуют иногда белой тьмой. Рельеф местности полностью теряется. Идешь и не замечаешь, что перед тобой снежный холм. Его ощущает не глаз, а нога. Хуже, когда глаз не замечает впадины. Тогда проваливаешься неожиданно. Но в поселке на испытанных маршрутах мы уже довольно хорошо изучили весь рельеф, и хотя он быстро меняется, все же не очень падаем. Но ходить осторожнее необходимо. Картрайт говорит, что у них даже были приключения с самолетами из-за этого.

20 мая 1957 г.

Заметил такое правило: когда нет особых случаев, которые стоило бы записать в дневник, есть время, чтобы это сделать. Когда же есть, о чем писать,

времени нет. Но вот я все-таки немного выделил его и запишу события последних интересных дней. Прошедшие четыре дня (16–19 мая) были на редкость приятными. Слабый ветер, отсутствие метелей и поземка, умеренный мороз – это было очень приятно. Температура держится сейчас, как в Москве (22–25°C). Только знак другой. Слабый ветер даже ночью хорошо связывается с облачной погодой на материке. Правда, там не все время облачно, но 18-го мая самолеты, например, обледеневали на пути от Мирного к Пионерской.

Низкие температуры сковали уже рейд Мирного, и на днях был совершен первый выход на лед нашего гидролога Шестерикова. Несколько человек в компании с ним пошли к айсбергам, у которых проживают императорские пингвины. Среди них был и В. И. Шляхов. Пришел он оттуда, восхищенный красотой пингвинов, и принес несколько яиц, которые они отняли у пингвинов. Вес каждого из них превышает 500 г. После этого налета на ни в чем неповинных аборигенов образовалось «Королевское общество защиты пингвинных яиц». Президент общества – Коля Шмаков, вице-президент – Семен Семенович. Они выражали негодование по поводу такого разбоя.

В субботу, 18-го мая, стоял прекрасный день, и несколько групп направилось к пингвинам. Девятка наших товарищей со мной во главе тоже пошла туда. На всякий случай взяли с собой длинные шесты и веревку. Толщина льда уже превышает 40 см, но предосторожность нужна. Даже сама прогулка к Хасуэллу по льду при чудесной погоде наполняла всех особым чувством удовлетворения. Мы шли мимо айсбергов, которые еще так недавно плавали мимо нашего Берега Правды, а теперь стоят, скованные молодым, но уже крепким льдом. И эти громады не казались великанами, а лишь красавцами, украшавшими наш необычный маршрут. Слева остались острова Буромского и Зыкова, и мы пошли между айсбергами. Возле них лед казался менее прочным. Он был не монолитным, а состоял из смерзшихся небольших осколков. Но все же это было ледяное поле. Впереди слева уже близко сам Хасуэлл, а правее открылся сказочный лагерь пингвинов. Тысячи их стоят плотной толпой, видны небольшие отдельные группки, заметны какие-то медленные передвижения.

Императорские пингвины – это красивейшие птицы. Мы, как замороженные, стояли у первых пингвинов. Высокие (70–80 см), стройные, с серой спинкой, белым брюшком, черной головой, с черными-черными глазами. У пингвинов Адели, которых теперь здесь совсем нет (они ушли на север, туда, где кромка льда и где они могут продолжать питаться дарами моря) вокруг глаз имеются беленькие ободки. У императорских ободков нет, и только мягкий блеск выделяет красивые глаза на фоне черной головы. От черной головы начинается канареечного цвета шея, цвет которой книзу становится просто желтым и скоро белым. Эта цветная полоса неширокая и удивительно

благородная. Стоят они и парами, и кучками, и большими толпами, бояливо отодвигаясь от людей, которые норовят стать поближе к ним, чтобы запечатлеть себя в этом необычном обществе. Самок легко отличить. Они более полные и, как будто, более озабоченные. В нижней части живота у многих заметно вздутие. Это в мешке, который образуется в жировом слое кожи, находится яйцо, которое самка не высиживает, а вынашивает. Снеся яйцо, она заталкивает его в этот мешок и держит его там, пока не выведется птенец.

Как объясняют все биологи, самка сносит в год одно единственное яйцо и выводит одного птенца. И все это в разгар зимы. Возможно, объясняют те же биологи, раньше в Антарктиде было жарко. Пингвины этого рода привыкли размножаться в это время года, и теперь, когда нынешние пингвины уже не помнят своих предков, они все же сохраняют прежние обычаи, хотя климат с тех пор совсем изменился. В это время года эти героические существа совсем не едят. Они лишь расходуют свой подкожный жир. А малышей будут кормить своей отрыжкой. Как много забот о потомстве! К этому нужно добавить, что не так уж легко самке снести свое огромное яйцо. Мы видели несколько погибших самок, которым это оказалось не под силу. Внешний вид самих героинь и места вокруг них явно указывал на то, что потеря крови была слишком большой, а переливания крови пингвины, видимо, еще не освоили. На каждом шагу в этом стойбище можно найти пингвиньи яйца. Правда, они треснутые. Потерянное самкой яйцо быстро замерзает и ломается. Во многих случаях самки подбирают потерянные было яйца, но часто они уходят от них и, спохватившись, уже не находят или не берут явно охладившееся яйцо. В этом районе есть две колонии пингвинов. С самолета я видел еще третью недалеко от наших краев. Зачем-то пингвины гуськом или парами топают из одной колонии в другую. Самки ходят очень медленно, боясь потерять драгоценную ношу, но... все же теряют. Мы ни одного яйца не отнимали, но нашли много яиц, еще не успевших даже остыть. Много фотопленки было загублено в этом походе. Через два с половиной часа мы были дома. Я думаю, что Орбероза была в свое время именно императорской пингвинихой, я даже думаю, что видел ее там.

21 мая 1957 г.

Сегодня ветер, пожалуй, самый сильный за все наше пребывание в Мирном. Безусловно, более 35 м/сек. Стрелочный прибор – индукционный анемометр – зашкаливает, записываем время от времени на анемографе Суражского, кроме того, пишет Дайнс*. Идти в кают-компанию и обратно было не слишком легко. Что там в двух шагах, собственных ног не видишь! Лишь временами становится немного тише, и тогда понимаешь, куда идешь. А вчера вечером, вернее, около 12 ночи, вдруг после ветра в 20–25 м/сек наступил

полный штиль. Небо ясное, и штиль. Многие из нас высыпали наружу убедиться в таком невероятном событии. Но вскоре ветерок чуть-чуть усилился, и мы еще более изумились – западный ветер! Здесь это большая редкость. И далее смотрели на стрелку скорости и указатель направления. Повернет к юго-западу или к югу – усилится, отвернет к западу – ослабеет. Так он болтался с полчаса, а потом начал чаще усиливаться, но оставался неустойчивым и по скорости, и по направлению. Одним шквалом сбило с ног Н. Н. Алтая, который проходил от водородного сарая к дому. Интересно и другое. Последние сутки проходили под знаком сильного потепления в свободной атмосфере, причем ветры были южные, т.е. со стороны континента. Это значит, что теплый воздух, огибая малоподвижный циклон, забрался с моря на континент восточнее нас и затем уже попал к нам с континента. Теплый фронт прошел при этом без всякой облачности, видимо, потому, что двигаясь с юга, он спускался по склону ледника, и воздух при этом снижении нагревался. Получался типичный катафронт.

Возвращаясь к прошедшему. В воскресенье 19-го мая был проведен второй полет на Пионерскую и Восток-1, в котором я снова принял участие. Высота этих станций не дает мне покоя. Правда, на этот раз летели на ИЛ-12, а кронштейны для метеорографов на этот самолет мы не ставили, но и так можно было измерить все, что нужно. Метеорограф мы повесили внутри самолета, и он давал нам давление, а температуру определяли по наружному спиртовому термометру. Я взял также анероид и, кроме того, по альтиметру давления и по радиоальтиметру (на этот раз пользовались РВ-10, который по утверждению авиаторов работает точнее, чем РВ-2) определял высоты в различных точках. Сейчас заканчиваем подсчет результатов измерений.

Имели мы и еще одну задачу: сбросить для Востока-1 продукты и химикаты для добывания водорода. наших аэрологических грузов было 1500 кг, всего 22 места и, кроме того, четыре парашютных груза с яблоками и картошкой, свинья, заколотая в тот же день, вернее, утром того же дня, в отдельном мешке без парашюта – ей уже все равно. В отдельном мешке сбросили батарейки для карманного фонаря, которые они (восточники) просили. Просили они также доставить им анероид вместо испортившегося, но сбрасывать такие «скоропортящиеся» вещи нет смысла, тем более, что барометр у них есть. Химикаты (едкий натр и ферросилиций) находятся в фабричных железных банках по 45 и 100 кг. На этот раз мы не только вложили каждую банку в мешок, но и обвязали крепкой веревкой, оставив конец в 3–4 метра, а на нем сделали петлю, к которой привязали вымпел – черную полосу в 1–1,5 метра длиной. Едкий натр (45-килограммовые банки) неглубоко зарылся в снег, а железо (100-килограммовые банки) ушло под снег, но добыть их тягачем было легко.

Когда мы подлетали к Востоку-1, Г. И. Матвейчук* попросил меня сочинить какую-нибудь особенную телеграммку зимовщикам Востока. Немедленно был выдан такой экспромт:

Бомбить мы будем вас немножко	А аэролог наш усатый
То будут яблоки, картошка,	Пошлет еще вам химикаты.
На вашу славную семью	Лишь анероида здесь нет,
Мы сбросим также и свинью.	Зато большущий шлем привет!

Далее следовали подписи всех находившихся на борту самолета – Москаленко, Ерохов, Палиевский, Пивоваров, Гладков, Ананьев, Матвейчук, Кричак.

Снизу последовало: «Принимаем вас в нашу гвардию!».

Обратно, впрочем, так же, как и туда, летели без всяких приключений, я вел положенные наблюдения. Данные о высоте Пионерской получились близкими к предыдущим, а над Востоком – хуже. Придется еще выверять радиоальтиметры.

25 мая 1957 г.

Сегодня наступило долгожданное успокоение. После нескольких дней пурги погода улучшилась. Во второй половине дня (между прочим, абсолютно точно по прогнозу Ю. С. Чернова) ветер ослабел, и мы немного вздохнули. А ведь эти дни были самыми свирепыми. Ветер достигал 35–37 м/сек. Дело усугубилось тем, что немало снега выпало вновь, и ветру было что переносить. Поэтому несло сплошной стеной. Наш вход в дом долго держался, но постепенно все более превращался в ямку, быстро заносимую снегом, и наконец, очищать этот вход стало невозможно. За полчаса полностью заваливало всю дверь. Откроешь ее изнутри, а за ней сплошной снег доверху. У нас есть еще возможность открыть вход на другую сторону дома, которая пока не заносится, но это можно будет сделать при хорошей погоде. Последние два дня ходили через крышу, вернее, через вышку, дверь которой выходит на крышу. Это тоже выход, но не очень удобный.

Гораздо сложнее дело обстояло у водородного сарая. Здесь наметало так много снега, что выпуск зондов сильно осложнился. Перед каждым выпуском приходилось откапывать проход, чтобы войти в сарай и вытащить из него зонд. Ввели даже дополнительную бригаду по расчистке. В течение последних суток каждые шесть часов сменялась бригада, которая выходила за час до срока зондирования и расчищала выход, который к этому времени полностью заносился. Сегодня принято решение строить башню, которая, надеемся, радикально улучшит дело.

Так как я сегодня встал пораньше на снеговые работы, то к концу дня, вместо того, чтобы идти на английский кружок, вздремнул часок. Получилось очень хорошо. Кстати, английским занимаемся мы с Семеном Семеновичем регулярно, и некоторое продвижение налицо. Сегодня смотрели «Рим в 11 часов». Это я смотрю уже третий раз. Товарищи, имеющие опыт зимовок, а это значит и опыт многократного просмотра одних и тех же фильмов, говорят, что чем больше смотришь один и тот же фильм, тем больше он нравится (если, конечно, фильм хороший). Это не лишено оснований. Каждый раз замечаешь такие детали, на которые не обращал внимания раньше. Вообще кино у нас через день и в воскресенье вне очереди. Пока наиболее популярные фильмы – «Возраст любви», «Фанфан-Тюльпан», «Двенадцатая ночь».

28 мая 1957 г.

Прошли памятные для меня дни. По радио из Москвы говорили мои дорогие Иленька, Маечка, Сенюрка и Моня. Конечно, без Мони не было бы полноты основного комплекта, и я подумывал, догадаются ли взять и его на переговоры. Но догадаться было совсем не трудно.

Описывать все их такие дорогие мне разговорчики не буду. Я записал их нашим магнитофоном и слушал уже несколько раз. До конца зимовки прослушаю еще сто раз. Естественно, что многие слушали их выступления и потом говорили мне о впечатлениях. Особое внимание обратили на такие места: там есть эрзац-папа, подготовка на Марс, неполнота компании по «Столичной», и дочка туда же и даже антарктические материалы собирается обрабатывать, дневник уже чуть ли ни издается, Сенька – откровенный парень, музыка, говорит, надоела, а друг Моня – тот просто покорила всех своей откровенностью – «рад, что, наконец, выпала возможность разговаривать со мной на большом расстоянии». Ну ладно, приеду – отплачу им за все «издевательства».

Улучшившаяся было 25-го погода недолго нас баловала, так как по-прежнему свирепствовал тот же циклон, и менее, чем через полсутки, снова закрутило. На этот раз еще сильнее. Но в некотором отношении полезно, когда по радио говорят родные начальника. Тогда он проявляет больше заботы об отряде и, например, несмотря на пургу, сам идет прокладывать новую трансляционную линию, чтобы была хорошая слышимость.

Все эти дни шла большая возня с откапыванием аэрологического сарая, и только вчера, как только стих ветер, удалось после целого дня работы бульдозера вместе с несколькими людьми убрать снежную гору, выросшую возле сарая.

Прошедшей ночью разорвало газогенератор. Но так как это генератор низкого давления, то все обошлось благополучно. Вообще это непорядок,

и нужно обратить больше внимания на технику безопасности. Странно, что не сработал предохранительный клапан и вылетела не резиновая прокладка, которая должна вылететь первой, а дно генератора. Составим акт. Пришлось разгрести снег и извлекать запасной генератор.

Приступили к изготовлению башни. Сегодня у нас погода хорошая, а на Оазисе ветер в 40 м/сек, и Мещерин, Шляхов и Мансуров*, которые полетели туда на три дня, вот уже десятый день не могут вылететь обратно.

Мы опять уже ходим в дом и из дома через нормальную дверь. Откопались и сделали тоннельный ход от двери вверх по наклону, обложили картонный свод снегом, и получилось нечто похожее на подъем из метро наверх, только эскалатора не хватает. Даже при пурге не заносит, хотя разгрести приходится, особенно в верхней части. Уже и мое окно начало заносить.

29 мая 1957 г.

Сегодня весь день держалась хорошая погода. День прошел в нормальных трудах. Подготовили к отправке дополнительный груз для Оазиса, куда, возможно, завтра полетит самолет. Башню действительно делают – идет сварка стального «уголка», из которого делается каркас башни.

Сегодня я проиграл для Картрайта долгоиграющие пластинки с записью оперы «Евгений Онегин». Мои объяснения явно помогли ему разобраться в ней, и он ушел к себе в комнату под большим впечатлением. Говорит, что осенью нью-йоркская «Метрополитен-опера» собирается поставить эту оперу.

Руководитель японской антарктической экспедиции Эйзабуро Нишибори, с которым у нас идет довольно оживленная деловая переписка, прислал следующую радиограмму:

«Из Севы в Мирный М-ру Оскару Кричаку

Благодарим за Ваш любезный обмен синоп (синоптические данные) информацией. Мы планируем иметь трехдневный праздник, чтобы провести последнее прощание с Солнцем. Сожалеем, что не сможем ежедневно обмениваться синоп с 31 мая по 2 июня. Позвольте нам обменяться синоп в понедельник за один прием!

С сердечным приветом Нишибори».

Они находятся южнее нас, и у них уже наступает полярная ночь. Видимо, в японском обычае проводить прощание и встречу с Солнцем в соответствующее время года. Им пришлось принять новый календарь, так как здесь времена года обратны северному полушарию. Завтра мы пошлем им пожелания здоровья и успеха, чтобы встретить восходящее Солнце новыми достижениями.

По этому поводу у нас, естественно, не обошлось без шуток. Во-первых, такой порядок нашим товарищам понравился. Все-таки три дня можно гулять.

Я предложил усовершенствовать это дело. Связавшись с Солнцем, можно только два раза в году праздновать – встречу и прощание, каждое по одному разу. Лучше нам иметь дело с Луной – она появляется и исчезает ежемесячно. Нашлись знатоки литературы, которые напомнили, что еще Козьма Прутков утверждал, что Луна важнее Солнца. Так что теоретическое обоснование этого есть.

6 июня 1957 г.

Чтобы не сделать еще большим перерыв в дневнике, напишу кратко о событиях последних дней. Вообще все шло нормально, и особых вопросов не возникало. Продолжается строительство аэрологической башни, пока она еще находится около мастерской, где происходят сварочные работы. Конструкцию деталей в основном разработали. Погода последние дни стоит хорошая, и это способствует ускорению работ по сварке, работают круглые сутки. Для этой башни нужны деревянные рейки, а их нигде уже нет. Лукошин вспомнил, что он приберегал такие рейки для наших нужд, но их занесло снегом. Нашли это место, раскопали и действительно обнаружили ценный клад.

Несколько дней тому назад вышла из Мирного маленькая экспедиция: гляциологи выехали на 50-й километр для детального исследования свойств снега на склоне. На этом пути ледник поднимается более чем на 800 метров. Мы послали с ними Лукошина, чтобы он провел там метео- и шаропилотные наблюдения, это будет дополнительным материалом для изучения стоковых ветров и вообще режима на склоне ледника. Но в баллонах, которые он взял с собой, водорода оказалось очень мало, и сегодня я подлетел к ним на 35-й километр на АН-2 с подарком в виде водорода и горячего обеда. Полет чепуховенький (обернулись за один час). Это типичная континентальная Антарктида. Белая равнина, и только небольшие заступы, образованные ветром. Снег проваливается под ногами на несколько сантиметров. Побывали у них минут 5–7, передали наш груз, взяли у них образцы снега и улетели. Сегодня же Семен Семенович летал на разведку льда и погоды в море Дейвиса. Кажется, они открыли интересную штучку – не то остров, не то огромный айсберг. Его размеры по длине километров 70 и по ширине километров 20. Это раз в десять больше острова Дригальского, который представляет собой большой айсберг, сидящий на мели. Через месяц полетят на проверку – движется этот кусочек или стоит на месте.

Последние дни солнце совсем низко стоит над горизонтом – чуть поднимется (и то неохотно и поздно) и вскоре вновь уходит. Но какие цвета мы видим ежедневно! Нигде и никогда я ничего подобного не видел. Зори такие яркие, многоцветные, глаз не оторвешь. А если еще есть немного облаков, то они так окрашиваются, что только кисть большого мастера может

передать это великолепие. Конечно, никакое цветное фото не может этого воспроизвести.

3-го июня, когда японская станция Сева вновь возобновила свою связь с нами, Нишибори передал нам благодарность за добрые пожелания и сообщил, что Солнце уже за горизонтом.

У нас введена новая единица измерения – 1 Алтай. Это ветер силой в 35 м/сек. Именно такой ветер сбил с ног нашего Алтая.

Воспользовавшись хорошей погодой, из Оазиса прилетели Мещерин, Мансуров и Шляхов. Мы очень эффектно встретили их. Я вышел к самолету. Когда мы приблизились к нашей обсерватории, наружу выскочило человек десять, Ваня Горев затрубил туш, а Семен Семенович стучал крышкой умывальника по самому умывальнику, который держал в другой руке. Из их жизни в Оазисе больше всего смеха вызвал рассказ о том, что Шляхов, будучи дежурным по камбузу, накормил всех компотом, сваренным в воде, взятой из ведра, в котором был едкий натр. После этого все основательно побегали по Оазису.

На днях я устроил такой ужин, которого нельзя сотворить нигде, кроме как в Антарктиде. Я пожарил яичницу из пингвиных яиц. Причем, так как я не был уверен, что будет вкусно, то пожарил лук, поджарил колбаску и потом залил это содержимым двух яиц. Этого хватило, чтобы хорошо поел десяток человек, а то и больше. Под эту яичницу выпили немного спиртного (если так можно сказать о спирте), и все хвалили кулинара. Вкус почти обычный, но несколько пресновато. Возможно, не додал соли.

13 июня 1957 г.

Все последние дни погода нас просто балует. Стоят тихие дни, почти безоблачно, мороз 19–24°C, лишь в отдельные дни ветер немного усиливался до 12–15 м/сек. Мы находимся в зоне обширного отрога высокого давления, и штука эта довольно устойчивая. Если бы так прозимовать, то лучшего и желать нечего. Дела идут, в общем, нормально. Продолжается строительство башни. Сделали для нее занавес и в ближайшие дни, наверное, приблизимся к завершению.

6-го вдруг получили сообщение о том, что на Востоке-1 разорвало газогенератор. Такая же авария, как была у нас – вылетело дно, а предохранительный клапан остался невозмутимым и не сработал. Хорошо еще, что эти генераторы низкого давления, и это все не слишком опасно. Но для нас и это опасно тем, что может сорвать работу. Пришлось быстро скомплектовать два генератора высокого давления и подготовить их к сбросу на станцию. Все было проделано очень удачно. Бросали на грузовых парашютах, и все долетело превосходно. Накануне выброса мы наговорили целую пленку

всяких новостей (говорило человек 10), в том числе просто трепатни, чтобы развеселить там народ. Потом получили радиogramмы с благодарностью.

Пару дней тому назад оттуда же поступило более серьезное сообщение. Здоровье двух товарищей там стало плохим, и врач ставит вопрос о немедленном их вывозе со станции. Речь идет о нашем аэрологе Шимановиче и о самом враче Александрове. У первого ослабление сердечной деятельности, гипертония, миокардит. У второго возобновилась прежняя его болезнь – воспаление печени. У обоих бывают припадоочные явления. Проблема вывоза людей – очень сложная. Самолет может не суметь взлететь оттуда из-за низких температур, и тогда к зимующим прибавится еще 7 человек. Последовало несколько радиотелефонных разговоров, и вновь наступило успокоение. Пришли к выводу, что, соблюдая режим, оба больных могут подождать месяца два, после чего, уже в светлое для этой станции время, проще будет слетать туда. Но после дополнительного раздумья некоторым, в том числе и мне, кажется, что успокаиваться нельзя. Во-первых, никому не известно, какие температуры будут там в конце зимы. Сейчас там несколько теплее, чем было (было и - 71°C, а теперь от - 45°C до - 55°C), а в конце зимы иной раз температура может быть наиболее низкой. Во-вторых, аэродром, созданный на Востоке-1, позже будет в более плохом состоянии, чем теперь, и, в-третьих, кто может поручиться за то, что среди зимы, в самое неблагоприятное время, не возникнет необходимость лететь в срочном порядке, невзирая на усложненные условия? Сегодня-завтра будет решаться этот сложный вопрос. Если теперь полетят, то от нас нужно выделить аэролога.

Ну, а в остальном... все хорошо, все хорошо. Готовимся отметить 250-летие Ленинграда. Учим английский язык. Регулярно слушаем музыку, которая полностью вошла в наш быт. Днем мы отключаемся от общей трансляции и транслируем из моей комнаты разную музыку для наших двух домов. С Картрайтом не просто слушаем, но и изучаем Чайковского. Я взял в библиотеке Пушкина, и теперь он знает Евгения Онегина лучше, чем многие русские. На слова Введенского я смастерил две вещички – марш нашей экспедиции (ему еще нет названия) и «Антарктический вальс». Кажется, мелодично. Во всяком случае их готовят к первому исполнению. Текст превосходный, умный, с тактом (не в музыкальном смысле), а ритм так и просит мелодии.

24 июня 1957 г.

Более десяти дней не прикасаться к дневнику – это верх неорганизованности. Меня прощают только два обстоятельства: во-первых, я был крепко занят разными серьезными и несерьезными делами, а во-вторых, я сделал заметки на отдельном листочке, чтобы не забыть никаких важных событий и, таким образом, могу искупить свою вину.

Если соблюдать хотя бы некоторую хронологию, следует начать с бани. 17-го был очередной банный день. Для всех нас начало и середина месяца – дни омовения. В нашей бане даже парная есть. Среди жителей Мирного есть особые любители бани, прославившиеся на этом поприще. Так, например, профессор Шумский и летчик Ерохов отличаются тем, что после мытья в парной (конечно, с венчиком) выбегают из бани в чем мать родила, бросаются на снег и катаются в нем, потом вновь в парную, и так повторяют два-три раза.

Семен Семенович тоже стяжал себе славу заядлого купальщика – он моется несколько часов подряд. Уйдет утром, а выходит оттуда к обеду, или начнет после обеда, а закончит к ужину. Так было и 17-го июня. Мы все уже отобедали, а его все нет и нет. Говорим поварам, чтобы они оставили обед Гайгерову, а Володя Загорский решил показать класс сервиса. Специально был послан Иван Алексеевич Бородачëв, буфетчик, он же наш акын (на любую тему моментально выдает стихи) и, хотя в них иной раз складу бывает не больше, чем ладу, все же бывает забавно. Например: «Пингвины маленькие Адели, они живут на Хасуэлле» и т. д. Уже начали даже играть под его марку, на афишах нашей кинофирмы Главшмакфильм начали появляться коротенькие стишки на тему фильма с подписью Джон Бородачëв, хотя сам он их вовсе не писал. Это, конечно, проделки Анатолия Введенского. Так вот Иван Алексеевич и понес обед Семену Семеновичу, но все сорвалось... Семен Семенович уже успел уйти из бани. Иван Алексеевич страшно рассердился не то на тех, кто его послал, не то на Семена Семеновича, который не дождался его в бане, и тарелки вместе с содержимым полетели на снег ...

Днем раньше, 16-го, я провел специальный полет на самолете ЛИ-2 для завершения вопроса о высотах наших станций. На этот раз задача состояла в том, чтобы проверить работу радиоальтиметров, которые вызвали подозрение. Кроме того, мы побывали на 50-м километре от Мирного. Высота этой точки определялась раньше тригонометрически, и представляло интерес проверить здесь нашу методику. Радиоальтиметры оказались довольно хорошими – поправка плюс 10 метров. 50-й километр находится уже на высоте более 800 метров.

Но наши данные не сошлись метров на 60, и мы долго ломали голову, стараясь найти причину. Ларчик, кажется, открывается довольно просто: мы нашли на 50 километре отметку в виде пирамидки, сложенной из бамбуковых вех, но оказывается, что там два «пятидесятых» километра – один ближе, а другой дальше. Мы летали над дальним, и он выше ближнего, с высотой которого мы сравнивали свои расчетные данные. Придется слетать еще раз.

Теперь наши полеты входят в более нормальную колею. Составлен и утвержден план полетов для нас, и мы приступили к оборудованию выделенного

для нас самолета. Это колесная машина, которая имеет несколько больший запас горючего, и тем полезна для нас. Полезна она еще тем, что ее не будут посылать на Пионерскую, Восток-1 и т.д. с посадками, и мы чаще сможем пользоваться ею.

Нашу башню уже приволокли из мастерской на нашу «усадьбу», остается немного – обшить и поставить. Но не тут то было... погода пока мешает. Мешает она многим. Уже совсем собрались было лететь на Восток-1 для смены двух товарищей, и тоже пока все застопорилось. От нас полетит В. К. Кильдяшев на смену В. К. Шимановичу.

19-го июня произошел перелом в погоде. Отрог отошел к востоку, и с запада приблизился циклон. Все шло, как полагается – потепление на высоте, левый поворот ветра с высотой, поднялась тропопауза, обнаруживавшийся по данным радиозондирования фронт планомерно опускался. И вот сегодня шестой день пурга. Очень тепло – до 3–5 градусов мороза, а было перед этим почти минус 30°C. Валит много снега, в том числе и на Пионерской, и на Востоке-1, куда также проникло тепло. Ветер у нас держится 25–30 м/сек с порывами до 35–38 м/сек. Видимости практически нет никакой. Ходим по известной дороге, и то преимущественно группами. Круглые сутки не гасим нашего маяка, который все же дает слабый светлый кружок в непрерывно несущейся мути.

Несколько дней тому назад в половине первого ночи, когда я уже собрался ложиться спать, ко мне пришли гости – Николай Семенович Беляев, наш врач, и Анатолий Анатольевич Введенский. Я человек общительный и гостям рад в любое время суток. Достал запасы, и мы мило посидели до половины третьего. Это чудные ребята, интересные, веселые, очень товарищеские. Кстати, один из инженеров аэрофотосъемочного отряда В. Бовин назвал Беляева «ржавым» за медный цвет его волос, и это привилось. Засиделись у меня в этот вечер и Шляхов с Круковским, тоже довольно «заводные» товарищи. Уйдя от меня явно в разгоряченном виде, Введенский и Беляев попали на крышу дома летчиков (7-й дом). В этом нет ничего удивительного, так как ходим на одном уровне с крышами. Догадавшись, где они находятся, они немного расшалились и стали орать в вентиляционные трубы, разбудив весь дом, после чего убежали и на завтра рассказали мне об этом.

Этим случаем нельзя было не воспользоваться. К тому же я вспомнил, что Введенский пытался меня разыграть, когда меня ссадили с самолета, и сочинил стих якобы от имени летчиков, который будто бы был направлен в радиогазету. Настал мой час, и я им воспользовался. Был немедленно сочинен стих, который был прочтен героям с таинственным посвящением в то, что я постараюсь не помещать его в редактируемую мною стенную газету, но, возможно, из-за этого будет скандал.

Вот этот стих:

День прошел на редкость тихо,
Ни пурги, ни ветра, тишь.
Даже маленького стиха
Джон не выдал для афиш.
Мирного огни маячат
В антарктической ночи,
В этот час по крышам скачут
Лишь спецкоры и врачи.
Скромный Толя, ржавый Коля
Долго глотки надрывали,
Дом седьмой со сна подняли,
Возвращаясь из шинка ...
Да, как в песне говорится,
Жизнь совсем здесь не легка!

Попало это не в бровь, а в глаз. Во-первых, здесь некоторые фразы взяты почти из стихов Введенского. У него в «Антарктическом вальсе» есть такое:

«Трудно бывает, товарищ, порою,
Жизнь здесь совсем не легка...».

А в самом конце:

«Ярко горят в антарктической ночи
Берега Правды огни».

Во-вторых, они явно передрефили. Коля начал вертеть – это, мол, еще нужно доказать, кто был на крыше. А Толя проявил спокойствие: «Пожалте, печатайте, я знаю, кто это написал, это Миша Стекольников, и я тоже в долгу не останусь, такое на него напишу...». Коля даже возмутился: «Стекольников? А я ему еще руку вправлял! Вот какова благодарность!».

Да, некстати все это получилось. Готовится вечер, посвященный юбилею Ленинграда, Введенский – докладчик, а тут такое будет напечатано в газете, которая должна выйти к юбилею. Целый день они мучились, а вечером Введенский нечаянно увидел в моей папке черновик этого опуса, и все открылось.

21-го – день зимнего солнцестояния, календарная середина зимы. Трешников послал всем иностранным экспедициям поздравления по этому поводу, и в ответ все прислали свои, а некоторые прислали, не дожидаясь наших поздравлений. Руководитель японской станции Нишибори, главный метеоролог австралийской базы Хеннан и главный метеоролог английской базы Макдоуэлл прислали мне отдельные приветствия, на которые я ответил так же тепло.

22-го был юбилейный ленинградский вечер. К нему готовились. Давно уже сложился маленький музыкальный ансамбль. Ленинградцы захотели

устроить хор, и человек 15, часть из которых никогда этим не занималась, несколько раз собрались после ужина и подготовили две известные песни – «Песню о Ленинграде» на слова Чуркина и музыку Носова и «Наш город» на слова Фатьянова и музыку Соловьева-Седого. И, кроме того, две новые вещи на слова Введенского – «Антарктический вальс» и «Антарктический марш», на которые я изобразил музыку. Было еще несколько номеров разных жанров. Говорят, что концерт прошел хорошо. Он был записан на пленку и будет передан нашим станциям. Вальс пел Владимир Загорский, наш шеф-повар. Он исполнил его очень хорошо. Ансамбль играл слаженно, и все было, как на настоящем концерте. Бурные аплодисменты, вызовы авторов. А вот марш исполнили неважно, хотя на репетиции все было очень хорошо. Ансамбль дает интродукцию, а все хранят молчание. Останавливаемся. Публика кричит: «Снова, снова, не стесняйтесь!». Начинаем снова, но перепуганные хористы со страху взяли такой темп, что оркестр еле поспевал за ними, а они никак не могли сбавить темп, несмотря на попытки оркестра сдерживать их. Закусили удила и отпугнули марш так, что никто слов не разобрал. Но, в общем, все хвалили. А сегодня на партбюро Виталий Дмитриевич Мещерин, наш замполит и секретарь, внес предложение всей экспедиции разучить эти две вещи и петь их всюду – в Мирном, на поездах, которые пойдут вглубь Антарктиды, на станциях, на кораблях. Предложение было принято, и мы с Введенским теперь вроде придворных сочинителей. После концерта был фильм – «Ленинградская эстрада». Наш работник Сергей Виноградов написал прекрасное панно с видом Ленинграда – Нева, справа Медный всадник, за ним Адмиралтейство, а впереди – Дворцовый мост, Петропавловка, роstralная колонна и т.д. Выпивка была отменена, хотя даже в Питере водка лилась рекой – стоит настолько сильная пурга, что выпивать опасно, мало ли что может произойти в таких случаях. И последнее, коль скоро речь зашла об искусстве. Введенский подарил мне свое послание к жене, которое он написал еще на «Кооперации» – оно начинается словами «Белый айсберг плывет в не успевшей померкнуть ночи...». К его дню рождения, 23 июня, я написал музыку и на эти слова. Хотя названия эта вещь еще не имеет, именую ее «Белый айсберг». Сегодня Загорский начал разучивать. Введенский еще не праздновал свой день – все пьянки до окончания пурги запрещены. Подарю ему ноты всех трех вещей в качестве именинного подарка, а Володя исполнит.

А пока что я приступил к вычислению вертикальных скоростей по данным всех наших зондирующих точек.

20-го начался первый международный аэрологический интервал, предшествующий началу МГГ. К этому времени, с 18-го июня, начали зондировать на станции Восток-1. Молодцы! Как ни тянули, а начали вовремя. 20-го начали зондировать дважды в сутки на Оазисе и на Востоке-1, а в Мирном

перемен нет, мы и так зондируем четыре раза в сутки. И так, для нас МГГ уже начался! Теперь, имея данные всех наших станций, можно считать вертикальные скорости. Здесь это очень интересно.

10 июля 1957 г.

Прошло полгода нашего пребывания в Антарктиде. А кажется, что больше. За это время со многим мы настолько свыклись, и головы наши настолько полностью поглотились антарктической тематикой и всеми сторонами нашей экспедиционной жизни, что по силе впечатлений это равносильно, вероятно, нескольким годам жизни в обычных условиях. За это время сделано немало. Все, что мы хотели сделать, после того, как наши планы были скорректированы здесь на месте, мы сделали и продолжаем делать, но нас гложет то, что наши первоначальные планы, подготовленные еще в Москве, выполнены далеко не полностью – отсутствие станций Восток и Советская не дает нам покоя. Это остро ощущается при анализе карт. В ближайшие пару дней мы проведем семинар отряда, чтобы обсудить, что у нас в отряде хорошо, а что плохо. Так будет наиболее полезно отметить полугодие.

А теперь вкратце по порядку. Все, что имеет начало, имеет конец. И циклониче, который дал такую сильную встряску Антарктиде, благополучно смирился и отступил. Всюду в нашем секторе улучшилась погода, а на Востоке-1 температура еще не успела понизиться после выносов тепла и была минус 45–50°С. Этим мы и воспользовались, и 27-го Миньков полетел туда и провел замену двух товарищей. Вместо аэролога Шимановича и врача Александра туда полетели аэролог Кильдяшев и врач Тихомиров. Все прошло прекрасно. Аэродром там был сделан хорошо, и посадка и взлет прошли хорошо, и теперь все спокойны. Прилетевшие «представители народов Востока» имели довольно жалкий вид. Они просто растерялись при виде того внимания, которое им было оказано, и долго не могли ничего говорить, а только беспомощно улыбались и, как запуганные зверьки, бросали взгляды то в одну сторону, то в другую. Но быстро отошли от этого «морального шока» и освоились. Шиманович через три дня приступил к работе и сейчас нормально дежурит. Пульс у него за несколько дней упал со 120–130 до 80–90 ударов. Видать, здесь дышать все же легче.

30-го был День авиации. Полет на Восток-1 был подарком наших авиаторов к этому дню, а погода еще не успела вторично испортиться, и празднование было проведено. Вечер авиаторов со многими приглашенными прошел очень весело. Многие шутили, многие выступали, кто с чем, причем без всякой организации – просто кто хотел, тот выдавал свой номер. Семен Семенович завладел микрофоном и долго весело трепался, ведя своеобразный «трепортаж». Впервые на этом вечере Володя Загорский спел под мой

аккомпанемент «Белый айсберг». Он был принят очень тепло, и я послал в Оазис улетевшему туда Введенскому, что «Белый айсберг» поплыл в свое первое плавание. Все хором пели «Антарктикус вальсус», и вообще его теперь поют всюду. В нашем отряде 30-го был тоже знаменательный день – была поднята аэрологическая вышка. Этот одиннадцатиметровый параллелепипед возвышается теперь над всей окрестностью. Он явился подарком многих работников нашей экспедиции к Международному геофизическому году.

1 июля – начало МГГ. В пределах тех возможностей, которыми мы располагали, мы подготовились вполне нормально, и начало этого важного периода прошло спокойно и уверенно. Мы особенно довольны тем, что зондирование началось на Востоке-1 перед интервалом 20–29 июня. Теперь все наши три пункта, которые должны были зондировать, зондируют. 1-го июля был день рождения начальника геофизического отряда С. М. Мансурова. Более удачного дня для геофизика трудно придумать. Я подарил ему радиозонд, поскольку он когда-то был аэрологом и работал у Молчанова*.

4-го июля в день национального праздника США (День Независимости) мы поздравили Картрайта, а он перед обедом открыл пару бутылок виски, выставил конфеты, купленные им в Кейптауне, и нарезал пирог, испеченный 8 месяцев назад, еще в США. Виски прошло, как наш коньяк, конфеты были несколько странными – шоколадные с мятной начинкой, оригинально, хотя я не понял, очень ли это вкусно. А вот пирог забавный. Он был вполне свежим, мягким, душистым. Медовый, с фруктами типа цукатов, политый ромом. Вечером Картрайт дал в кают-компании концерт американской музыки. Было проиграно несколько пластинок разного жанра. По-моему, это интересно. Мы наладили прослушивание его пластинок и у себя в наших двух домах. Так как большая часть его пластинок не подходит к нашему проигрывателю, мы сделали специальную проводку от его комнаты к моей, и даем с его проигрывателя на наш магнитофонный усилитель, транслируя для наших домов.

Вообще, мы много слушаем музыку. Наши и картрайтовские пластинки очень скрашивают жизнь. Кроме всего прочего, считая «прочим» простое любопытство к музыке, мы хорошо изучили много классических вещей и, как всегда, не забываем и легкую музыку.

6-го июля из Оазиса к нам на некоторое время прилетел С. А. Смирнов, который немного прихворнул там, и мы решили проверить здесь его здоровье. Туда полетел на это время Виноградов. Он, кстати, проведет там замену осциллографа для анемографа Суражского. Смирнова встречали вполне традиционно, так же, как и Шимановича, а еще раньше – Шляхова, когда он прилетел из командировки в Оазис. Все выбегают из дома, выстраиваются, Горев играет на трубе марш, Семен Семенович бьет крышкой по умывальнику, кто-то взял стул и бьет по сиденью как по барабану, кто-то стучит

по металлической трубе, а потом постоянно рапортующий Семен Семенович отдает рапорт от всех как дежурный по очистке гальюна. После рапорта строй рассыпается, и все бросаются на прибывшего.

Ну вот, я как будто, восполнил пробел в моем дневнике.

Р. С. Башня наша уже испытана несколько раз, в том числе и при ветре в 26–28 м/сек. Замысел явно удался, и все довольны. Теперь не придется так мучиться с выпуском зондов при сильном ветре. Завершаются мелкие доделки – телефонизация, удобство легкого подъема и опускания площадки, сегодня снимем наклонную крышу, установленную раньше на плоской крыше павильона, и приступим к нормальной эксплуатации башни.

13 июля 1957 г.

11-го наблюдали замечательное явление миража, вызванного рефракцией. На горизонте с северной стороны, где в море видны застывшие на зимний период айсберги, вмерзшие в ледяной припай, (который, кстати сказать, сейчас достигает 400–500 км ширины), картина необычайно изменилась: айсберги вытянулись вверх и превратились почти в столбы, а многие из них стали двухэтажными – над выросшим по высоте айсбергом находился другой айсберг, причем он либо соединялся с нижележащим тоненьким столбиком, либо почти не соединялся вовсе. Эта картина менялась во времени – то все вытягивалось по высоте, то несколько сплющивалось. Я сделал несколько снимков, но не уверен в успехе, так как освещение было все же неважным. В это утро ветер был совсем слабым и в восточной части поселка тянул с моря, что для нас представляет большую редкость. С самого утра вдали над морем был туман, видимо, в сравнительно теплом воздухе, пришедшем к холодным берегам. Позже, когда туман рассеялся, стал виден этот мираж.

В этот день у меня был интересный разговор с Расторгуевым*, находящимся в Литл Америке*. У нас наладилась хорошая радиосвязь, и стало возможным даже разговаривать с микрофоном. Мы говорили более часа. Подробно ознакомили друг друга с организацией работы, кто чем занимается, с методикой некоторых работ. Условились вновь встретиться в эфире в ближайшую среду. Полугодие пребывания в Антарктиде мы решили отметить критическим анализом нашей работы, чтобы далее работать еще более эффективно. Вчера, 12-го июля, мы начали обсуждение нашей работы. С докладом выступил пока только один Семен Семенович, и на обсуждение аэрологических дел ушло все время этого вечера. Завтра будем обсуждать работы по метеорологии и актинометрии.

11-го позвонил мне Виталий Дмитриевич Мещерин и страшным голосом сказал, что нам есть преважнейшее задание – по заказу московского телецентра нужно для телевыпуска журнала «Знание» сообщить кое-какие

сведения о молодых специалистах, работающих в экспедиции (это меня уже не касается, дело прошлое), а также передать им в самостоятельном исполнении что-нибудь. Все это нужно для передач, которые они проводят перед фестивалем молодежи и студентов. Командование экспедиции, на которое нажимает в связи с этим московское командование, решило передать небольшой концерт нашего ансамбля «Сосулька». Срочно в этот вечер собрались на репетицию и тут же записали на магнитофоне исполнение «Антарктического вальса» и марша, который теперь называется «Песней полярников Антарктиды». Передача этой записи, проведенная в этот вечер, ничего не дала. Москва ничего не разобрала, хотя запись была приличной. Дело не только в большом расстоянии, но и в свойствах нашего передатчика, который вовсе не широкоэвентильный, и не все звуки сквозь него проходят. Нам сказали, что нужно «иначе сесть» – одни инструменты выдвинуть вперед, другие, наоборот, задвинуть. На следующий день мы перестроились, но, как будто, результат такой же. Текст песен передали, а с музыкой дело более сложное. Однако, как говорится, если фронту нужно – сделаем. Я придумал цифровой код для передачи нот и сделал проверку – дал закодированную сводку и ключ одному товарищу, и он, не зная, что там такое, довольно быстро написал ноты, причем именно той мелодии, которая была закодирована. Этим кодом и передали в Москву ноты двух песен. Как эксперимент это, кажется, интересно.

18 июля 1957 г.

14-го в «малом дневнике» записано: началась пурга, заполнилась сливная яма, 7 вечерних зондов, 2-й день семинара. Циклон подошел своевременно, т.е. по прогнозу. И сразу задудло, как следует, по-настоящему.

Употреблять обычные корреспондентские эпитеты вроде «молока», «сметаны» и прочих терминов из гастрономического лексикона не буду. Для нас это уже стало прозой. Просто ничего не видно, кроме еле маячащих (если это близко) маяков, а по пути на завтрак в этот день, например, Картрайта два раза перевернуло. При добывании газа для радиозондов шлак, образующийся от химической реакции, сливается в сделанную в полу дырку, и он сам по себе уходит куда-то в Антарктиду, пробивая дорогу в леднике. Но, видимо, и Антарктида имеет пределы, и шлак больше никуда не уходит, а стоит на уровне пола. Нужно изобретать способ отвода этой дряни, хотя все кругом занесено, и все это осложнено.

Вечером было второе заседание нашего итогового семинара. Был доклад И. Д. Копанева о метеорологических работах. Развернулась основательная критика по поводу ряда недостатков, и это как раз то, что нужно. И в заключение – вечерний «концерт» – ветер достигает временами 40 м/сек, пять зондов,

уже выпущенных в вечерний срок с вышки, так и не улетели – оболочка разрывается в воздухе, как только шар выйдет из башни. Иду посмотреть своими глазами, что происходит. Еле видим друг друга, хотя наш маяк светит вовсю, добираемся до павильона и, дойдя до кучи снега, наваленной у входа в павильон до самой его крыши, сквозь небольшое отверстие в снегу соскальзываем в павильон. Наполнили шар, отрегулировали зонд, проверили сигналы и подняли его в башне. Поднялись и сами наверх и расположились на площадке, открыли занавес, обращенный в ту сторону, куда обычно улетает шар, и, дождавшись небольшого ослабления ветра, выпустили зонд в полет. Но в один миг оболочка, очутившись под ударами воздушного вихря, образовавшегося у башни, была разорвана в клочья. Замечаю, что шар вначале немного отнесло в сторону, где он мог налететь на трос, которым башня закреплена к «мертвякам», зарытым в снегу. Седьмой зонд был пущен на необработанной в бензине оболочке N 150, и он, наконец, улетел. Наутро мы увидели на тросе обрывок оболочки. Значит, эта причина имела место, но аэрологи утверждают, что не все зонды отклонялись, а просто будто кто-то сильно тормозил оболочку, и она не выдерживала такого над собой издевательства. Вот и новая проблема. В последующих выпусках применялись такие недообработанные оболочки, и хотя это ограничивает высоту зондирования, все же выпуск производится. А высота при таких ветрах так или иначе большой не бывает.

15 июля пурга прекратилась, циклон отошел к востоку, и он все же забрасывает тепло на континент, на Пионерской пасмурно и идет снег. А ведь там уже дня четыре сидит самолет ЛИ-2 Стекольников. Они полетели вместе с самолетом Дмитриева, но Дмитриев с Пионерской взлетел и улетел, а эти застряли, не смогли оторваться от полосы из-за низких температур. Волею неволею приходится сидеть там. Это, конечно, не в чистом поле, но там тесно и приходится возиться на морозе с машиной. Получил телеграмму – вопль от второго пилота Ерохова. Просит сообщить долгосрочный прогноз с упором на температуру, так как там слишком прохладно. Немедленно дал ответ: «Сочувствую, мужайтесь, гарантирую существенное повышение температуры еще до прихода кораблей». Полагаю, прогноз вполне должен их устроить – и долгосрочный, и обнадеживающий.

Состоялось третье заседание нашего полугодового семинара. Был доклад В. И. Шляхова об актинометрических работах. Всем понравилось содержательное сообщение, было порядочно вопросов и некоторые замечания. На это убили все отведенное время. Получается настоящая сессия, даже раздаются голоса, что завершать придется «по-столичному», т.е. приемом за специально подготовленным столом. 16-го все шло в обычном стиле. На Пионерской экипаж явно хочет поскорее выбраться оттуда и готовится к отлету, но, как будто, там дело осложнилось – заморозили радиатор мотора.

17-го состоялся второй разговор с Литл Америкой. Продолжительную беседу вел Картрайт с руководителем тамошнего Бюро погоды, которое считается Центральным Бюро погоды в Антарктиде, Уильямом Морлендом. Американцы просили Картрайта передать нам, что они очень довольны нашим представителем, работающим у них – Владимиром Расторгуевым. Довольно долго я беседовал с ним. Он ответил на ряд наших вопросов. Мы интересовались способом выпуска радиозондов, особенно при сильном ветре. Там выпускают зонд через шахту, так как они засыпаны трехметровым слоем снега. Но уже при 30 узлах (15 м/сек) выпустить зонд не удастся. Высота зондирования у них в среднем 18–19 км. Такими результатами хвастать нельзя. У нас ветры посильнее, временами доходят до 35–40 м/сек, но срывов пока еще не было. Средние высоты у нас также более высокие – примерно на 1 км. Есть, правда, одно важное обстоятельство, которое не позволяет, видимо, американцам получать больших высот: они находятся несколько южнее нас, и там на высотах температуры могут быть ниже, а это ограничивает высоту подъема оболочек. В отличие от нас они не проводят зимних полетов, и данных о положении ледовой кромки в море Росса у них нет. Жаль.

Сегодня устроили вывоз шлака из газогенераторной. Уровень понизился, и теперь продолжительное время можно жить спокойно. Провели четвертое заседание полугодического семинара. Докладывал Ю. С. Чернов. Его сообщение показывает, что он вдумчив в своей работе и стремится к некоторым обобщениям. Полагалось бы, пожалуй, доклад о синоптических вопросах делать мне, но я не хотел сейчас отвлекаться от той работы, которую провожу по обобщению синоптического материала, да и сам факт, что обычный дежурный синоптик докладывает, имеет для него большое значение.

Вечером вновь началась пурга.

22 июля 1957 г.

18-го день прошел в текущих делах без выдающихся событий. Пурга продолжалась. 19-го – большой летный день. Погода улучшилась, и самолет Минькова полетел на Пионерскую на помощь застрявшим. На борту этого самолета полетели также Дмитриев, механик Толя Межевых, штурман Паша Старков, которые должны были сменить находившихся на замерзшем самолете пилота Стекольщикова, штурмана Долматова и инженера Пименова. Вслед за этим самолетом вылетел оборудованный нами самолет, проводивший очередной исследовательский полет. Пилотом был сам командир отряда П. П. Москаленко, с которым мы сейчас очень нежно дружим. От нас полетели А. Круковский и я. Взяли с собой также Л. И. Феодосьева*. Опять будем по пути искать злополучный 50-й километр, над которым мы должны провести некоторые контрольные отсчеты. Полет прошел очень интересно.

Не найдя 50-го километра, мы избрали своей мишенью другую точку, высота которой нам известна. Дальше пошли на Пионерскую. Подлетая к ней, увидели возвращающийся оттуда самолет Минькова, который выполнил свою задачу и возвращался домой. Это уже хорошо, что и он не застрял там. Послали ему поздравление. На Пионерской видим самолет, весь заиндевевший, окутанный облаками пара и копошащихся около него людишек. Сбросили им пакли, сами продолжали нашу работу. Провели над Пионерской зондаж до 4200 м (по альтиметру), затем, снижаясь, ушли еще дальше в направлении Востока-1, а, дойдя до «земли», т.е. спустившись на 1400 м, пошли обратно, прошмыгнули мимо Пионерской и на участке до Мирного сделали еще два таких разреза. Было уже совсем темно, когда мы подошли к Мирному с его ярко светящимися огнями. Еще минут десять полетали над морем, проводя последние контрольные отсчеты радиоальтиметра, и сели при зажженном «старте».

Все наши полеты страшно интересны. Они очень хорошо дополняют другие работы. В полете вдруг пришла в голову мелодия к словам «Раздумья» Введенского, о чем дважды принимался думать раньше, но до сих пор ничего не получалось. После ужина перед сном добил «Раздумье» до конца. Кажется, вышло. Ночью из Пионерской прилетел «мерзлый» самолет. Вот ведь молодцы! Они быстро сменили радиаторы, проверили и прогрели моторы, попытались взлететь и полетели. Вскоре заметили, что сильно перегревается масло, и сели обратно. Устранив непорядок, вновь полетели и благополучно прилетели. Героический маневр! Нужно учесть, что температура там была минус 54°C.

20-го день прошел малозаметно, но вечером был классический сабантуй – праздновал день рождения наш заслуженный буфетчик Иван Алексеевич (он же Джон) Бородачев. Созвал он такую компанию и притом так созывал (сделал всем специальные пригласительные билеты на забавном фотомонтаже – он и пингвин), что отказаться было невозможно. Пригласил весь наш оркестр, оборудовал три комнаты. Короче говоря, вечер прошел очень мило. Всех переплюнул. 21-го было заурядное рабочее воскресенье. Вечером смотрели фильм «Весна». Все-таки это неплохая комедия.

22-го состоялось последнее, пятое, заседание полугодического семинара. На это заключительное заседание пришли Трешников и Матвейчук. Докладывали представители станций – Смирнов из Оазиса и Шиманович, приехавший с Востока-1. Было немало интересных разговоров. У нас сложилось общее мнение, что главной причиной существования Оазиса является сильный ветер, выдувающий оттуда весь снег. Не будь ветра, давно бы зарос Оазис ледником, хотя там и есть выступающие скалы и горки. Но ведь и в Мирном они выступают, но оазиса здесь нет! В конце я подвел итог полугодической работы и призвал в оставшееся время работать еще лучше. После этого мы все

перешли в другую комнату, где был подготовлен скромный стол, и распили по паре рюмок коньяка, закусили, немного пошутили и все пошли на ужин. И так, осталось уже не слишком много времени, а хочется успеть сделать так много. Значит, нужно еще больше беречь время и еще больше работать!

27 июля 1957 г.

Большой летный день был также 24-го. На одном самолете ЛИ-2 (пилот Стекольников) Семен Семенович, Круковский, Картрайт и Введенский полетели по нашему стандартному меридиональному маршруту на Пионерскую. Все прошло, как обычно, вполне нормально. На другом ЛИ-2 (пилот Дмитриев, второй пилот Ерохов, штурман Старков) Мещерин, Матвейчук и я полетели на Оазис. Нужно сказать, что мы знали о приближении циклона с запада, так как на высотах начиналось потепление, усиление ветра, поднятие тропопаузы. Я особенно хотел посмотреть зимний пейзаж Оазиса и зону вокруг него. В конце концов нужно начинать разбираться в природе этого уголка и в причинах сильных ветров в этом земном раю. Летим. Подлетаем к шельфовому леднику Шеклтона и видим, что к западу от него идет узкая полоса чистой воды. Значит, восточный ветер и здесь бывает настолько сильным, что отрывает припай. Значит, сильные ветры принадлежат не только Оазису, расположенному на другой стороне шельфа. Прилетели в Оазис. Он весь в снегу. Несколько дней назад здесь был снегопад, и с тех пор ветра не было. В Оазисе произошли перемены. Построены новые домики, стоит аэрологический павильончик, маленький, но удаленный. Вообще все довольно ладно. Флюгер и Черныш заметно подросли. Приветливо бросаются к самолету и к людям. Эти собачки стали совсем антарктическими и даже любят «дутье», как в Оазисе называют сильный ветер. Когда заработали моторы самолета (мы пробыли там только полтора часа), оба пса бросились под струю винта и стояли до тех пор, пока их не свалило, и тогда они начали кататься на снегу под той же струей. Да, я не указал, что садились мы на Фигурное озеро, на берегу которого стоит наша станция. Теперь озеро замерзшее, и лед абсолютно гладкий, как зеркало, только в этот день он был покрыт слоем пушистого снега. Я привез из Оазиса анемометр от градиентной установки, который был вырван со стойки ураганом, причем была разорвана нижняя часть коробки анемометра. В самолете на обратном пути я разглядывал этот анемометр и удивлялся, почему получились дырки на чашках (робинзоновых). Находящийся еще в Мирном Смирнов объяснил мне потом, что чашки не от этого анемометра. Судьба их такова: к анемометру, укрепленному на нижнем уровне градиентной стойки, подошел Черныш и долго смотрел на его вертящиеся чашки, потом приблизился, видимо, желая понюхать, но

получил удар по морде и, не стерпев обиды, набросился на прибор. Отсюда и дырки. Вылетев из Оазиса, мы облетели вокруг него. Как ни странно, на леднике, лежащем к югу и востоку от него, снега почти нет – лед обнажен, даже морена не занесена. Значит, здесь и сейчас ветер есть. И так, как будто становится ясно: стоковый ветер в районе Оазиса также существует, как и всюду, но он не проникает к станции, защищенной гористой местностью. При подходе же циклона циклонический ветер здесь оказывается совпадающим по направлению со стоковым, и это усиливает ветер, который врывается во внутренние районы Оазиса и безобразничает там. Сметая же снег, он оголяет выступающие коренные породы, и так как всю зиму снега здесь нет, то вот и природа Оазиса. Прилетели мы в 16.30 местного времени, поужинали, прослушали интересную лекцию Г. А. Брегмана об истории изучения Антарктиды, просмотрели фильм о Пржевальском и... началось. Кажется, такой пурги еще не было. Пока дошли от кают-компания домой, буквально боролись за каждый шаг пути, не раз падая, вставая и снова борясь с ветром. Еще и еще раз думаем, как было плохо предыдущей смене без тех маяков, которые нам очень помогают. Теперь и на седьмом доме поставили такой же маяк, и нам стало легче ходить. Когда мы летали, то все время держали связь с Мирным и знали ход изменения здесь погоды. Хорошо, что все шло как по нотам, а что, если бы не так? Наверное, нужно еще больше страховаться, но тогда можно многое упустить. Ведь к утру в Оазисе снег начисто сдуло, и такой картины, какую довелось видеть нам, не скоро увидишь! Так мы и не скоро узнали бы, что в редкие дни в Оазисе снег лежит, но вокруг него есть ветер, который не дает снегу удержаться надолго.

Только сегодня пурга начала ослабевать. Новая забота – зонды с вышки тоже бьются, хотя реже.

3 августа 1957 г.

Начала, но не ослабела. Даже наоборот. Такой пурги, какая прошла за этот период, с 24 июля по 2 августа, мы еще не видели ни по продолжительности, ни по интенсивности. Максимальная скорость ветра, которую нам удалось отметить по индукционному анемометру, была 45 м/сек, но, возможно, было и больше. Анемограф Суражского не удавалось включать в те моменты, когда бывали наиболее сильные порывы. Пока включишь его, ветер уже не тот, а держать прибор все время включенным невозможно. 31 июля вообще был смешной момент: около 12 часов дня вдруг ветер совершенно стих. На небе почти не было облаков, солнце ярко сияло, воздух абсолютно прозрачен. Такой дивной погоды мы давно не видели. Многие миряне повыскакивали из домиков и спешно фотографировали ярко освещенный зимний пейзаж. Воспользовавшись затишьем (а ветер доходил только

до 5 м/сек), мы выскочили на крышу и очистили анемометр Суражского от забившего было его снега, так как не верили, что это затишье будет продолжительным. И действительно, через 40 минут ветер вновь усилился и при этом с таким остервенением, как будто он хотел наверстать упущенное. Когда нас спрашивали, что случилось, почему было ослабление и почему вновь такая кутерьма поднялась, мы не смогли ответить ничего более вразумительного, чем то, что у нас испортился прибор, и мы временно выключили ветер, чтобы исправить его. На следующее утро, когда мы направились на завтрак, меня ветер сбил с ног, и, упав на снег, я продолжал движение вопреки своей воле, подгоняемый ветром. Нужно добавить, что при этом буквально в двух шагах уже ничего не видно – сплошная молочная масса, даже не молочная, а сырковая. Снежный поток настолько плотный, что тащит тебя с большой силой. В это утро далеко не все пришли на завтрак. Просто предпочитали обходиться имеющимися во всех домах припасами, но мы все же почти все регулярно ходим, правда, не в одиночку. Не хотим сдаваться. Утром 2-го августа было такое забавное зрелище: ветер то усиливался до 40 м/с, то ослабевал до 8–10 м/с, и так несколько раз. Все эти фокусы происходили уже в тылу циклона, когда трудно было понять, что действует больше – тыловой ветер или стоковый. Сегодня уже держится 12–18 м/с, и он за ветер вовсе не считается.

На днях получил сообщение из дома о том, что наши песни были исполнены по московскому телевидению. Запросил подробности. Все же интересный эксперимент. 30-го и 31-го я мысленно участвовал в праздновании дней рождения Фимы* и Сенюрки. Как там получилось у сынульки?

12 августа 1957 г.

Незаметно прошло 9 дней со времени моей последней записи в дневнике. Итак, Сенюрка уже фотографирует новым аппаратом. Представляю, как он был доволен. Главным событием последней недели с точки зрения патриотов нашего отряда был Ученый Совет экспедиции с обсуждением доклада Василия Ивановича Шляхова о возможных минимальных температурах в Антарктиде. До сих пор действовал миф Шумского о том, что здесь, в центральной части континента, возможны минимальные температуры до минус 110–120°C. Эти соображения были даже посланы в Москву, и они изрядно пугали некоторых ученых, и особенно начальников, которые были готовы на основании этого и в дальнейшем не открывать внутриконтинентальных станций. Нам, метеорологам, это всегда казалось неправильным, но убедительных доказательств у нас не было. Я, например, считал, что у поверхности земли, судя по известным фактическим данным, не наблюдаются температуры более низкие, чем те, которые наблюдаются в нижней стратосфере

и верхней тропосфере. Василий Иванович додумался использовать уравнение баланса радиации и, сделав некоторые допущения, принял малую изменчивость противозлучения, при которой нашел возможные минимальные температуры порядка минус 78–80°C. Это, как говорится, куда ни шло, и то вероятнее, что они будут в действительности еще выше. Гляциологи не только признали правильность выводов, но вошли в азарт и стали доказывать, что минус 80°C это слишком низко. Шумский по существу признал несостоятельность своих прежних выводов, которые, если бы они обсуждались, и тогда бы не выдержали критики. Совет одобрил новые выводы, и они были доложены Москве. Сегодня статья в «Метеорологию и гидрологию» пошла к Трёшникову для дальнейшей отправки в Москву. В тот же день, когда был Ученый Совет (7 августа), состоялся очередной разговор с Литл Америкой. Мы рассказали друг другу, как протекает жизнь в каждой из наших экспедиций. В этот же день была еще одна интересная вещь. Гляциологам нужна лаборатория с низкими температурами, чтобы пробы льда и снега не изменились, пока их будут исследовать. Как ни странно, в Антарктиде, по крайней мере в Мирном, проблемой оказалось отсутствие необходимого холода. В конечном счете решили использовать трещины во льду, которые имеются возле нашего поселка. Недавно даже один трактор провалился в такую трещину, но удачно, одной гусеницей, и его вытащили другим трактором. Устроили несколько взрывов в трещине, расширили ее и опустили в нее деревянный домик. Так вот в этот день все шло наоборот: обычно избегают трещин, а тут сами лезли в нее. Подъемный кран был в этом случае спусковым краном.

8.08 был день рождения одного из славнейших парней – Славы Ерохова, хорошего пилота и большого симпатяги. Но в последнее время ему не повезло, была какая-то неприятность, в которую его втравили москвичи, а у них в отряде возвели в связи с этим на него бог весть что. У парня было явно не именинное настроение, но небольшая группа товарищей устроила маленький скромненький сабантуй, и все были довольны, особенно именинник.

Мне сделали, наконец, световой ящик для копировки карт, приземных и высотных. Это только начало, но оно само по себе дает очень интересные материалы. Например, уже здесь хорошо видно, насколько поспешны были утверждения наших предшественников относительно стационарирования циклонов в районе моря Дейвиса, т.е. вблизи Мирного. Просто карты у них были беднее, и они «привязывали» на короткой нити циклоны к собственной точке.

За эту неделю наиболее интересными кино вечерами были два вечера, когда демонстрировался «Возраст любви». Вообще этот фильм прочно держит первое место, а сейчас показ был перед его турне по нашим станциям, и это особенно привлекло всех. Висели забавные афиши, под стеклом были

вывешены снимки отдельных кадров. Я тоже включился в струю фотографирования с экрана, и как ни странно, мои снимки были довольно хорошими. Теперь я тоже имею свою Лолиту и стал таким же несерьезным почитателем таланта актрисы, какими бывают обычно девушки в отношении теноров.

Сегодня мы совершили второй поход к пингуинам. Эти милые существа по-прежнему стоят у облюбованных ими айсбергов огромной плотной толпой. Почти у всех у них есть уже потомство – маленькие пингвинята, которых они держат в том же мешке, в котором вынашивали яйца. Похоже, что птенцы сидят в мешках не только самок, но и самцов. Это пока мы отсиживались в теплых домиках во время злющей пурги, они стойко встречали и оберегали от непогоды своих отпрысков. Немало, правда, птенцов погибло. В разных местах валяются замерзшие птенцы. Видимо, у них нет строгой семьи. Иной раз пингвиненок выскакивает из-под папы или мамы и пищит. К нему подходит другой пингвин и запихивает его к себе в мешок. Время от времени пингвин наклоняется и, разинув рот, принимает в него головку малыша, где тот получает угощение – отрыжку. Но чем питаются большие пингины, мы не могли установить. Похоже, что, действительно, ничем. Хотя мы не видели их почти три месяца, они совсем не похудели. В предыдущие дни мы видели группы пингинов, которые куда-то шествовали. Но никаких трещин или какой-либо полыньи вблизи не видно. Даже с воздуха я, например, не видел поблизости ни чистой воды, ни групп пингинов, которые ходили бы за пищей. Сделали много снимков. На обратном пути подошли к острову, где похоронены Буромский и Зыков, взобрались на него и побывали у могилы. Она чисто подметена ветром и торжественно возвышается над скованным льдом морем.

В субботу 10 августа во время киносеанса зазвонил телефон и надрывался до тех пор, пока кто-то не взял трубку. Взявший трубку вдруг подбежал к динамику и включил трансляцию, но на него зашикали, и все было выключено, тем более, что ничего нельзя было разобрать. Оказывается, Москва транслировала передачу, посвященную молодым ученым – участникам фестиваля. При этом вспомнили о наших антарктических молодых и включили ту пленку, которую мы когда-то передали для фестиваля. Было наше приветствие, а потом зазвучала «Сосулька». Говорят, что передавали наш марш, причем и Володя Загорский, и оркестр были довольно хорошо слышны. Значит, бумеранг возвратился. Забавно. Все наши были очень довольны тем, что приветствие, стихи и музыка достигли цели, и мы тоже внесли свой вклад.

17 августа 1957 г.

13-го и 14-го погода была ничем не примечательная, ветер был средней силы. 14-го мы собрались отпраздновать день рождения Картрайта. Как и для всех других работников нашего отряда, имелось в виду провести все

в помещении отряда. Для разнообразия решили сделать некоторое подобие американского способа – заказали торт с 48-ю свечами вокруг него, по количеству лет именинника. В этот день должен был состояться разговор с Литл Америкой. Он был назначен на 17 часов местного времени. Незадолго перед этим ветер начал вытворять непонятные вещи: вдруг появился северный ветер, который за нашу бытность здесь был только один раз, при этом он был слабым. Но вскоре он принял нормальное юго-западное направление и начал ощутительно усиливаться. Запустили анемограф Суражского. Усиления стали чаще и значительнее. Но к 17 часам скорость была не больше 20 м/сек, и мы с Картрайтом пошли на рацию. Видимость практически отсутствовала, и лишь временами она улучшалась. Дело в том, что все эти фокусы с ветром сопровождалось увеличением облачности до сплошной, началом сильного поземка, переходящего в низовую метель, а вскоре начались снегопад и общая метель. После нашего прихода на рацию ветер вскоре вновь начал усиливаться. Все кругом загудело, здание начало трясти так, что с полок посыпались книжки. Спросил по телефону метеостанцию, распорядился почаще записывать анемографом, но и без моего напоминания там все были озабочены. Вскоре выяснилось, что чем-то тяжелым стукнуло домик, стоящий на метеоплощадке, и слегка повредило его. Оказалось, что это была бочка, невесть откуда принесенная, (Вася Шляхов сказал, что, наверное, ее с Пионерской прикатило) и какие-то сани, оказавшиеся стремянкой от самолета ИЛ-12. Через некоторое время поступили сведения о том, что ветер начал разрушать нашу башню. Западная ее сторона была обшита только одним слоем картонной плиты, причем, с внутренней стороны. С этого направления ветра почти не бывает, и мы были несколько успокоены и ждали, пока нанесет побольше снега у башни, чтобы было легче добраться к верху башни и зашить ее. Но мы просчитались. Одним из порывов ветра был вырван сначала один щит, потом следующий, а затем начало рвать занавесы, и вырвало оба полотнища. Верхняя половина башни стала свободно продуваемой, и выпуск зондов стал невозможен. Наши аэрологи мужественно пытались как-нибудь выпустить зонд, но оболочки разрывало, и ничего не получалось. Слышимость Литл Америки резко ухудшилась, и разговоры с ней пришлось прекратить. По стрелочному индукционному анемометру максимальный ветер был до 49 м/с. На станцию беспрерывно сыпались телефонные звонки. По трансляции с радиостанции я сообщил всем об этом и попросил не звонить на метео, т.к. мы решили время от времени извещать по трансляции о ходе событий. Последовал приказ – никому не выходить из тех помещений, где люди находились в данный момент, и даже в кают-компанию на ужин было запрещено ходить, о чем также было сказано по трансляции. Пытавшиеся было несколько человек до этого приказа выйти из помещений получили ушибы. Итак, мы остались отрезанными от своего дома.

Об именинах уже речи не было. Похоже было, что придется ночевать у связистов. Делать нечего, собрали кое-какую снедь и сделали легкий ужин, пропустив по рюмке «аэро-виски», т.е. спирта, за здоровье именинника. Тем временем у нас на станции все было подготовлено к именинам, но не было ни гостей, ни самого именинника. Мы посоветовали товарищам принять по маленькой и отложить празднование. Через некоторое время ветер несколько ослабел, и на рацию пробрался Г. И. Матвейчук, начальник базы поселка Мирный. Мы тоже решили идти домой, но нам было предложено, чтобы нас встречали несколько товарищей с метео. После некоторого телефонного совещания к нам вышли Евсеев* и Мамонтов*, но они решили идти прямо на рацию, а не встречаться с нами на полпути. Дошли они вполне благополучно. На обратном пути нас было уже четверо, и мы сначала прошли до кают-компании, там прихватили дежурившего по камбузу Рыбакова и уже впятером двинулись дальше. Шли мы, крепко сцепившись руками, на десяти ногах. Мотало нас довольно чувствительно, но все же ветер в это время был не наибольшим. Иной раз, даже при таком способе хождения, то одного, то другого сбивало с ног, преимущественно крайних, но все крепко держались. Только уже у самого дома пришлось разорваться на две группки, и нас с Рыбаковым свалило и потащило, но здесь уже было не опасно – выкарабкались, и все благополучно ввалились через вышку на крыше в дом. На радостях решили продолжать именины по сокращенному варианту. Выпили, закусили, даже поплясали под «буги-вуги» картрайтовского проигрывателя.

На следующий день ветровая баталия еще продолжалась. С утра ветер был еще сильным. Как оказалось потом после обработки анемограммы, между шестью и семью часами был наибольший порыв ветра в 51 м/сек. В девять часов к нам пришли начальник связи Д. П. Аралов и начальник электрохозяйства С. Ф. Платов. До нас они дошли кое-как, а дальше не смогли пробраться. Им нужно было идти к передающей станции, вблизи которой произошла авария – все электролинии и линии связи, проходившие по кабелям, лежавшим неглубоко под снегом, были нарушены, и передающая станция была без тока и без телефонной связи. Семен Семенович кое-как прошел до кают-компании и принимал там меры, чтобы получить плотников для ремонта башни, ибо уже три срока зонды не выпускались. Это был первый срыв зондирования в нашей работе. Два плотника и Семен Семенович с большим трудом связали несколько листов картонной плиты и при ветре в 30–35 м/сек потащили и притащили их к вышке, где немедленно начались ремонтные работы. Одновременно мы приступили к пошиву новых полотнищ занавеса взамен сорванного и разорванного ураганом. К дневному сроку зондирования башня была частично исправлена, и зондирование возобновилось. Часов в 10 выяснилось, что больше всех пострадала авиация. Два самолета ЛИ-2 были сорваны со стоянки (это значит, что были разорваны

стальные тросы крепления самолетов), и их поволокло. Один самолет пронесло метров 250 до скалы, на которой стоит передающая станция, уперло хвостом в скалу, и в этом было его спасение. Другой же самолет понесло дальше мимо передающей (по пути самолет и порвал кабели), а дальше его понесло к ледяному барьеру в сторону моря. По пути попались железные сани-волокуши. Зацепившись за них, левая нога сломалась, самолет лег на левое крыло и сломал консоль – конечную его часть. Его поволокло и дальше, но, видимо, у природы тоже есть элементы совести: в нескольких метрах от обрыва самолет остановился, буквально в последнюю минуту. Падение с обрыва на ледяной морской припай с высоты в 12–15 метров стоило бы ему жизни. Конечно, оба самолета не только путешествовали пешком, подгоняемые ветром, но и летели, так как ветра в 120–150 и даже 180 км/час было достаточно, чтобы эти машины самостоятельно взлетали при порывах. На следующий день вышка была уже полностью отремонтирована, а самолеты водворены на место, и техсостав авиаотряда приступил к ремонту.

26 августа 1957 г.

Так как событий последнего времени было немало, то придется описать их кратко. 16-го был продолжен день рождения Картрайта. Дело в том, что ему был испечен еще к 14 августа большой торт, и не употребить его было нельзя. Кроме того, запас «горючего» был еще не полностью израсходован, и приглашенные гости не отведали ничего. Пока шли последние приготовления, я отвлек Картрайта, а тем временем был установлен торт и зажжены 48 свечей, по количеству стукнувших юбиляру лет. Он, конечно, обалдел, увидев все это, и надо сказать, что зрелище было эффектным. Торт, изображавший часть глобуса с Антарктидой в центре и кусочками Южной Америки, Африки и Австралии, вокруг которого светилось 48 огней, был великолепен. На нем была надпись «Happy birthday!» с цифрой 48 на Антарктиде. Диаметр торта 40 см. Вечер прошел очень весело. Этот месяц у нас богат именинниками. 23-го справили именины Н. В. Мамонтова и С. А. Смирнова. Первому стукнуло 28 днем раньше, а второму должно стукнуть 39 только 29-го, но он вот-вот улетит в Оазис, и мы не хотели отпускать его, не отметив дня рождения. В промежутке между празднованиями наш отряд вновь добывал лед для стирки в прачечной и для камбуза. Операция довольно оригинальная. Вначале с помощью электропилы, которой лесорубы пилят лес (наверное, они теперь называются лесопилы), во льду пропиливаются длинные полосы и грузятся на сани-волокуши. Для камбуза лед сваливается через люк в специальное помещение, примыкающее к камбузу, а для бани и прачечной – с помощью подъемника заваливается в котлы, где он растапливается. Работа эта не из легких, но все же довольно

эффективная, особенно, когда исправлен компрессор и можно пользоваться отбойным молотком. Иначе приходится работать просто ломиком, и это гораздо труднее.

К нам собираются австралийцы. Они летят с Моусона на их станцию Дейвис, которая находится на полпути к нам, и они выразили желание посетить нас. Но погода не очень способствует этому. Один раз они уже возвращались с Дейвиса обратно в Моусон. А теперь уже третьи сутки сидят вновь в Дейвисе и «ждут погоды». Погодка же образовалась весьма пикантной. Сейчас происходит мощный вынос тепла на континент, и одновременно на Земле Адели усилился гребень высокого давления. Подошедший к нам циклон не может уйти дальше на восток, и его тепло еще активнее забрасывается на континент, в том числе и к нам. Вчера возле нас болтался антарктический фронт и посыпал нас снегом. Вечером мы «обещали» австралийцам сохранение плохой погоды и, к сожалению, не ошиблись. Хотя сегодня утром погода провокационно улучшилась, вскоре она вновь стала «правильной», и весь день идет снег, метет метель.

11 сентября 1957 г.

Прошел, кажется, рекордный период, в течение которого я не прикасался к дневнику. Событий произошло за это время также немало, и мне придется наверстать упущенное. 1-го сентября мы вновь обменялись с «оазисянами» работниками. Туда вновь улетел С. А. Смирнов, а оттуда прилетел С. В. Виноградов. Он проделал большую работу: ввел в строй давно молчавшего там Суражского (анемограф Суражского), привел в порядок все метеорологическое оборудование и на деле показал, что один работник вполне может справиться со всем объемом метеорологической и актинометрической работы. Он даже привез оттуда полностью обработанные книжки наблюдений и составленные таблицы. Все эти дни, начиная с 28 августа, держится «гухор», т.е. непрохождение радиоволн. Мы почти не имеем данных на картах и еле-еле поддерживаем связь с Москвой. Связи с нашими станциями почти не имеем. А она нужна не только в обычных целях: крайне необходимо лететь на Восток-1, где у аэрологов намечается прорыв из-за того, что подходят к концу химикаты, нужны оболочки. Кроме того, решено провести разведку района Комсомольской и, возможно, дальше. Когда нечаянно сводки погоды прорвались с Востока-1 к нам, и там оказалась хорошая погода, у нас она испортилась вновь, и полет не мог состояться. А потом и там вновь ухудшилась погода по обычному варианту, когда восточнее нас начинает стационаривать циклон, и тепло забрасывает на континент. 3-го сентября у нас была хорошая погода, но сообщить об этом на Дейвис мы не могли, хотя все эти дни прогнозы составлялись регулярно и передавались на рацию два раза

в сутки – связи не было, «гухор» продолжался. 4-го ясная погода сохранялась в районе Мирного, и был проведен очередной полет на остров Дригальского, куда уже не раз летали наши гляциологи. Мы тоже решили поработать там. Остров Дригальского – это, собственно, не остров, а огромный айсберг, севший на банку и остающийся там долгое время. Его открыла экспедиция Дригальского 1902–1903 гг. Находится остров в 100 км от Мирного, и нам интересно знать, насколько там условия отличаются от того, что мы наблюдаем на континенте. Туда полетели Ю. С. Чернов и И. А. Попов. Они провели метеорологические и шаропилотные наблюдения. Так как у нас не было сжатого газа, на самолет АН-2 были взяты 4 наполненных оболочки № 30. Их накрыли старыми радиозондовыми оболочками и в таком виде уложили в самолете. На острове было выпущено три шара-пилота. Третий шар был выпущен в 16 часов местного времени. Одновременно с выпусками на острове были выпуски и в Мирном. Последний пилот наблюдали Зиборов и я.

В 16 час. 25 мин. над Мирным показалась красная небольшая машина. Я было подумал, что это наш АН-2, который улетел на остров, но вскоре заметил, что это моноплан, в отличие от «Аннушки», которая имеет две плоскости. Это были австралийцы. Через несколько минут на наш аэродром приземлился небольшой самолет «Бивер», изготовленный канадской фирмой Де-Хевиленд. К нам прилетели начальник австралийской антарктической экспедиции д-р Кит Мазер и его два спутника – геофизик-сейсмолог Джим Гудспит и пилот Питер Клеменс. Пробыли они в Мирном до 10-го сентября, хотя хотели пробыть только пару дней. Погода есть погода, особенно в Антарктиде. За эти дни наши гости побывали во всех наших подразделениях, все посмотрели, со всеми поговорили. Много времени они проводили у нас в отряде. Началось их посещение с общего показа и рассказа всего по порядку, и они остались всем довольны. Закончился этот визит распитием пары бутылок чудесного портвейна, после чего все пошли ужинать. В последующие дни они бывали у нас ежедневно, то по вопросам погоды, то по разным другим вопросам – смотрели и фотографировали выпуск зондов с башни и многое другое. В первый день их посещения отряда зонд выпускал Н. М. Зиборов. К этому времени мы обзавелись еще одним усовершенствованием – к вышке пристроили балкон. Сделал его, конечно, А. И. Лукошин, наш неизменный строитель и чинитель всего, что под руку попадет. Ему помогали то один, то другой, но он всегда – душа таких работ. Вот с этой вышки и выпускали зонд. И... как водится в таких случаях, произошла заминка. Николай Митрофанович, этот мастер выпусков с башни (он всегда имеет свои приспособления и еще больше новых предложений о всяких усовершенствованиях) ступешался и задержал зонд в руках на какую-то долю секунды, шар стремительно ушел вперед и лег, задержанный зондом. Зонд, когда его все же отпустили, чиркнул по снегу и был таков. Явный казус. Но всем было

очевидно, что тут была простая оплошность. Я шутя сказал гостям, что это нарочно было показано, как разбиваются зонды, и все завершилось общим смехом. Повторный зонд они уже не смотрели, а на следующий день пришли снимать кинокамерой дневной выпуск, но он прошел настолько стремительно, что не успели заснять – аппарат отказал. Зато на третий день все прошло хорошо – и у нас, и у них.

Я получил письмо и подарок от их главного метеоролога Фрэнка Хэннана. В подарке, состоящем из сигарет, спичек и фото, была также маленькая бутылочка американского коньяка. Мы в свою очередь тоже соорудили посылочку, вложив туда фотографии, папиросы и бутылку «Столичной». Кроме того, послали два радиозонда с подписями всех членов отряда на кожане – один для Мазера, а второй для Хэннана. Перед отлетом наш ансамбль «Сосулька» дал концерт в честь гостей. Все прошло очень хорошо, непринужденно. После концерта австралийцы пришли к нам на метео смотреть погоду, и здесь совершенно запросто пошла обычная для этих дней беседа. Я забыл указать, что с ними разговор велся на английском языке, причем переводчиками были наш работник Чернышов* и Картрайт, а я кроме того все время сам говорил, хотя и врал безбожно, но все же они меня понимали; я даже изображал переводчика во время киносеансов, и тоже кое-что получалось. Потом наши попросили их спеть австралийские песни, я принес домру, и дело пошло. Сначала пели они, потом мы, а потом вместе, и все разошлись за полночь, довольные собой и друг другом. Когда в этот вечер они уходили от нас, Мазер сказал, что им нравится то, что на метеостанцию они приходили часто, и не только по метеопричинам, но просто как к новым друзьям.

10-го гости улетели, хотя в Мирном погода была довольно сложная. Но они были хорошо информированы о том, что их ждет в пути, и смело решили лететь. Четыре часа мы следили за их полетом, и когда они, пролетев весь маршрут от Мирного до Дейвиса над облаками, уже в самом конце маршрута увидели землю и пошли на посадку, они с воздуха прислали особый привет «тем двум прогнозистам – Картрайту и маэстро Оскару». Я думал, что «маэстро» относится к моему участию в «Сосульке», но Картрайт говорит, что это относится к мастерству в прогнозах. Что ж, старались!

Сейчас у нас в Мирном две большие задачи. Нужно завтра или послезавтра отправить первый рекогносцировочный поезд на сотый километр с грузом горючего для предстоящего в ближайшее время выхода на Комсомольскую и, возможно, на настоящий Восток. Вторая задача состоит в том, чтобы при первой же погоде отправить самолет ИЛ-12 на Восток-1 и далее на Комсомольскую и еще далее для заброски с воздуха необходимых грузов (полет будет без посадки) и для разведки района Комсомольской–Востока. В этом полете я должен также принять участие. Забыл отметить, что 8-го сентября был повторен полет на остров Дригальского. От нас летал А. И. Лукошин.

Но погода была облачной, и шары-пилоты не были высокими. Сегодня произошел забавный случай: радиозонд, выпущенный Н. Н. Алтаем, зацепил вертушкой шнурок перочинного ножа, вытащил его из кармана штанов и улетел вместе с ножом. Это первый нож, побывавший в стратосфере на радиозонде.

Начиная с вечера после последнего концерта «Сосульки» (9.09.57), в кают-компании ежевечерне идет производство пельменей для тракторных походов. Нужно сделать 10 000 штук!

20 сентября 1957 г.

Сразу после отлета австралийцев погода испортилась. А вместе с этим пришло тревожное известие с Востока-1: заболел Кильдяшев. У него все признаки острого аппендицита, а оперировать на месте не слишком удобно. Кроме того, Н. С. Беляев*, который после очень удачной операции радиста А. А. Максимова подтвердил на деле свое мастерство, находится в Мирном, а врач И. И. Тихомиров, находящийся на Востоке-1, хотя тоже опытный и в этих делах, но все же моложе и не специалист-хирург. Решено было вывозить Кильдяшева в Мирный, но погода не позволяла. 12-го сентября в Мирном погода немного улучшилась, и тройка тягачей вышла в поход на 150-й километр. 13-го погода улучшилась и на Востоке-1, и два самолета собрались в полет: ЛИ-2 с посадкой, чтобы забрать Кильдяшева, и ИЛ-12 без посадки (эта машина на колесах и садиться на снег не может) для разведки и сброса разного груза, главным образом аэрологического. Но вся беда была в том, что сведений о погоде на Востоке-1 мы не имели, так как связь отсутствовала – было непрохождение радиоволн, и мы просто по синоптической обстановке предполагали, что погода там улучшилась. Решили выпускать пока одну машину ИЛ-12 и снабдили ее также медицинским грузом, чтобы сбросить его с парашютом на случай, если Тихомирову придется-таки делать операцию. Полетели без связи. Кроме экипажа, в этом полете участвовали А. Ф. Трешников, П. А. Шумский и я. Связь необходима не только для того, чтобы знать погоду, но и для того, чтобы самолет мог найти пункт назначения. В Антарктике, да и в других местах, где наземных ориентиров нет, полет без радиосвязи очень труден. Действительно, штурман Т. М. Палиевский, пользуясь астроориентировкой, вывел самолет в район Пионерской, но самой Пионерской мы долго не могли найти. Больше часа мы кружили в этом районе пока не поймали рацию Пионерской и, став на ее радиопривод, через несколько минут вышли на станцию. И только тогда, когда станция была почти под нами, мы ее увидели. Занесенная снегом, она почти не видна в однообразной белой пустыне. Сбросили два парашютных места на Пионерскую и пошли дальше. Наш самолет имеет большой запас горючего

и может позволить себе такую роскошь – летать больше часа в поисках станции, но ЛИ-2, если бы ему пришлось делать такой эксперимент, не смог бы лететь дальше, так как горючего на весь полет у него уже не хватило бы. К тому же в Мирном погода была под угрозой, и на самолет к нам пришла радиограмма с Мирного (с мощным передатчиком Мирного мы связь держали без перерыва) о том, что там ждут быстрого ухудшения погоды. Командир авиаотряда П. П. Москаленко, который вел наш ИЛ-12, запретил вылет ЛИ-2. Возможность же нашего дальнейшего полета на Восток-1 мы определили, запросив сведения о погоде в Мирном, после того, как я увидел, что ухудшение пока что идет не очень быстро. Полетели дальше. С Востоком-1 быстро установили связь и без хлопот долетели туда. Сбросили весь груз, узнали, что боли у Кильдяшева уменьшились, и пошли обратно. Дело в том, что на Востоке-1 израсходовался весь едкий натр, необходимый для добывания водорода, а 18-го предстояло начало десятидневного международного аэрологического интервала. Так что, получив от нас в числе сброшенного груза и эти химикаты, станция могла продолжать работать без перерыва и, главное, не сорвать работу в ответственный период. На Комсомольскую и далее, как это планировалось, мы уже не полетели и пошли обратно. По пути туда и обратно вели разные наблюдения – я по метеочасти, а Шумский – за состоянием поверхности. Прилетели нормально, и в этот вечер погода крепко испортилась. На следующий день узнали, что операция Кильдяшеву уже не нужна: произошел аппендикулярный абсцесс – отросток сам отвалился и теперь находится в ткани, где может рассосаться. Теперь он уже чувствует себя лучше в результате применения сильных средств, но не транспортабелен. Вчера туда слетал ЛИ-2 Бориса Минькова и отвез А. И. Лукошина, заменившего недостающего аэролога, а за Кильдяшевым слетают в другой раз. Интересным событием этих дней, к счастью окончившимся благополучно, было падение одного вездехода на морской лед. Во время сильного поземка этот вездеход подъехал к метеостанции, выгрузил осветительную аппаратуру нашего кинооператора и поехал на передающую радиостанцию. И хотя водитель и пассажир хорошо знали местность, как-то взяли не то направление, и, увидя вдруг островок, приняли его за сопку передающей станции и взяли курс на него, но вдруг провалились и очутились под обрывом. Хорошо, что под обрывом был большой надув снега, и они угодили в снег. Оттуда они сравнительно легко выбрались, применив веревки и лопаты. Только 19-го, когда погода улучшилась, можно было разглядеть место происшествия. Незадачливым путешественникам повезло. В каких-нибудь 10 метрах обрыв был более опасным. Там они летели бы вниз с высоты 15 метров... Сегодня вездеход был вытасчен двумя тягачами после того, как было сделано несколько взрывов, и обрушившийся обрыв стал более удобным для такой работы.

13 октября 1957 г.

Вот теперь, действительно, рекорд длительности неписания дневника. Причин много. Во-первых, мне казалось, что продолжительное время ничего особенного не происходило, хотя вспоминая теперь, могу сказать, что это был большой период почти непрерывной пурги. Циклоны торчали здесь, не уходя далеко, и мело у нас день и ночь. Снега в этом году гораздо больше, чем в прошлом, и все основательно занесено. Плохо только то, что мы все-таки толком не знаем, сколько выпадает снега. Измерение осадков здесь очень сложно, так как никогда не известно, сколько выпало сверху, а сколько надуло поземком. Осадки идут только при ветре, и можно по пальцам пересчитать те дни, когда снег выпадал при слабом ветре. На нашей, например, площадке снега вообще нет (как ни странно это звучит для Антарктиды). Его полностью сдувает ветер, и вблизи снегомерных реек, расположенных на площадке, снега почти нет. Выходом из положения, хотя и далеко не наиболее удачным, является организация гляциологами измерений на большом участке, причем кроме множества установленных там реек, между шестью натянуты тросы, и проводятся измерения высоты положения троса в различных точках над поверхностью снега. Таким образом, измерение проводится не так, как обычно, снизу вверх, а наоборот, сверху вниз. Мы установили три рейки на припае, так как думали, что если снег сдувает с материка, то он должен быть на припае, но при этом следовало это делать километров за 15–20 от берега, где уже нет стоковых ветров. На нашем припайном участке снег ложится очень неравномерно, причем со временем у одних реек высота снежного покрова нарастает, а у других в то же время уменьшается.

29-го сентября у нас был второй ураган из числа таких, которые не только задували (таких было уже немало), но и причиняли ущерб. На этот раз ветер достигал 50 м/с и, возможно, несколько более. Поврежденными оказались также два самолета. На этот раз пострадали АН-2 и ЛИ-2. «Аннушке» досталось очень крепко – сломаны все крылья, а ЛИ-2 отделался только поломкой консоли (конечной части) одной из плоскостей. Кстати, ЛИ-2 – это один из тех самолетов, которому досталось при первом катастрофическом урагане 14–15 августа. Может быть, он, как опытный в таких делах, уже научился больше терпеть. Наша башня на этот раз выдержала, и для нас все закончилось благополучно. Авиаторы довольно хорошо справляются с потерями – ЛИ-2 уже летает, а «Аннушке» нужно еще лечиться.

29 октября 1957 г.

Чем дальше, тем насыщенней проходит наша жизнь – сказывается скорый финал, и работы становится все больше и больше. А я, как наименее

серьезный человек во всей экспедиции, кроме своих дел по отряду отвлекаюсь на «Сосульку» и совсем испортился, ежедневно ложусь во втором часу ночи, когда уже больше не могу тратить время на дневник.

Итак, даю краткую хронологию: 8-го октября вышел наш весенний санно-тракторный поезд, направляющийся на открытие станции Восток. На второй же день погода резко испортилась, и поезд стоял целую неделю в ожидании улучшения погоды. Потом он двинулся на Пионерскую и там тоже стоял не меньше недели. При первой же остановке он, кроме того, ремонтировался, а на Пионерской также ремонтировался и ожидал дополнительной доставки дизельного горючего. Сегодня он уже на подходе к станции Восток-1. Вскоре после выхода из Пионерской ему пришлось бросить один из тягачей, который оказался наиболее слабым и то и дело портился. Но это не такая уж большая беда. На войне не без потерь, а наши тягачи довольно крепко износились уже, и проведенный в Мирном ремонт все же был неплохим, если они уже почти добрались до Востока-1. Нет никакого сомнения, что станцию Восток мы откроем.

6-го октября была хорошая солнечная погода, и Семен Семенович решил начать закаливание «прямыми солнечными лучами». Разделся до плавок и в таком виде разгуливал на солнышке. А потом надумал идти на обед. И пошел. В плавках и ботиках «прощай молодость». Правда, в кают-компанию его не пустили, и ему пришлось идти домой одеваться. Пришел снова и говорит: «Пожалуйста, раз говорят нельзя, я могу одеться».

Некоторое время назад в поселке появилось несколько пингвинят, которых взяли на воспитание электрики и плотники. Еще ранее двух пингвинят завели себе транспортники. 13-го октября Введенский и Беляев поехали на вездеходе к пингвиньим айсбергам и привезли кучу мерзлых малышей для какого-то института на чучела и несколько живых малышей. Я тоже захватил себе двух императорских пингвинят. Один побольше, другой поменьше. В первые два дня они практически голодали. Сами ничего не берут – они привыкли к кормежке пингвинихи, которая отрыгивает им что-то прямо в рот. Конечно, мы тоже могли бы делать так, но это потребовало бы большого количества спиртного. Приходилось силой раскрывать им рот, то бишь клюв, и вталкивать кусочек рыбы. На третий день малыш начал хватать из рук. И вообще он начал проявлять бойкость, за что его назвали Прохиндей или сокращенно Прошка. Старший пингвин лишь сутки спустя начал хватать пищу из рук. Этот пингвин более изящный, чем смешной коротыш Прошка, и его условно решили считать пингвинихой, назвав Орберозой. Пингвинам посвящу специальное описание.

26-го и 27-го проводились специальные полеты самолета ЛИ-2 Н470 по метеопрограмме. В первый день летали В. Шляхов, А. Круковский и гидролог Н. Шестериков, которого мы пригласили, поскольку часть полета должна

была проводиться над морем. Во второй день летали снова Шляхов и Круковский, и третьим я. 26-го была прекрасная безоблачная «актинометрическая» погода. Они полетели сначала на Пионерскую, а затем, сделав над нею зондаж, пошли обратно на Мирный, сделав зондаж также на середине пути. От Мирного направились на Западный шельф и там над ровной поверхностью припая провели специальную программу актинометрических наблюдений по теме изучения поглощения различными слоями воздуха. При первых двух зондажах тоже проводились актинометрические наблюдения наряду с обычными аэрологическими. Во втором полете, 27-го октября, континентальная часть программы была такой же, но выйдя на Мирный, мы пошли прямо на север и шли более часа (около 300 км), пока не влезли в хорошо выраженный атмосферный фронт. Облачность от самого Мирного уже быстро увеличивалась; сначала она была высокослоистой, а за островом Дригальского стала снижаться и скоро стала слоистодождевой, причем лежала на самой поверхности моря в виде тумана. В этих облаках мы сделали зондаж до 4000 м и так и не смогли пробить облаков. Облачность была довольно редкой, и море просматривалось еще с высоты около 2,5 км. В нижних слоях был слабенький дождь, а с высоты 3000 м появились кристаллики. Все время брались пробы, и мы сделали несколько снимков, по которым видна микрофизическая структура облаков. Несмотря на отрицательные температуры, никакого обледенения не было, что опять подтверждает малую плотность облаков. Когда мы вернулись в Мирный, здесь тоже облачность увеличилась, а ночью этот фронт, который был связан с новым циклоном, двигавшимся с запада, придя на ледяной припай и континент, войдя в соприкосновение с более холодным континентальным воздухом, обострился и показал себя во всей красе. Ночью началась метель. Она продолжалась весь день 28-го и вот сегодня еще не прекращается, а ветер сегодня был до 36 м/сек. Но об этом позже.

В воскресенье 27-го были разговорчики наших родственников с нами по радио. Опять слушал моих. Блаженные минуты! Записал магнитофоном с трансляционной линии и слушаю, слушаю без конца. Сегодня день проходит в беспокойствах, связанных с пургой. Утром выпустили четыре зонда, днем – два. Возле аэрологического павильона накануне пурги выбрали снег, чтобы можно было вывезти из газогенераторной шлак, но теперь увеличился котлован перед вышкой, и при сильном ветре стали больше завихрения. Поэтому шар, вылетая из вышки, сильно треплется, рвется, или зонд хлопается оземь. В 9 часов обнаружилось, что геофизик Миша Пудовкин, самый миниатюрный зимовщик и, видимо, самый молодой, который еще в 8 часов вышел, направляясь в кают-компанию, где он должен был быть дежурным по мойке посуды, не пришел на место и домой тоже не возвратился. Ясно, что заблудился. А заблудиться сегодня не трудно. Буквально в двух-

трех шагах ничего не видно, и ветер сбивает с ног. Были созданы три партии, которые пошли на поиски, обвязавшись веревками и прочесывая выделенные им участки. Поиски не увенчались успехом, но сам Пудовкин через два часа после своего исчезновения явился на ионосферную станцию, откуда он выходил. Оказался он на аэродроме, и, случайно обнаружив какой-то признак, с трудом добрался домой. Он возвратился перед тем, как должна была выйти еще одна, четвертая партия от нашего отряда. Между прочим, мы так и решили искать его на аэродроме, хотя это в известной мере против ветра. Ничего удивительного в этом нет, так как, борясь с ветром и опасаясь, что он снесет тебя в сторону, стремишься забирать в сторону ветра. Во время поисков несколько раз по радио передавались призывы сообщить местонахождение пропавшего, если он забрел куда-нибудь. Во время обеда, когда передавались последние известия, вдруг начали передавать объявление: пропал сварщик Вася Баранец. Это было уже посерьезней – с утра он ушел на работу в мастерскую, и прошло несколько часов. Но вскоре все успокоилось – Вася оказался... в мастерской, т.е. там, где ему и надлежало быть. Он просто работал в одном из помещений мастерской и не отвечал на звонки телефона, который находится в другом помещении. Так проходит этот день чудесных обманов. Но он еще не окончен. Посмотрим, что будет дальше. А пока сделаю две вставки. Несколько дней назад вместе с Шумским и другими гляциологами в Оазис летал Картрайт. Они летали по ледникам и вернулись с богатыми впечатлениями. Между прочим, Пашенко заставил их всех сразу включиться в дежурства по камбузу, таскать баллоны с газом и выполнять другую хозяйственную работу. Экипаж самолета прилетел очень возмущенным. Мы встретили Картрайта, как и всех наших командированных, когда они возвращаются: с оркестром (труба – Горев и таз в качестве барабана, на этот раз барабанил Круковский), Семен Семенович, как всегда, рапортовал о том, что у нас все в порядке, гальюны вычищены. Гордон был в восторге.

Все последние дни, когда держалась хорошая погода, наши летчики совершили кучу полетов на Пионерскую и Восток-1 и завезли туда порядком горючего для поезда. 27-го на Восток-1 вылетели также Введенский и кинооператор Николай Шмаков. Мы вылетели на другой машине вскоре после них. С воздуха мы послали на самолет Н501, на котором летела эта корреспондентско-операторская группа, радиogramму, которую я написал в таком виде:

Борт Н501 Введенскому Шмакову
 Летим за вами мы вослед, Догнать лишь может наш привет
 Но вас догнать нельзя никак, Организаторы побед –
 Мурлыка Кот и Коля Шмак.
 Население Н470
 (Котом Мурлыкой мы, шутя, называем толстячка Толю Введенского).

Вскоре в воздухе же получили следующий ответ:
 Мы рады были получить привет издалека,
 За что спешим благодарить Тишуню, Кричака,
 Ваш самолета экипаж,
 Ему привет ответный наш. До новых встреч. Пока!
 Н501

(Тишуня – это Тихон Михайлович Палиевский, наш главштурман, которого так называет жена при радиопередачах родственников). Введенский, конечно, не мог ответить иначе, чем такой же пятистрочной строфой, какую выдали им мы. Наш самолет вел Петр Павлович Москаленко, командир авиаотряда. Я уже не раз летал с ним. Здесь все пилоты прекрасные, большие мастера своего дела. Но должен сказать, что Москаленко – пилот высшего класса. Нам нужно было несколько раз лететь бреющим полетом, чтобы схватить почти «приземную» точку. Он делал это изумительно! Мы летели вниз вдоль склона ледника так, как будто мчались на автомашине. Незабываемый полет. Ну вот, я, кажется, восполнил зиявший пробел моего дневника. Теперь буду писать очень коротко, так как дел по горло, и в том числе такие несерьезные дела, как подготовка к октябрьским торжествам. Для кораблей, которые уже в пути («Обь» идет уже в Южном полушарии, а «Кооперация» должна была вчера выйти), мы дадим по радио специальные концерты, записанные на пленку. В частности, «Сосулька» исполнит восемь моих вещиц – одна была написана еще на «Кооперации» на слова Сергея Смирнова, другая – на слова нашего буфетчика Ивана Бородачева, а шесть – на слова Анатолия Введенского. Для завершения ранее начатого разговора: В. К. Кильдяшев уже две недели находится в Мирном. Завтра его отпустят из санчасти, так сказать «выписывают» как выздоровевшего. На Востоке-1 вместо него работает Александр Иванович Лукошин. В последнюю минуту по трансляции сообщили, что сегодня в 19 часов московского времени санно-тракторный поезд «Весна» прибыл на станцию Восток-1, а оставленный ими на подходе тягач № 6 отремонтирован и идет по следу. Прекрасно!

2 ноября 1957 г.

Продолжается аврал на бочках. Сегодня принял участие в этой операции. Работа нормальная. Будь я побольше на такой работке, во мне было бы куда больше изящества. Но человек по природе лентяй и все думает, как бы ему свалить работу на других. С этой целью мы, например, используем технику. Стали вырывать бочки трактором, зацепляя их тросом. Получается веселее. Особенно после того, как мы применили новаторские методы и стали цеплять

сразу по несколько бочек. После обеда авралили у себя в отряде, продолжая откапывать химикаты. На ледовую разведку также полетели наши товарищи. С Востока-1 прилетели Матвейчук, который проводил там инвентаризацию, и врач Тихомиров (этот на пару дней). Привезли рапорта всей нашей тройки (Тетерин, Евстифеев и Лукошин), которая просится в Мирный с момента, когда их станция будет перебазироваться на свое более постоянное место. Первые два, конечно, немало устали, а Лукошин уже с ними заодно. Будем сменять всех троих. Третий день, вернее, вечер идут репетиции «Сосульки». Нужно подготовить праздничный концерт для Мирного, а также записать его на пленку для передачи на станции и на наши суда.

3 ноября 1957 г.

Получил ответ Трёшникова с его согласием на наш полет для определения высоты Комсомольской, но тогда, когда начнут возить туда горючее, т.е. после прихода поезда. Послал ему свое неудовольствие. При поддержке Матвейчука решили все же завтра лететь для этой цели. По поводу отправки наших товарищей на Восток решили так: на Восток-1 полетят Николаев и Попов (или Давыдов), а Зиборов полетит на Комсомольскую. Пока Восток-1 будет перебазироваться на станцию Восток зондирование будет проводиться на Комсомольской Зиборовым, который после открытия Востока и начала там зондирования тоже перейдет туда. Отрадно, что все согласны ехать.

4 ноября 1957 г.

Сегодня утром пришла радиограмма Трёшникова, который просит при-слать самолет к его поезду, находящемуся на подступах к Комсомольской, помочь им выйти на Комсомольскую и попутно определить высоту станции. Полетели на ЛИ-2 Н470, оборудованном как летающая лаборатория нашего отряда. Пилотировал Москаленко, штурман – Палиевский. От нас – Круковский и я. Все прошло прекрасно. Еще на пути от Пионерской до Востока-1 мы уже видели следы тягачей, а после этого пункта следы были особенно четкими. Недаром с поезда сообщали, что снег здесь очень рыхлый, и гусеницы тягачей делали колею глубиной в 45 см. Подходя к поезду, послал Трёшникову радиограмму:

Поезд Трёшникову Всем
Успеху вашему мы рады
Привет от метеобригады Кричак Круковский

С поезда был получен ответ:

Привет всем нашим на борту
Ждем Комсомольской высоту.

Это, конечно, сочинение Введенского, который со Шмаковым (кинооператором) идет от Востока-1 вместе с поездом.

А вечером снова была «Сосулька».

5 ноября 1957 г.

Высота Комсомольской – 3540 метров над уровнем моря, т.е. на 250 метров выше Востока-1. Вчера мы после того, как долетели до поезда, стоявшего уже в 15 км от Комсомольской, полетели дальше и довольно быстро нашли заброшенную было зимой станцию. Она совсем не занесена снегом. Лишь с подветренной стороны есть небольшие надувы. Отчетливо видны тягачи, оставленные на станции. Слетали пару раз от поезда к станции и обратно и показали поезду дорогу. Они, кстати сказать, не слишком ошибались в направлении, но все же должны были отклониться от правильного направления на несколько километров. Будучи над Комсомольской, сделали четыре пролета на разных высотах для определения высоты станции и пошли домой. На пути от Пионерской до Мирного сделали подробный разрез нижнего слоя воздуха, проводя ряд снижающихся ступенек непосредственно над склоном ледника.

20 ноября 1957 г.

Теперь придется снова догонять своим дневником нашу насыщенную жизнь. Так как всего было много, то обо всем коротко. 6-го ноября – праздничный ужин. 7-го – днем митинг, вечером – торжественное собрание и концерт. «Сосулька» выдала всю свою программу, состоявшую из 17 номеров. Среди них, как ни странно, было семь моих вещиц на тексты наших поэтов. Восьмая штучка, идущая по антарктическому счету первой, т.к. была написана еще на «Кооперации» перед Новым годом, в этом концерте не давалась, а была включена в радиоконцерт для «Оби». 8-го – сабантуй у нас в отряде по поводу двух дней рожденья – моего и Ю. Чернова. Собственно, Чернову следовало ждать 27 ноября, но тогда будет действовать «сухой закон», и он решил присоединиться ко мне. Я даже был доволен, так как мог говорить, что нам двоим сегодня в среднем по 40 лет, и мы – ровесники Октября. Было очень весело, как, впрочем, бывает всегда в таких случаях. Погода в после-праздничный период нас не очень баловала. В Мирном она была более или менее приличной, за исключением короткого периода, но на станциях она крепко испортилась и до сих пор мешает наладить нормальные полеты.

Вот уже несколько дней в Мирном держится необычный ветер – западный. Это потому, что к югу от нас, т.е. на континенте, торчит циклон. Он и портит погоду. Как и следовало ожидать (хотя некоторые считали, что это

Оскар Григорьевичу
Кричак

от друзей и товарищей по зимовке
в день рождения.

Антарктида
Мирный

8 ноября 1957 г.

С. П. [Signature]
Н. З. [Signature]
А. [Signature]
В. [Signature]
К. [Signature]
А. [Signature]
Т. [Signature]

А. [Signature] Мамонтов
Т. [Signature] Жуков
К. [Signature] [Signature]
С. [Signature] [Signature]
М. [Signature] [Signature]
Т. [Signature] [Signature]

К. [Signature]
С. [Signature]
А. [Signature]
Т. [Signature]

Чтоб не поднимется рука
Поднять бокал за Кричак,
Когда мы знаем, что Оскар
У нас сегодня юбиляр.

Зимовцы нашей корифей
Погоды бог, "сосульки" жрец,
Прими наш общий дар скорей,
Усапый малочуя!

Нам очень хочется тебе
Такого пожелать,
Чтоб ты не смог потом ни где
Об этом забывать:

Счастливым бесконечно быть,
Веселым, как всегда,
До сотни лет легко дожить,
А больше - не беда!

И чтоб прогнозов длинный ряд
Безмерно точный был,
И чтоб твой свой большой отряд
Ты в сердце сохранил.

Еще один тебе наказ,
Достойный юбиляр:
Взглянув на книгу, вспомни нас,
Наи дорожей Оскар!

невозможно), циклоны на континент забираются и притом довольно нахально – держатся подолгу и посыпают снегом. 14-го – заседание Ученого Совета с докладом Семёна Семеновича Гайгерова «Некоторые результаты аэрологических исследований в Антарктиде» по материалам нашей экспедиции. Доклад, конечно, интересный, хотя много еще неясностей и недоговоренностей. Это очень легко понять, так как еще мало мы обобщили материалов наших многочисленных наблюдений. Труднее понять, почему докладчик так не любит замечаний. Но это, видимо, уже относится к личным качествам. 15-го – полет на ледовую разведку для «Оби», которая в этот день была уже в 700 км от Мирного. Наш отряд был представлен мною. Но сегодня на борту самолета было очень много народа – Мещерин, Введенский, Брегман, по одному представителю от гляциологов и геофизиков. Главный ледовый разведчик, как обычно, Н. П. Шестериков – гидролог. «Обь» нашли, указали ей ее координаты, так как она давно не видела светил и не могла точно определиться. Сбросили ей выпел с ледовой картой. Метеобратии я послал приветственную записку. Вымпел был сброшен точно на корабль, и они сразу его получили. Еще до встречи с «Обью» ей по радио было передано стихотворное приветствие, написанное тут же на борту Введенским. В конце была прибавлена специальная строфа, в которой проехали по поводу того, что они везут нам 300 кг (!!?!?) фруктов и овощей, кроме картошки. Все в экспедиции возмущены таким крохоборством. Конечно, еще привезет «Кооперация», но это будет не скоро. Особенно интересной была погода. В Мирном малооблачно, а по мере удаления в море погода портилась, и над ледовым поясом – низкая облачность с осадками. Осадки скорее ливневые, т.к. идут отдельными зонами, а в некоторых местах кучевая структура облаков была хорошо видна. 16-го на «Обь» была передана магнитофонная запись концерта «Сосульки». Только небольшая часть концерта была записана во время исполнения 7-го ноября, большую же часть пришлось записывать заново. С корабля пришли восторженные отзывы.

17-го «Обь» благополучно влезла именно в то поле десятибального льда, куда ей не рекомендовали идти, и протолкалась целый день. С помощью нашего самолета она сменила курс (после того, как выбралась обратно) и пошла так, как следует. 18-го ноября «Обь» пришла к припаю. В это же утро прилетел с Комсомольской Трёшников, и большая группа мирян полетела к кораблю. Прилетели туда рано утром, прображничали целый день и к вечеру вернулись. В тот же день получили несколько писем. А вот посылки нам еще не вручили, так как умудрились положить их в трюм, да поглубже; пока не разгрузят трюмов, их не достанут. Страшно остроумно сделано! Познакомился с новым американцем, прибывшим на смену Картрайту, – Мортон Рубиним. Это известный специалист по антарктическим делам, не раз бывал в Антарктиде и написал несколько работ на эти темы.

16 декабря 1957 г.

Я явно испортился. Совсем забросил дневник. Этому способствует по крайней мере два фактора. Первый – дел много, времени мало, второй – перемена расписания. Теперь, а это уже больше месяца, встаем на час раньше, ложимся на час позже из-за кино, а моя несерьезность в этом отношении известна: не пропускаю ни одного сеанса. Ну, а после кино уже поздно. Короче говоря, буду хотя бы восстанавливать свои короткие записи, которые делаю более или менее регулярно. 21.11. Целый день держится западное направление ветра. Это от того, что над континентом циклон, а мы на его северной периферии. Самолеты, которые полетели на континент, вернулись из-за обледенения. Был у меня Шумский и познакомился с некоторыми материалами, полученными из обобщения приземных и высотных карт. Его особенно порадовало то, что Антарктида, судя по всему этому, существует не бесцельно, а вносит нечто свое в жизнь атмосферы Земли. «Обь» привезла новые фильмы, и теперь кино ежедневно. Только не всегда бываешь доволен тем, что извел на кино пару часов. «Сосулька» нарасхват. Оазис прислал просьбу прислать для них запись концерта, данного для «Оби». Пришло письмо от ленинградских школьников, которые просят «Сосульку» в полном составе приехать к ним с концертом. Впервые мои пингвинята самовольно ушли на прогулку. Это значит, что они вышли из-за ящичной загородки (что, впрочем, они делали часто) и пошли гулять. Нашел их довольно далеко, причем они с удовольствием вернулись домой. 22.11. Наши работники Николаев, Мамонтов и Давыдов улетели на Восток-1, где они сменяют тройку отзимовавших наших товарищей. Рубин перебрался с корабля к нам и временно поселился на месте Мамонтова в одной комнате с другими нашими товарищами. Вечером состоялся очередной радиотелефонный разговор с Литл Америкой. 23.11. На партбюро обсуждали вопрос о порядке отъезда и решили, что лучше двумя рейсами, так как иначе на «Кооперации» будет ужасная теснотища, и этот рейс превратится в испытание. Погода резко ухудшилась. Предупреждение было дано своевременно, но от этого не стало легче. Начался разлом льда у «Оби», а часть груза находится на льду. 24.11. При разломе льда пошел на дно самолет АН-2 с привязанными к нему санями. Много вытащили обратно на борт, в том числе один тягач, сани с одеждой. Продолжают плавать на отдельных больших льдинах трактор, 16 саней, плоскости от самолетов.

25.11. Сегодня годовщина нашего отбытия из Калининграда. Получил радиограмму из дома, а накануне сам отправил. Помнят все-таки. Вот какие они у меня. Смотрели новые диапозитивы, которые привез Рубин. Это виды американских антарктических станций. Хорошие снимки и дают представление об их зимовках. На партсобрании приняли в партию Чернова. Разлом

льда у «Оби» привел к потере в общей сложности семи саней, самолета АН-2 и трактора. Остальное спасли. Главное, что никто не пострадал. 26.11. С Востока-1 прилетели Тетерин, Лукошин, Евстифеев. Традиционная встреча с музыкой, а вечером они притащили ящик вина, и все было, как бывало всегда в этих случаях – пили, пели, говорили... 27.11. Получил посылку. Все немногое, что там было, очень умиляет своей заботой, но главное, конечно, письма. А цветок (мой любимый гладиолус) такой естественный, что я поставил его в бутылку с водой и кое-кто попался на удочку. 29.11. Орбелоза вывихнула ногу, споткнувшись о радиозондовую оболочку, лежавшую на полу, и сильно хромотает. 30.11. Снова аврал. Похоже, что весь авиабензин, который «Лена» в прошлую навигацию выгрузила на остров Джонса, будет вывезен нами в Мирный. Это большое дело. Сейчас авиация летает только на этом авральном бензине.

03.12. Проведен пробный поход на 50-й км новыми тягачами с двумя санями каждый. Этот крутой подъем преодолен довольно легко с грузом в 45 тонн горючего, не считая 14 тонн веса самих саней. Этим походом руководил Трешников. Результат очень обнадеживающий. Начал массовую переписку пластинок Картрайта и многого другого на магнитофоне. 05.12. Трешников, Введенский и Шмаков вылетели на Комсомольскую для проведения последнего этапа Комсомольская–Восток. 06.12. Я полетел на Комсомольскую для ознакомления со станцией, наведения порядка в работе аэрологов и просто посмотреть внутиконтинентальные условия. Вначале у Зиборова что-то не ладилось с выпуском зондов, но с этим он справился сам, и с 28-го ноября там зонды «идут». Но сроки они приняли иные, и вообще какая-то неорганизованность получалась. Прилетел. Конечно, Комсомольская это не Мирный. Высота 3540 метров явно ощущается, особенно вновь прибывающими. Я тоже не избежал легкой головной боли, но, в общем, все шло нормально, даже спирт. Когда на следующий день я улетел, поезд был готов к дальнейшему походу. Весна у нас в полном разгаре. Снег становится мягким и тает. Правда, ручьев мы не видим, а просто снег оседает. Может быть, и хорошо, что пока еще мало прорыли водоотводных траншей, вода постепенно уходит в снег, и ее не видно.

15.12 пошли к императорским пингвинам, чтобы заснять их на новую пленку, которую я выцыганил у Картрайта. Если все будет хорошо, то будут цветные диапозитивы. Пингины уже ушли довольно далеко. Этот процесс происходит постепенно. По мере обживания ими какого-то участка припая он темнеет, и солнце здесь делает лужи воды. Пингины перемещаются на другое место и т.д. В общем, они перемещаются от нас на восток, видимо, к открытой воде у шельфового ледника Шеклтона. Малыши не могут успевать за взрослыми пингвинами и отстают, но малыши – очень разного возраста, и это, по-моему, определяет принцип разделения взрослых. У тех

пингинов, у которых ребята появились уже давно, видимо, исчезает потребность кормить их, и они с легким сердцем бросают пингвинят. Молодые же мамы не могут бросить детей и остаются с ними. Но так как семейная привязанность к детям у пингинов не очень развита, эти мамы превращаются в мамок и кормят многих птенцов. Так получается, что целая колония малышей обслуживается сравнительно небольшим количеством взрослых, а остальные взрослые уходят быстрее к чистой воде. Возможно, что они и меняются. Решил сделать эксперимент – пусть, думаю, одна из мамок покормит моих пингвинят. Одну красавицу мы отбили от колонии и погнали в Мирный. Привели. Но никакой дружбы между моими малышами и нею нет. Они совсем отвыкли от взрослых пингинов, а она не признает их за пингвинят.

Вчера, 16.12, наш поезд прибыл в район геомагнитного полюса, и, наконец, открыта станция Восток (без всяких единиц в названии). Этим завершена большая труд всей экспедиции, и особенно участников похода. Сегодня мы должны были лететь к станции Восток для определения ее высоты, но там была плохая погода. Это, как будто, уже влияние циклона, действующего в секторе, примыкающем к морю Росса. Днем погода улучшилась, и, возможно, мы улетим ночью или утром завтра. А пока нужно составить списки лиц, отбывающих домой первым и вторым рейсом. Вот, действительно, что имеет начало, то имеет и конец. Это уже совсем новая тема. Видно, и домой скоро. До 22.12 погода не позволяла осуществить полет на Восток.

10 января 1958 г.

Сегодня годовщина нашего пребывания в этих веселых краях. Сегодня же «Кооперация» ушла в первый рейс с частью зимовщиков, отправляющихся на родину. Все, как будто, просто. Нехотя погружались на корабль, растянули этот процесс, насколько было возможно, и, наконец, все заняли свои места в каютах, и, как будто, не было ничего, а только одно движение, то туда, то отсюда. После долгих переговоров и сочинений разных планов определился такой вариант, утвержденный Москвой: «Кооперация» идет в этом рейсе только до Маскаренских островов, и в Порт-Луисе перегружает наших пассажиров на дизель-электроход «Ангара», который в свою очередь везет их до Александрии, а там новая пересадка на теплоход «Победа», который уже и доведет до Одессы. Таким образом, «Кооперация» может возвратиться в Мирный за нами через месяц с небольшим. В первом рейсе ушло 127 человек, во втором будет порядка сотни. Вчера мы с Семеном Семеновичем сделали на «Оби» доклады о результатах наших исследований. Как будто, заинтересовались. Мы тоже думаем, что кое-что интересное обнаруживается.

16 января 1958 г.

Сегодня ночью будет выпущен 2000-й радиозонд. Отмечать это собираемся завтра, но сегодня выпустили 1999-й зонд, с которым улетел вымпел 2000-го. Это – чтобы можно было сфотографировать.

Продолжаю хронологию. Итак, 22-го декабря полетели на Восток. Как обычно, летели Москаленко, Палиевский, Гладков – в общем, экипаж ИЛ-12, и от нас А. А. Круковский и я. Полет прошел превосходно. Над всеми станциями и во многих точках маршрута сделали отсчеты, а над Востоком прошли четыре раза на различных высотах, чтобы получить возможно более надежный результат. Как показала последующая обработка, высота Востока оказалась 3500 м, т.е. ниже Комсомольской. Когда мы прилетели обратно в Мирный, увидели у кромки припая пришедшую в этот день «Кооперацию». Пролетели над нею, помахали им крылышками. Теперь уже можно сказать, что новая смена прибыла, и нам пора убираться отсюда. Этой же ночью Трёшников и Введенский прилетели с Востока-1, куда они успели прибыть поездом, возвращаясь с геомагнитного полюса. На следующее утро в Мирном уже были В. А. Бугаев* и Г. И. Голышев. К этому времени был подготовлен полет ИЛ-12 нового отряда (пилот – командир отряда Перов) в район станции Советская и Полюса относительной недоступности. Кроме Толстикова* и Бабарыкина полетел и Голышев. Они полностью приняли нашу методику – внутри самолета были повешены метеорографы, взяли наш высотомер и проводили отсчеты также по радиоальтиметру. Они летели до Комсомольской по обычной трассе, а далее свернули на юго-запад. У предполагаемого района станции Советская (80° ю.ш., 80° в.д.) высота оказалась 4120 м, причем за 110 км до этой точки высота была 3800 м, а затем крутой подъем. Далее полет был к так называемому Полюсу относительной недоступности (82° ю.ш., 50° в.д.), где высота местности несколько ниже – 3773 м. Отсюда пошли в общем на север, приближаясь к Мирному. Самым интересным на этом пути было обнаружение впадины с высотой 2200 м, которая, видимо, есть продолжение вглубь континента понижения местности, выходящего к морю Мекензи, что западнее нас. 26-го был последний аврал на острове Джонса, с которого все же удалось вывезти практически весь авиабензин, оставленный в прошлом «Леной». Если бы этих авралов не было, это горючее опять долго пролежало бы там, так как припай будет не вечно, и только следующим летом можно было бы добыть это горючее.

Мы снова посетили Аделек. У них уже много птенцов. Это очень маленькие черненькие птички, боязливо выглядывающие из-под своих мамаш (или папаш). У большинства родителей по два птенца. Вот ведь какая разница между Адельками и Императорами. У Императоров птенцы почти беленькие, а у этих – черненькие, вернее, темно-темно коричневые.

26-го декабря ушел санно-тракторный поезд новой смены на Советскую. Это они молодцы. Учили наш прошлогодний опыт и быстро собрали поезд. Все это хорошо, но не удалось их убедить взять с собой радиотеодолит. К сожалению, будет неполноценная станция, так как зимой теодолитом много не увидишь. 29-го прилетел с «Кооперации» Бугаев (пока еще он, как и почти все из новой смены, живет на корабле), чтобы, как ему приказало начальство, ускорить наше сматывание на корабль и водворение их на новое место. Но дело не в этом. Пока идет разгрузка, они заняты, а мы, не сдав дела, не можем уйти. Кстати, разгрузка идет не очень быстро, так как корабли далеко от берега, и тракторам приходится тратить много времени на путешествие по льду в обход трещин. Но Виктора Антоновича пристроили на местожиительство, а дальше будет видно. Проговорили с ним до двух часов ночи. Рассказал ему кое о чем, подсмотренном нами у природы. Понравилось. 31-го декабря пришел поезд, прошедший путь до Востока и обратно. Встречали их как героев. Был митинг и все, что полагалось при встрече. А вечером наш отряд направился для встречи Нового Года на «Обь». Прилетели мы туда на вертолете и изрядно удивили всех тем, что из вертолета вылезла вся «Сосулька» со всеми своими принадлежностями – барабаном, гитарами и пр. Дальше все было вполне нормально – на «Оби» наша «Сосулька» хорошо поиграла, выпили, поели и ушли на «Кооперацию», которая стояла вблизи «Оби». Там уже наметился спад праздника, только отдельные гуляки продолжали что-то делать в муз-салоне. Но быстро по кораблю разнеслась весть о прибытии «Сосульки», и снова все хлынуло в муз-салон, в том числе и капитан Янцелевич. И снова пошел праздник! Угомонились мы только утром, а когда я проснулся после недолгого сна в чьей-то каюте, кажется, у Белова*, то обнаружил, что «Кооперация» плавает, и сойти на припай нельзя. Весь день и следующую ночь мы пробыли на «Кооперации», а наши товарищи, которые остались на «Оби», уговорили капитана пристать к припаю («Обь» тоже плавала – она пробивала дорогу «Кооперации», чтобы поближе пройти по каналу, сделанному ранее в направлении к Мирному), высадились, и вертолет забрал их в Мирный, где им нужно было сменить людей по дежурству. С «Кооперации» мы вернулись в Мирный только 2-го января. К этому времени оба корабля прошли весь канал в припае, и теперь «Кооперация» приступила к разгрузке с гораздо более близкого расстояния (по прямой километров 5 от Мирного, но трактор, идя в обход трещин, затрачивает все же целый час в один конец). Вечером 2-го был мощный сабантуй, посвященный приходу поезда. Это по существу был последний подобный удар нашей смены, а повод был хороший – сделано большое дело. И опять на высоте положения была «Сосулька», по адресу которой было сказано много хороших слов. Даже Картрайта спровоцировали на сольный вокальный номер под аккомпанемент «Сосульки» – спел одну штучку из «My fair lady». А Рубин не только

спел «Кабачок», но вместе с Толей Межевых так сплясал буги-вуги, что все ахнули. Последующие дни прошли в хлопотах передачи дел и выпроваживания нас на «Кооперацию». Хотя все рвались домой, все же выпроводить нас на корабль было очень трудно. То у одного, то у другого возникали незаконченные дела, но уже 9-го все, кому положено, были на борту судна. 9-го января мы с Семеном Семеновичем сделали доклады для научного состава, находящегося на «Оби». Все прошло нормально – если верить словам тех, кто нас слушал, наши сообщения их заинтересовали и показали, что мы здесь немного поумнели. Между прочим, когда я говорил Трешникову о намерении сделать доклад на «Оби», так как задуманный было объединенный Ученый Совет не получился, он одобрил это и добавил: «Да, тебе нужно реабилитироваться, чтобы не сказали, что был здесь в Мирном такой затейник Кричак». Ну, вот мы и реабилитировались.

10-го января «Кооперация» со сменой 2-й экспедиции отошла от Мирного, увозя обратно более половины состава этой смены. На обоих кораблях состоялись митинги, и корабли ушли. «Кооперация» направилась на Маскаренские острова, а «Обь» – на восток для работы вокруг Антарктиды. Такой план движения «Кооперации» был принят для того, чтобы она смогла побыстрее прийти за нами, остающимися пока в Мирном. Кроме меня здесь оставались Семен Семенович Гайгеров, И. Д. Копанев, И. Н. Алтай, Н. В. Мамонтов и А. А. Круковский. В. И. Шляхов тоже должен был остаться в Мирном, но его попросили на «Обь», и мы не смогли отказать в этом. Правда, несколько пострадает от этого наш отчет, но все-таки представляет интерес, чтобы при плавании «Оби» были получены интересные актинометрические данные, а актинометристов у них нет. На «Оби» уже находится П. А. Шумский, который будет представителем нашей экспедиции на веллингтонском симпозиуме по вопросам Антарктики. Его назначение произошло очень спешно, и он уехал только с одной своей гляциологией. Поэтому я сделал небольшой доклад, и 14-го он был послан по радио на «Обь» с тем, чтобы его там перевели на английский и Шумский зачитал мой доклад на симпозиуме.

19 января 1958 г.

Немного о пингвинах. Сейчас их у меня пять. Самый старый – Прошка. Но он все еще выглядит малышом. Хотя стал больше ростом, но пух до сих пор не сошел с него. Видимо, он не имеет той пищи, которая нужна для этого. У Орберозы пух сошел было с брюха, но пера под пухом не оказалось. Ей самой явно не повезло. Она как-то споткнулась, и после этого ноги у нее плохо работали, и вообще она стала заметно слабеть. Появился у меня один большой императорский пингвин, и он Орберозу однажды просто задавил. Встал на нее и стоял, пока я его не согнал, но было уже поздно. А в нем, в этом

большом пингвине, было килограмм 40. Кстати, он было хорошо привык к неволе – ел с рук и вообще стал ручным, но воля к свободе у него не угасала. После нескольких неудачных попыток убежать он все же совершил на днях удачный побег, и догнать его уже нельзя было (он ушел в зону трещин на припае). Еще доживает свой век пингвиненок Профессор, прозванный так за его сугубо серьезный вид, но он все больше слабеет и путешествия явно не выдержит. Есть еще два прекрасных пингвина, взятых из колонии сравнительно недавно. Они успели хорошо развиваться и сейчас уже почти как взрослые. Пятый, Ваня, видимо, не жилец. Это пингвиненок, побывавший на Пионерской, куда его привезли для наших зимовщиков. Его подружка Маня, привезенная вместе с ним, съела там что-то нехорошее и околела, а его привезли недавно и просто пустили на аэродром, где он и прожил беспризорником несколько дней, и этот Ваня почему-то плохо шевелит ногами. Мне его подкинули нашедшие его авиаторы, и я не имею мужества Ваню прогнать. Итак, вполне хороших два пингвина, пока безымянных. Прошка слабее них, но по-своему интересен – это законсервированный малыш, причем консервация проведена в живом виде.

Вечером слушали с Картрайтом и Рубиным «Пиковую даму» в граммзаписи. Я предварительно сделал словарик слов, применяемых в опере, и поэтому смог по ходу делать краткие переводы на английский. Это был интересный музыкальный вечер.

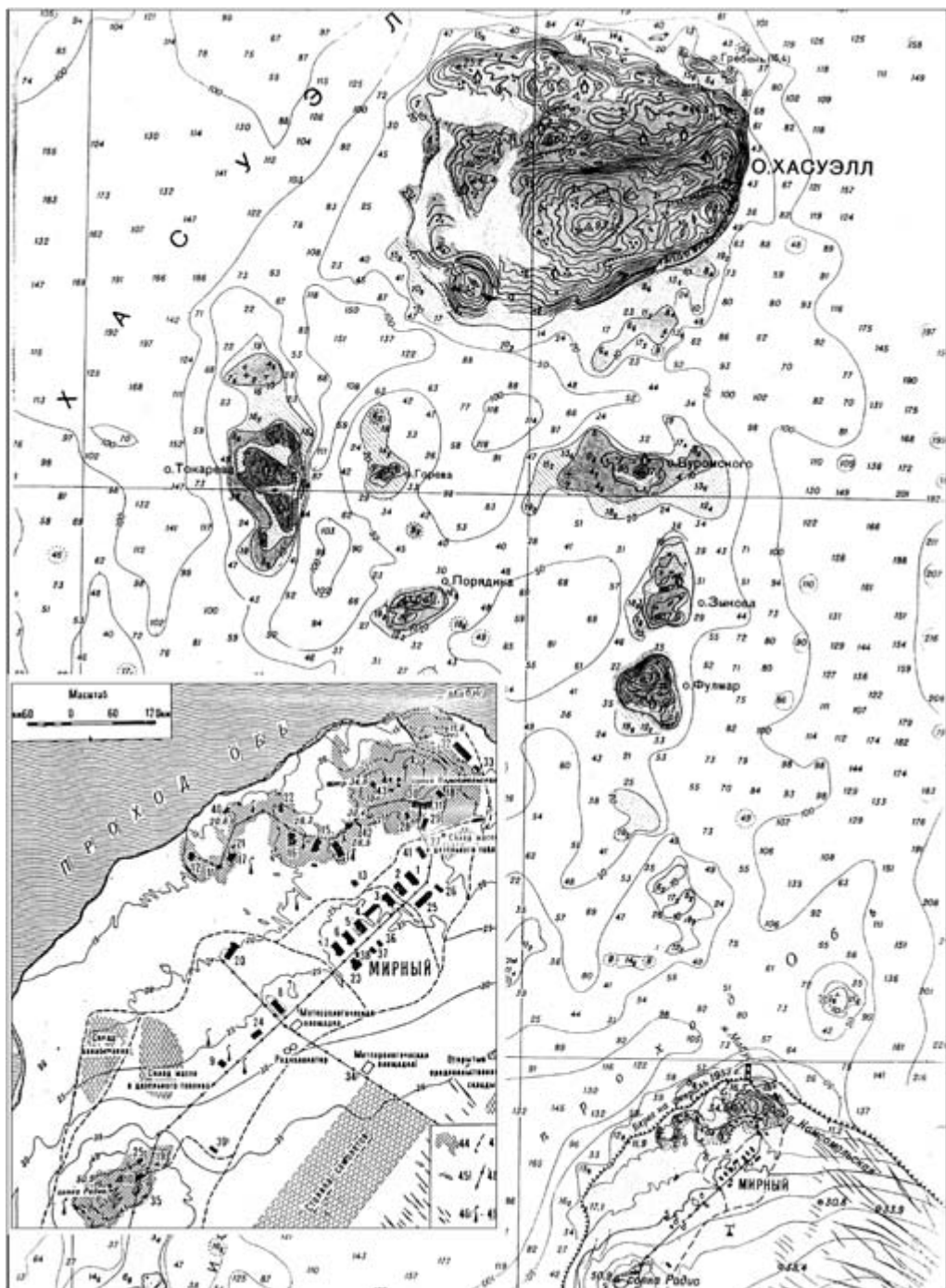
Сегодня получил ответную телеграмму Мещерина с «Кооперации», в которой он поздравляет нас с двухтысячным радиозондом и сообщает, что на корабле образовалось добровольное общество «борт-аэрологов», насчитывающее уже более 30 человек. Семен Семенович избран почетным членом президиума общества, хотя он и не находится на борту «Кооперации».

12 февраля 1958 г.

Снова в море. Вчера в 22 часа по местному времени вторая группа нашей экспедиции отплыла на «Кооперации» на родину.

Вернусь к хронологии всего предшествующего почти за целый месяц.

20.01.58. Подтаявший снег обнажил довольно много мусора по всей территории поселка. Новая смена вполне может делать о нас такое же заключение, какое мы делали о наших предшественниках – порядочные грязнули. Но сегодня выпал хороший снег и снова закрыл весь мусор. Поселок опять чистый. На Комсомольской несчастье – отравился газом аэролог станции Советская Николай Чугунов. Туда полетел самолет с врачом. 21.01.58. Чугунова спасти не удалось. Его тело доставили в Мирный. Он всего лишь на 40 минут остался один в балке, где была газовая плита, и где стали разогревать снег для воды. Когда пришли, то увидели его без сознания. Врач, ехавший с поездом,

Карта района станции Мирный в период 2-й КАЭ

направляющимся на Советскую, ушел с частью поезда на Восток. Обнаружив отравившегося Чугунова, связались с Мирным и получили указание, что делать, но ничего хорошего не получилось.

24.01.58. Ночью с Пионерской пришел маленький поезд Трешникова из двух «Пингинов». На обратном пути они поставили рекорд скорости передвижения – прошли от Пионерской до Мирного за сутки с небольшим. Сильный меридиональный процесс с хорошей струей на высоте обострил и приземный процесс, и ветер усилился до 20 м/сек даже днем. В результате взломало припай, и его начинает относить. Правда, это пока не весь припай, а та его часть, которая стоит далее Хасуэлла. Это будет способствовать «Коперации», когда она придет за нами. Вчера, 23.01, состоялся полет Белова и Круковского по меридиану. Утром обнаружил отдавшего концы пингвина Ваню с Пионерской. Прошка тоже на ладан дышит. Хорошо себя чувствуют Ромео и Джульетта (так я назвал двух новых пингинов за их трогательную привязанность друг к другу).

Вечером состоялись похороны Н. Чугунова. Все просто обозлены таким нелепым случаем – молодой хороший парень погиб просто так, ни за грош. Похоронили его на морене, стоящей в полутора километрах к западу от поселка. Сделали деревянный склеп и запаянный цинковый гроб поставили внутри. Склеп обложили камнями. Возможно, что после того, как установится новый припай, его перенесут на тот же остров, где уже есть две могилы наших товарищей, погибших в прошлом году. 25.01.58. Оторванная часть припая все дальше уходит на север. 28.01.58. Состоялся семинар с моим докладом о результатах синоптических работ за период нашей зимовки. Было довольно много народа, в том числе из других отрядов.

29.01.58. Прибыл с визитом американский ледокол «Бартон Айленд». С утра до обеда мы были на аврале по вытаскиванию соляровых бочек из-под снега в районе морены. В это время американцы осматривали Мирный в сопровождении работников новой смены. Среди американцев – сменившийся состав станций Хэллет (мыс Адер) и Уилкс. Для гостей был устроен обед. Следует сказать, что когда ледокол подошел к припаю, с него взлетели два вертолета, и после пробной посадки начались перевозки в Мирный одного за другим разных гостей. В середине дня ледокол легко прошел сквозь припай (к тому же припай уже стал довольно тонким) и остановился вблизи мыса Хмары. Десантный катер доставлял людей с корабля и обратно на корабль. «Бартон Айленд» во время войны находился по ленд-лизу у нас и потом был возвращен. На корабле все очень скромно, научные лаборатории бедноваты и тесны. Вечером мы вернулись с корабля, и вскоре он ушел. Встреча прошла скромно, но тепло. Все ходили, где хотели; все, что хотели, фотографировали. Завязались новые знакомства. На корабле кроме кофе мы ничего не пили, так как там действует неукоснительный сухой закон.

После отхода корабля обнаружилось, что у многих наших пропали шапки-ушанки. Пострадал также м-р Рубин, которого они, видимо, приняли за нашего, и так как он только недавно получил свое обмундирование, его новая шапка привлекла внимание и была такова.

30.01.58. Американский ледокол доставил Картрайту магнитофонную пленку с записью новой постановки оперы «Евгений Онегин» нью-йоркского театра «Метрополитен опера». Вечером слушали оперу. В эту ночь отдал концы Прошка... 31.01.58. Продолжали слушать оперу. Поздно вечером пришел австралийский корабль «Тала Дан». Австралийцы, направляясь на свои антарктические станции Моусон и Дейвис для смены зимовщиков, решили зайти по пути к нам. Морскую экспедицию возглавляет Филипп Лоу, который на корабле «Киста Дан» приходил в Мирный еще в 1956 году. Оба эти судна датские, Австралия их арендует у датчан. «Киста Дан» теперь снова плавает под датским флагом возле Гренландии. «Тала Дан» – новое судно, совершающее свое первое плавание после прихода с завода в Австралию. Ночью «Тала Дан» стояла у кромки припая, а утром прошла сквозь припай и подошла прямо к барьеру, уперлась в него носом и проложила трап на барьер. День 01.02.58 был посвящен австралийцам. Началось с завтрака. Было приглашено десятка два гостей и столько же наших. Все прошло очень тепло и весело. Метеорологи объединились за одним столом, и контакт был установлен на должном уровне. После завтрака австралийцы спели свою песню под аккомпанемент Лоу. Мы тоже спели нашу песню под мой аккомпанемент, а потом все вместе пели «Нашел я чудный кабачок», они по-английски, мы – по-русски. После завтрака разбрелись по Мирному. Показали метеорологам все, что у нас есть, рассказали о своих делах и достижениях, надарили книг, фото и пошли к ним на корабль в порядке ответного визита. Для нас был приготовлен превосходный обед, к концу которого Лоу принес аккордеон, и они начали петь под его аккомпанемент. Пианино на корабле нет, но для нас выход был найден – я играл правой рукой, а Лоу раздвигал аккордеон и немного подыгрывал левой рукой. Поздно вечером разошлись по домам.

С третьего по пятое февраля вечерами переписывал для себя американского «Евгения Онегина». Днем, как обычно, занимались отчетными делами и помаленьку готовились к отъезду. «Кооперация» несколько дней тому назад передала своих пассажиров на «Ангару» в Порт-Луисе на острове Маврикий и направилась обратно в Мирный за нами.

06.02.58. Состоялась поездка на вездеходе «Пингвин» на 23-й километр, где находится ледяной склад продуктов, чтобы привезти корм для пингвинов, которых мы хотим взять с собой на «Кооперацию». У меня теперь только два пингвина – Ромео и Джульетта. По два пингвина есть и у двух других товарищей – Пипенко и Царева, которые хотят везти их в Харьков по просьбе харьковских тракторостроителей. Снова видел кусочек настоящей

Антарктиды. Интересно, что в начале зимовки в Мирном, когда был создан этот склад, он находился почти на поверхности. Теперь это уже подснежный склад. Над нимросло три метра снега.

Рейд Мирного уже почти полностью свободен от льда. Приходившие корабли помогли льду разойтись, но он вообще-то и сам был уже очень тонким.

07.02.58. Янцелевич (капитан «Кооперации») собирается прийти в Мирный не позднее 12-го. Почти ежевечерне переписываю некоторые пластинки и пленки. Это в порядке отдыха от дневных трудов. 08.02.58. Февраль этого года не хочет уступать февралю прошлого года. Год назад у нас был пожар. Сегодня тоже начинался пожар бани и рядом стоящей электростанции. Загорелось, видимо, от папиросы, брошенной на валявшиеся масляные концы. Пожар был ликвидирован быстро. Пострадали лишь те, кто собрался в баню, так как вода была израсходована на тушение. Утром вместе с В. А. Бугаевым смотрели оборудование самолета Н470. В. Ф. Белов начинил его многочисленной аппаратурой, и это теперь действительно серьезная летающая лаборатория.

Возникла проблема пингвиного корма, так как с нас хотят содрать стоимость пельменей, которые так или иначе будут списаны, ибо их никто не ест – они давно потеряли всякие нормальные вкусовые качества. 09.02.58. Продолжаются сборы. «Кооперация» будет 11-го. Состоялась последняя для нас баня в Мирном. 10.02.58. Бугаев летал на Комсомольскую. Мы дали ему колбы для взятия проб воздуха, но ничего не получилось, так как аккумуляторы были, видимо, ослабленными, и запайка не вышла.

11.02.58. Последний день пребывания в Мирном. «Кооперация» подошла в 16.30 и стала бортом у барьера там, где стояла в прошлом году. После короткого митинга состоялся спуск флага Второй континентальной экспедиции и подъем флага Третьей экспедиции. Немедленно началась погрузка – край барьера слабый и то и дело помаленьку обрушивается. Нужно было торопиться. К 21 часу погрузка была закончена. В 22 часа отчалили, провожаемые возгласами, маханием рук, ракетами и выстрелами мирян.

Всего на борту 84 пассажира. Разместились очень удобно, в основном в каютах I и II класса. Из нашего отряда едет группа в 6 человек и 2 пингвина. Везем только двух пингвинов, так как другие товарищи, обидевшись на начальство, своих пингвинов выпустили. На оставшихся двух сообразовали подарить некоторое количество продуктов, негодных для употребления людьми. 12.02.58. Первое утро в море. Вошли в зону фронтов. Погодка серенькая, покачивает. Но настроение бодрое. Все укладываем и переукладываем свои ящики с материалами.

13.02.58. Фронты кончились. Погода улучшилась, а с этим уменьшилась и качка. Вчера мы начали метеорологические наблюдения. Сегодня идем очень медленно и притом просто на север. Вышли из Мирного с намерением

идти в Кейптаун и потом прямым ходом домой с приходом в Калининград или Ленинград. Но сегодня прошел слух, что маршрут может измениться. Может появиться надобность зайти куда-нибудь за грузом, и это может быть Австралия или Новая Зеландия. Короче говоря, мы можем свернуть и пойти на восток. А пока плетемся по нейтральному направлению.

14.02.58. По-прежнему курс норд, так как решение Москвы еще не поступило. Ожидается, что оно будет завтра. Состоялось общее собрание, на котором избрали козлов отпущения – редакции радио-, стен- и фотогазет. Потом коммунисты избрали оргбюро. На мою долю выпало две должности – редактора радиогазеты и секретаря оргбюро. Корабль идет самым малым ходом на одном двигателе, чтобы не пришлось потом выворачивать в другую сторону. Капитан использует время и проводит учения экипажа, подряд были объявлены две тревоги – пожарная и шлюпочная. Весь экипаж, включая женский персонал, бегал по кораблю с надетыми спасательными поясами и что-то делал, а экспедиционный состав бегал за ними и фотографировал. После учений водитель Миша Кулешов сказал: «Теперь ясно, что в случае несчастья нам рассчитывать не на что».

Мои пингины привыкают к обстановке. Сделали им закуток под одним из трапов, где по словам боцмана в тропиках будет прохладно. Теперь у них две квартиры – клетка и это «подтрапье». Обливаю их забортной водой. Кажется, им это нравится. Так как они не ложатся ни на сетку клетки, ни на палубу, я положил им под трапом кусок белого картона, и они, думая, что это чистый снег, ложатся на него и спят лежа. Все-таки будут больше отдыхать. Будем делать им лед в рефрижераторе.

Ночью было красивое полярное сияние. Ведь мы сейчас идем в зоне максимальной интенсивности сияний. Понемногу начинаем заниматься делами. Кинотеатр «Волна» работает ежедневно в два сеанса.

16 февраля 1958 г.

Итак, вчера поздно вечером Москва предоставила капитану самому решить, какой следует избрать маршрут. Он избрал Австралию. Пароходство сообщило ему, что там есть фрахт, т.е. груз, который мы можем взять для доставки куда-то. Это и полезно, и интересно. Возможно, еще возьмем на борт группу Борщевского* с «Оби», которым на «Оби» уже делать нечего. В 00 час. координаты были 54°15' ю.ш. и 90°24' в.д., курс стал 57°, идем на Мельбурн, а может быть, на Аделаиду – через пару дней нам уточнят, где нужно брать груз.

Вечером был первый выпуск радиогазеты. Трешников сделал первое радионапутствие, Рябинин рассказал о походе на о. Маврикий, а дальше все, как положено: события в Антарктиде, судовые новости и т.д. Начинаем

газету музыкальным заголовком – отрывком из Антарктического вальса. Идем в зоне циклона. Покачивает. И не мудрено – ветер 18 м/сек. Но «борт-аэрологов» почти нет – все уже бывалые моряки.

19 февраля 1958 г.

47°05' ю.ш., 110°35' в.д. От Мирного прошли более 1500 миль. Погода улучшилась. Идем на штат Виктория. Это значит Мельбурн или что-нибудь поблизости от него. На корабле идет подготовка к принятию груза. Возьмем ячмень в мешках. Второй день проводят сушку трюмов. Развесили огромные рукава, в которые ветер сам нагнетает воздух. Рукава спущены в трюмы, и там происходит вентиляция. Сегодня большое удовольствие доставили всем Ромео и Джульетта. В пожарную систему была дана вода, и буквально потоки ее были пущены на палубу, по которой ходили настоящие волны. Я выпустил пингинов, и они впервые в жизни окунулись в воду и, конечно, быстро освоили технику плавания. Им это так понравилось, что они резвились, как дети. Особенно отличился Ромео. Он нарочно становился под струю, подставлял то один бок, то другой, растирал себя лапами, хватал воду клювом. На него глядя, и Джульетта тоже лезла под струю. Больше всех, конечно, были довольны фотографы. Радиогазета не преминула отметить это важное в корабельной жизни событие.

Работа по подготовке отчетов и упорядочению материалов идет не слишком быстро, но понемногу продвигается. Вчера «Победа» доставила наших товарищей в Одессу. Мы получили от них радиограмму, посланную за четыре часа до прибытия на родину.

Сегодня вечером подошли к Аделаиде и стоим сейчас на рейде в ожидании лоцмана.

Часть дневника с описанием возвращения участников 2-й КАЭ на пути от Австралии до Одессы не приводится.

Последние сохранившиеся дневниковые записи, сделанные автором в период 5-й САЭ и переданные домой с возвращавшимися участниками 4-й САЭ, заканчиваются 12 января 1960 года.

М. О. Кричак

ВТОРОЙ КРУГ

13 ноября 1959 г.

Снова в Антарктику! Еще совсем недавно моя жизнь шла по обычной домашней программе, и, казалось, экспедиция 1956–58 гг. ушла в прошлое до такой степени, что создавалось впечатление, что пора уже начинать писать воспоминания, настолько все улеглось, и время начало отделять важное от пустякового, то, что заслуживает быть поведенным другим, от того, что уже представляется малозначительным. Начала было складываться «стабильная» жизнь послеэкспедиционного периода со всем ее непостоянством и той неразберихой, которая часто отличается отсутствием взаимопонимания между руководителями и исполнителями. Самый последний период стал, правда, более целеустремленным, и притом направленным туда, куда и следовало. Это уже было связано вначале с моральной, а потом и непосредственной подготовкой к новой экспедиции, на этот раз в составе 5-й Советской антарктической экспедиции.

Вчера Ленинград проводил нас в поход. Каждого из нас отвлекали от всего, что происходило на пирсе, наши близкие, друзья и товарищи, и мы только теперь замечаем, что нас провожали шумным потоком ленинградцы, зашумевшие корабль, и с интересом и неподдельной удовлетворенностью за нас осматривающие все его углы и закоулки, провожали традиционным, хорошо организованным митингом, в котором участвовало несколько тысяч человек, с оркестром моряков, с вездесущими детьми.

«Обь» гудками созывает своих будущих пассажиров на борт, убирается трап, после чего объявляется еще тройка запрошавшихся новичков, но вот убрана и доска, по которой прошли и эти трое, и под звуки марша, сдобренные прощальными приветствиями с берега и с корабля, «Обь» медленно отходит от стенки. Отошли, развернулись и вновь прошли мимо провожающих. Гудки кораблей, снова машущие руки, шарфы, платки, и если бы пирс тянулся до самого Кейптауна, наверное, люди бежали бы за кораблем до самого края...

И как-то сразу пошла привычная корабельная жизнь большого плавания. Понимаю новичков – им все вновь, все таит в себе неизведанное, заманчивое. Впору даже позавидовать им. Для нас, «старичков», сразу произошел перелом от одного режима к другому. Может быть, вернее, не перелом, а окончание перерыва, в течение которого проходила «земная» жизнь и возобновление такого же привычного «морского» режима.

Я нахожусь в одной каюте с моим коллегой, таким же начальником научного отряда – геофизического, Павлом Кононовичем Сенько, которого, как я заметил, называют коротко Пал Коныч. По жребии с применением спичек,

одна из которых была обезглавлена и изображала нижнюю койку, мне досталась верхняя койка, которую олицетворяла спичка с головкой.

Сегодня утром собрал свой отряд, вернее, его часть, плывущую на «Оби», и приступили к делам. Нужно быстро оборудовать лабораторию, установить все оборудование и начать программу научных наблюдений. Перед обедом было общее собрание, на котором Е. С. Короткевич* напомнил о том, что мы не туристы, и призвал не медлить с началом работ. Старпом Свиридов рассказал о корабельных порядках и, в частности, о порядках в кают-компании и в столовой команды. Экспедиционному составу пришлосьделиться на две части: одна будет принимать пищу в кают-компании, другая – в столовой. Различия в пище нет никакого, но так как в кают-компании принимают пищу капитан и его помощники, то по морскому обычаю здесь соблюдается некоторый ритуал, например, испрашивание разрешения на то, чтобы сесть за стол и выйти из-за стола. Но старпом, как бы в компенсацию за это добавил, что постоянных мест нам устанавливать не будут, можно садиться на любое место кроме мест вахтенной команды. Все довольны. К ужину, впрочем, последовало распоряжение того же старпома установить каждому его постоянное место за столом. Все довольны, особенно тем, что в нашей жизни столько разнообразия.

Мне вновь, как и в рейсе из Антарктики, поручена радиогазета. Начал комплектование редколлегии. Признаться, это дело мне по душе. Сегодня же начались киносеансы. В столовой команды не слишком удобно для этого, но больше нигде. Итак, будут давать по три сеанса в вечер.

Все наши, да и не только наши, с рвением приступили к устройству рабочих мест и стремятся как можно скорее начать полезную деятельность. Кстати, у корабля свои заботы. К вечеру судовой врач объявил на завтра санитарный день.

Наступает вторая ночь на корабле. Только что объявили, что ночью стрелки часов будут переведены на один час назад. Это потому, что мы плывем на запад. Значит, фактически будем спать на один час больше. Зато, когда будем плыть к востоку, например, от Лазарева* к Мирному, сутки будут укорачиваться. Это менее приятно.

Сегодня мои родные день провели уже дома, в Москве, первый день долгого периода разлуки со мной. Я быстро вошел в свой экспедиционный режим, а вот как они будут входить в свой? Пусть для них это время будет счастливым и не покажется длиннее, чем это будет в действительности.

16 ноября 1959 г.

Сегодня ночью прошли Кильский канал. С Балтикой расстались без сожаления, так как весь день 14 ноября была неприятная качка, хотя ветер

не превышал 6–7 баллов. Но этой качки вполне хватило для того, чтобы, как было сказано в нашей радиограмме редакции радиогазеты в Мирном, «вполне удовлетворить романтическую любознательность новичков и привести в норму отвыкших от моря старичков». Иными словами, все чувствовали себя прескверно, и никакая работа не шла. Сразу опустели курительный и музыкальный салоны, где обычно отдыхают, читают, играют в шахматы и «забивают козла». Все старались быть в тех местах, где они чувствовали себя хоть немного лучше: кто на прогулочных палубах, а кто просто, лежа на койках.

15 ноября обстановка улучшилась. Несколько ослабел ветер, и возможно сказывалось, что мы входили в сужающуюся часть южной Балтики. К 17 часам судового времени (прошлой ночью стрелки часов вновь были переведены на час назад) подошли к Кильскому каналу. Опять ночью... Кажется, только одному из кораблей антарктических экспедиций (как будто, «Лене») посчастливилось проходить его днем. Почти не видно людей, абсолютная тишина и безостановочное движение больших и малых кораблей в обе стороны. Долго стоим на прогулочных палубах и рассматриваем, хотя и в темноте, низкие берега с невысокими деревьями, среди которых то и дело промелькнет отдельно стоящая елочка. По обе стороны канала через равные промежутки расставлены столбы с неяркими лампочками, но достаточными, чтобы обозначить берега канала.

Кильский канал был построен Германией с целью скрытого и быстрого передвижения военного флота из Балтийского моря в Северное и обратно. Его строили восемь лет, с 1887 по 1895 г. С 1909 по 1914 г. проводилась реконструкция канала, позволившая осуществлять по нему плавание больших кораблей. Только после первой мировой войны был установлен международный правовой режим, обеспечивший проход по каналу военных и торговых судов всех государств. Сейчас длина канала 98,7 км (53,3 мили). Наименьшая ширина по поверхности воды 103 м, а по дну 40 м. Глубина канала 11 м. По Кильскому каналу могут проходить суда с осадкой до 9,5 м, длиной до 315 м и шириной не более 40 м при высоте мачт не более 40 м над водой. Скорость движения судов по каналу не превышает 15 км/час. Так мы и двигались по нему почти всю ночь, медленно и спокойно.

Вечером вышел первый номер радиогазеты. Капитан корабля Александр Иосифович Дубинин охотно согласился выступить перед микрофоном и более всего призывал к тому, чтобы все готовились к быстрой разгрузке корабля в Антарктике, к продумыванию мер, которые должны будут обеспечить полную сохранность здоровья всех людей. Разумное и никогда не лишнее предостережение. Была дана географическая справка о Кильском канале, рассказано о том, что делают отряды экспедиции. Из этого последнего обзора легко было установить, что жизнь на корабле приняла хороший напряженный темп – у всех много дел, и все хлопочут в своих лабораториях,

на палубах или в трюмах. Полетели и первые дружеские шпильки в адрес тех, кто их заслуживал, и это тоже было встречено с удовлетворением.

После ужина был очередной киносеанс. В предыдущие дни фильмы шли без афиш – что дают, то и смотрим. После критики нашей радиогазеты сразу же появилась сводная афиша на неделю вперед. Так, на этот вечер был назначен фильм «Фатима». Шел однако фильм «Жених для Лауры». Никто, впрочем, претензий не высказывал.

Сегодня, 16-го ноября, идем Северным морем. Качки нет, и все довольны, хотя дождь не прекращается целый день и всем мешает. Утром в 9 часов, как это теперь заведено, в музыкальном салоне собираются все начальники подразделений экспедиции и обсуждают очередные проблемы. Самой неприятной из них обычно бывает проблема выделения людей. Всегда кому-то нужны рабочие руки.

19 ноября 1959 г.

Около шести часов утра 17 ноября нас разбудили сообщением, что проходим Дувр. Мы с Пал Конычем хотели посмотреть хоть его огни, оделись и вышли. Действительно – огни, как обычно, несколько маяков, высокая, видимо, телевизионная мачта с несколькими красными огоньками на ней и с десятков кораблей, плывущих в разные стороны. Днем шли Ла-Маншем. Погода сравнительно спокойная, но с запада проходит большой и глубокий циклон, и спасенья от него нет. Быть качке. Об этом и было доложено всему начальству и рассказано товарищам, которые встретили это сообщение без энтузиазма. В восточной, наиболее узкой части пролива, ширина его около 17 миль, французы называют его Па-де-Кале, а англичане – Дуврским проливом. Расширенная западная часть именуется англичанами Английским каналом, а французами – Ла-Маншем, что в переводе на русский язык означает «рукав». Длина пролива 460 миль, глубины увеличиваются с востока на запад от 30 до 100 м, а во впадине Херд-Дин – 172 м. Судя по описаниям (сами мы ночью не разглядели этого), берега Англии, особенно у Дувра, скалисты и сложены из меловых пород. Возможно, поэтому Англию с древних времен зовут Альбионом – белым островом. Многие спортсмены уже переплывали Ла-Манш, а какой-то чудак-подводник собирается перейти пролив пешком по дну. Предпочитаю переплывать его на корабле.

Эту географическую справку мы передали вечером в радиогазете. Вообще радиогазета уже стала обязательным атрибутом нашего плавания. Музыкальными позывными даются последние звуки «Антарктического вальса».

Вечером было партийное собрание корабля и экспедиции. Объединили обе организации и доизбрали временно, для нечетного счета (можно подумать, что предполагаются серьезные дебаты) И. В. Максимова*.

18 ноября начался шторм, противный и, как будто, бесконечный. Одна надежда на то, что мы все же не будем стоять на одном месте и уйдем от него. Зондирование ввиду этого не начали, так как большая часть наших товарищей чувствует себя плохо, и требовать от них, чтобы они шли на корму, где больше всего качает, невозможно.

Вечером было заседание объединенного партийного бюро. Мне поручена культурно-массовая работа, так как я уже признанный деятель культуры и искусства.

Вся экспедиция читает «Ледовую книгу» Смуула и хвалит ее. Все сожалеют при этом, что никто из зимовавших длительное время в экспедиции еще не написал ничего подобного. А меня ждет расплата за слишком дружеское расположение ко мне Смуула. Меня считают знатоком английского языка, хотя Смуул был прав только наполовину. То, что я говорил с детьми австралийского писателя Юджина Ламберса на медленном, это абсолютно верно, но то, что к тому же на правильном английском языке, — это уже явное преувеличение.

А вообще писать трудно и нудно — качка.

21 ноября 1959 г.

Снова вынужденный перерыв из-за непрекращающейся качки. Только сегодня погода стала приличной, и качка практически прекратилась, если не считать того, что корабль нет-нет да и накренится как следует от крупной зыби, которая еще прокатывается по океану. Кстати, идем мы примерно на траверзе Гибралтара или около него.

В последние дни главной темой была, конечно, качка. Снова пошли знакомые картины, когда в кают-компании сначала начали летать вазочки с бумажными салфетками, за ними пошли супники, сперва по одному, а потом сразу все четыре. И такой Бискайский залив образовался на столе, что о сервировке уже никакой речи не было. Возникла более существенная проблема — как лежать на койке, чтобы не быть выброшенным ночью. Оказалось, что наиболее рациональное положение такое, когда вы уподобляетесь букве Х. Тогда вы упираетесь руками и ногами, во что только можно, и все в порядке. Однако так можно просто лежать, но спать нельзя. Тогда было придумано другое положение — лежа на боку, согнуть верхнюю ногу в колене и выдвинуть колено вперед. Тогда при рывке судна колено автоматически упирается в бортик койки, и вы спасены, с койки не слетели. Правда, при этом вы или вообще не спите, либо немедленно просыпаетесь. Сегодня, провалявшись таким образом (я еще никогда не употреблял слово «валяться» с такой математической точностью, как сейчас) до 3-х часов ночи, я переключался на диван, и так как он стоит не вдоль, а поперек корабля, немного спал.

Интересен мир звуков во время качки. Непрерывно в каюте слышен треск и скрип переборок, шум моря сливается с доносящимся шумом машины и постоянным вибрирующим стуком дверей, если не твоей каюты, то каюты соседей. При более сильных наклонах судна начинают вылетать ящики письменного стола, и чемоданы самостоятельно приобретают подвижность и начинают совершать путешествие из-под койки и обратно. Против этих последних движений недвижимого имущества можно принять меры, но только в своей каюте. У соседей же все движется и обязательно стучит в переборку твоей каюты.

Мы с Пал Конычем повесили «креномер» — катушку ниток с продетым сквозь сердцевину концом нитки. Этот хитрый прибор был повешен на стенку шкафа. Приклеили разграфленный лист бумаги, на котором были изображены градусные деления. С таким прибором жизнь сразу стала вполне осмысленной, а до этого, кроме «гнилой ваты» в голове, ничего не ощущалось, и вообще чувствуешь себя глупейшим существом, которому ни о чем и думать то не хочется. Каждое сильное качание, отмеченное креномером, становится почти открытием. Тут то, мы и начали проводить важную исследовательскую работу — определять, при каком наклоне начинают двигаться вещи в соседних каютах. Так было точно установлено, что при наклоне в 18 градусов начинает двигаться вьючный ящик Д. С. Соловьева, нашего геолога, идущего в Антарктику уже в четвертый раз, а при угле в 25–27 градусов начинают двигаться чемоданы и кресло в каюте штурмана Ю. И. Воденко с другой стороны нашей каюты. Так что по тому, когда начинают двигаться вещи в соседних каютах, мы можем теперь определять угол наклона корабля.

В этот день разбилась моя чашка, которая все время удивляла меня тем, что она была как бы замороженной — не падала, да и только. Но вот упала и разбилась... Оказывается, не только в соседних каютах живут растяпы, которые плохо закрепляют свои вещи.

Сегодня, 21 ноября, погода заметно улучшилась. Ветер стал попутным и всего лишь 8 м/сек, т.е. меньше скорости корабля. Но продолжается крупная океанская зыбь, и мы продолжаем болтаться самым глупейшим образом. Все же жизнь сразу повеселела. Наши аэрологи вышли из своих убежищ и принялись за подготовку к выпуску радиозонда. Один генератор для добытия водорода работал плохо, взяли другой, низкого давления. Дело пошло на лад, но срок зондирования был упущен. Выпустили только в 12 час. 15 мин. вместо 12 часов. Но все же выпустили, и начало зондированию положено. Качка помешала использовать радиотеодолит для пеленгования зонда, и ветра по высотам мы еще не имеем. Зонд достиг высоты 16 км. Все это неплохо, но нужно лучше.

Вечером на собрании было объявлено, что теперь «тропическое вино» не входит в рацион, и мы можем либо ввести его и тем самым понизить

возможности питания, либо пить вино за свой счет, т.е. за дополнительную оплату (вернее, под расписку). Решили платить, но пить.

После кино заседала комиссия по проведению Нептуньего праздника. Самый сложный вопрос – кому изображать морскую царевну. До сих пор ее изображал мужчина, да и вообще в морской традиции это так. Но можно и изменить традиции, ведь раньше женщин на корабле не было, а теперь они есть. Мнение комиссии таково, что лучше подобрать мужчину. Ему проще отпускать такие шутки, какие настоящая женщина допустить не сможет. Ищем мужчину до завтрашнего обеда. В противном случае делаем женщиной женщину.

26 ноября 1959 г.

Все эти дни, малооблачные или просто ясные, с постепенно повышающейся температурой, привели нас снова в чувство почти всем довольных людей. Правда, Пал Коныч, зайдя только что в каюту, изрек: «А все-таки самое лучшее – это холод». Тем не менее, он с удовольствием совершит сейчас омовение в бассейне, который позавчера был построен под руководством Дмитрия Семеновича Соловьева. Бассейн вышел на славу. Глубокий – выше роста. В день открытия бассейна в радиогазете были опубликованы правила пользования им, среди которых, например, такие:

- Бассейн – не баня, вымойся заранее.
- Перед входом в бассейн не забудь высморкаться за борт или в носовой платок. Бассейн – тот же колодец.
- Купайся до еды. После еды вода быстрее засоряется.
- Не умеющие плавать – держитесь ближе ко дну.
- Долго в бассейне не сиди – задние тоже хотят!

Эти правила потом вывесили рядом с бассейном за подписью «Боцман», хотя боцман Хаким Кулеевич Гайнутдинов, перешедший в прошлом году на «Обь» с «Кооперации», себя автором не считает и оставил правила висеть только потому, что они делу не вредят.

С 24-го ноября, т.е. со дня прохождения Северного тропика, зондируем дважды в сутки. Товарищам трудно, учитывая малочисленность нашего коллектива, но они стойко несут свою вахту.

Тропопауза полезла вверх и заметно похолодала: теперь на высоте тропопаузы уже минус 70°C.

В полном разгаре подготовка к Нептуньему празднику. Все роли распределены, и ежедневно на баке (носковая часть корабля) проводятся репетиции. После ужина в музыкальном салоне тоже репетируют танцоры – наш авиа-механик Анатолий Межевых, бесспорно лучший танцор-четочник во всей Антарктике, и молодая официантка Женя Голубева, в недавнем прошлом

участница танцевального ансамбля в своем родном городе Архангельске, а в последнюю очередь – вокальная группа. Это научный сотрудник геологического отряда Борис Иванович Ревнов, обладающий приятным мягким баритоном, и группа летчиков, которые поют, в общем, домашними голосами, но вполне искренне, и потому приятно.

Пару дней назад закончил мелодию к «Дорожной» – новой песне Анатолия Введенского, который посвятил ее нашей 5-й антарктической экспедиции и принес текст уже на корабль перед его отходом из ленинградского порта. Песня всем понравилась, и послезавтра на вечере, посвященном прохождению экватора, она будет впервые публично исполняться.

Вчера около 16 часов прошли экватор. Многие из нас проходят его не в первый раз. Но каждый раз это – событие, и очень хорошо, что оно не проходит незамеченным. Всеобщее мнение таково, что праздник удался на славу. Нам очень мешало то, что корабль настолько загружен палубными грузами, что нет ни одной более или менее свободной палубы или трюма. Всюду самолеты, машины, краны, бульдозеры – буквально повернуться негде. С трудом был размещен бассейн, а представление встречи Нептуна с капитаном и его свитой провели на небольшой спардечной палубе, этаким небольшим балконе, но все же вполне достаточном, если бы на него не высывались нос и хвост двух ЛИ-2, расположенных «валетом» на третьем трюме.

К 14 часам все зрители заняли другие палубы, трапы, площадки и вообще все, где только можно было примоститься. К этому времени участники представления были уже загримированы, одеты в ими самими сделанные костюмы и даже получили немного вина, сдобренного незаконно добытым спиртом. Это – для вдохновения. И как только начальники сами не понимают, что человеку, не являющемуся профессиональным артистом, для того, чтобы быть «в ударе», нужно преодолеть какой-то рубеж. Один преодолевает его самой мыслью о предстоящем перевоплощении, другому нужен внешний (вернее, внутренний) катализатор. И если количество этого катализатора не слишком велико, то эффект будет превосходным. Впрочем, я не распространяю это на всех и на все случаи, но нашим «артистам» это было необходимо, и мы не ошиблись.

Мне пришлось взяться за аккордеон, хотя, не зная баянных басов, я мог играть только правой рукой. Небольшой оркестрик состоял из двух мандолин, двух гитар, аккордеона и ударных инструментов. Собственно, из этих последних был только один «инструмент», и тот – большая кастрюля.

Текст представления был в основном тот же, что и в рейсе «Кооперации». Этот текст перекочевал на все наши корабли и стал традиционным. Мы сделали только некоторые добавления. Представление было очень смешным. Были хорошие костюмы, гримы и, главное, хорошая игра «актеров», которые действительно старались, и не безуспешно. Нептун – наш испытанный в этой

роли А. П. Федюхин*, действительно вошел в роль, и я думаю, сам настоящий Нептун лучшим на этот раз не оказался бы. Прекрасно изображал капитана сам капитан «Оби» Александр Иосифович Дубинин, в прошлом уже исполнявший роль Нептуна. У него, несомненно, сценический дар, да и побалагурить он мастер. Нептуну был поднесен специально испеченный каравай («хлеб-соль»), а вместо чарки водки ему подали металлический супник, сделанный в виде чаши. Так как в супнике было настоящее вино, то черти, шестерка товарищей из авиаотряда, проявили неподдельный интерес к этой чаре и добились-таки своего, Нептун оставил и им. И если Нептун немного пролил на свою бороду, то черти не пролили ни капли.

Прекрасен был «начальник протокола». Его роль исполнял механик транспортно-отряда Биргер. Это очень неплохой комедийный артист, и если бы он был им по профессии, то, несомненно, пользовался бы успехом. Но более всего поразили меня «ученые». Их изображали астроном Анисим Александрович Павлов, уже немолодой человек «за пятьдесят», с видом интеллигентного и явно стеснительного человека, каким он в действительности и является, и начальник станции Лазарев Леонид Иванович Дубровин, тоже никогда раньше не выходявший на сцену. На репетициях А. А. Павлов так волновался, что никак не мог вначале быть в меру развязным и все время нервно тербил одной рукой другую. А Л. И. Дубровин от волнения никак не мог без запинки произнести свои четыре строки текста. Но на представлении они оба были настолько в ударе, что стали неузнаваемы. Правда, неузнаваемы они были и до произнесения ими своих смешных речей, так как их гримы были изумительны – парики, козлиные бороды, невероятные очки, колпаки, тоги – всему этому, безусловно, мог бы позавидовать любой театр самодеятельности.

Роль морской царевны исполнял авиамеханик Федор Коваленко. Долго пришлось натирать его дочерна загоревшее лицо зубным порошком, чтобы придать ему хоть немного белизны. Много было перепробовано костюмов, и под конец он был наряжен превосходно, а его женской фигуре могли бы позавидовать многие женщины.

Короче говоря, представление шло в хорошем темпе и на высоком уровне. Нужно было смотреть и на публику. Почти все были просто увешаны фотоаппаратами, но временами они забывали о них, и буквально разинув рты, смотрели представление и хохотали от души. Под конец была пущена «хохма» на тему о начпроде, который в день прохождения Северного тропика, когда началась выдача рислинга, сам так напился, что еще и на следующий день не сразу смог прийти в себя. Это, конечно, стало всеобщим достоянием. По ходу представления капитан откупается от купания, к которому его первым приговаривает Нептун, бочкой вина. И происходит такой разговор:

Капитан: Стойте, черти! Я откуплюсь!

Нептун: Чем откупишься?

Капитан: Бочкой вина.

Нептун (посоветовавшись с чертями): Согласен. Откупился!

Капитан: Начпрод! Вина!

Голос из толпы: Нет начпрода, начпрод упился!

Это было так неожиданно и так на тему дня, что не только зрители, но и артисты хохотали до слез. Пришлось капитану вызывать повара, и он выкатил бочку вина, водруженную у бассейна.

Купание было, как всегда, веселым и с экспромтом возникавшими изюминками. Забавно делал свое дело брадобрей, который лихо намазывал головы своих жертв молочным киселем, брил их огромной бритвой, передавал на осмотр врачу, который тут же пытался использовать огромный шприц в качестве клистирной трубки. После этого жертва сваливалась с кресла в бассейн. Некоторые пытались поскорее попасть в бассейн, но их сдерживали, пока вся программа этих операций не была выполнена. Находились и такие, которые настойчиво упирались и не желали крещения. Таким оказался летчик Барабанов, обладающий огромной силой, и чертям пришлось здорово поработать, пока его не покрестили. Еще сегодня рубашка Барабанова долго лежала у бассейна, напоминая всем, что может быть при ненужном сопротивлении.

Насмешила всех морская царевна, которую тоже искупали во всем ее наряде. И нужно было видеть, как вытасченную из воды царевну черти стали раздевать, а она изобразила такое стеснение, что порой казалось, что действительно совершается насилие над беззащитной женщиной.

Товарищеский ужин прошел весьма неплохо с поллитра сухого вина на каждого. Были и некоторые тосты. В общем, все были довольны.

После ужина состоялось вручение дипломов. Некоторые получали их уже в четвертый или пятый раз. Это, конечно, могло относиться только к морякам или тем, кто проводил в Антарктике сезонные работы. Те же, кто зимовал раньше, могли получить сейчас дипломы не более, чем во второй раз.

В заключение вечера состоялся концерт художественной самодеятельности. Мне трудно быть объективным, но те похвалы, которые мы слышали в адрес участников концерта, свидетельствуют, что все удалось.

Песни. Они были душой концерта. Впервые исполнялись две песни, написанные специально для нашей экспедиции. Первая песня «Отплываю завтра я» (она же – «Пожелай удачи») – поэта Константина Ваншенкина – была опубликована в «Правде» 25 октября, и в тот же вечер я написал к ней музыку. Это чудесная, проникновенная песня, слова которой написаны для каждого из нас. Ее музыкальный рисунок очень простой и, мне кажется, соответствует тексту. Но разве для песни простой рисунок – недостаток? Я думаю, что песня только тогда и хороша, когда она проста, оригинальна и хорошо передает смысл текста. Обязательно должна соответствовать тексту!

А «Дорожная» Введенского прожила уже три жизни. Первая ее жизнь – это жизнь текста самого по себе, пока еще не было мелодии. Потом она зазвучала у меня, но как-то скромно, только с надеждой, что тут может получиться вещь. И в третий раз, когда с большим чувством ее спели хоровым ансамблем. Теперь я могу сказать, что эта песня удалась. Она получилась бодрой, фронтальной.

Сегодня весь день все делились впечатлениями дня, проведенного на экваторе. Итак, мы уже в Южном полушарии. Здесь нам предстоит пробыть больше года. И не только пробыть, а и много-много сделать.

«Много сделать я хочу – пожелай удачи!» – сказано у Ваншенкина. Пусть будет так.

Сегодня вечером была лекция Е. С. Короткевича с общими сведениями об Антарктике. Всем понравилось.

Получил радиограмму от моих родных. Желают музыкальных вдохновений, ждут нот. Я тоже очень, очень хочу этого, но меня обычно вдохновляют злостные тексты. Будут ли они у меня? Или снова перейти на Бернса?

2 декабря 1959 г.

Экватор пройден, вошли в Южное полушарие, где сейчас теплое полугодие. Но это только слова. В действительности сплошной обман. Здесь, в восточной части Атлантики, зачастую бывает вовсе не так, как может показаться из схемы. И в прошлый раз, как только мы пересекли экватор, стало прохладнее. Так же, как и в прошлый раз, тропический фронт лежал в Северном полушарии, и это должно было бы означать, что к югу от него находится относительно теплый воздух. Но в действительности оказалось иначе: к югу от фронта началось похолодание, которое и сейчас еще не кончилось. Ничего непонятного в этом, впрочем, нет, так как мы идем по восточной периферии атлантического антициклона Южного полушария, где воздух течет с юга, т.е. от холода к теплу. Южное Бенгуэльское течение тоже характеризуется тем же. Короче говоря, бассейном уже перестали пользоваться. К тому же пару дней дует лобовой свежий ветер, отчего слегка качает, а главное, это снимает некоторую часть нашей скорости, и мы уже придем в Кейптаун не ранее конца дня в воскресенье 6-го, а, может быть, и позже.

3 декабря 1959 г.

Сегодня утром ветер несколько ослабел. Температура воздуха 20°C, но вода становится прохладнее, уже 18°C. Короче говоря, тропики заканчиваются. Ну что ж, тропическое вино мы получили вперед, и многие в этом отношении уже давно миновали тропики – вино выпито. Нужно заметить, что

«Обь» совсем не подходящее судно для плавания в тропиках – слишком быстро идет, и много вина не выпьешь.

Вчера мы уже перестали зондировать дважды в сутки и перешли вновь на одноразовое зондирование, так как зона тропического фронта пройдена, и теперь нет большой нужды в таком детальном прослеживании вертикальной структуры атмосферы.

Злостнейшей проблемой последних дней является, конечно, Кейптаун. Похоже, что пробудем там совсем немного, а хочется побывать и в его окрестностях, и в самом городе немало интересных мест – музей, замок, Столовая гора. К тому же есть опасность, что придем в воскресенье, что обычно еще больше сокращает возможности прогулок и покупок. Г. И. Матвейчук уже совсем изошел, составляя списки дежурных по кораблю, в которых нужно учесть и то, что одни хотят ехать в дальние экскурсии, а другие нет, и то, что предстоит погрузка на корабль продуктов, которые закупятся в Кейптауне.

Понемногу осваиваю аккордеон. Оказывается, в клавиатуре для левой руки все же есть какой-то порядок, хотя он довольно «беспорядочный», да и возможности аккомпанемента весьма ограниченные.

10 декабря 1959 г.

Нельзя сказать, что за прошедшие дни я не писал о своих впечатлениях. Наоборот, в некотором роде это были даже наиболее старательные писания: я и все мы потратили немало времени и энергии, чтобы написать письма домой, будучи уверенными, что их у нас примет чехословацкий консул в Южно-Африканском Союзе и отправит их в СССР. Но... нашим мечтам не суждено было сбыться. Никто из чехословацкого посольства к нам не приехал, и вчера нам благополучно вернули все наши письма, что не могло не испортить настроения многим из нас, если не сказать всем.

Итак, Кейптаун позади. Позади и подходы к нему, которые оказались вовсе не такими приятными, какими они были в прошлый раз. Все эти предшествовавшие Кейптауну дни мы шли в южном атмосферном потоке, огибающем антициклон Южного Атлантического океана, и он не был бы таким сильным, если бы нам не повезло попасть в зону, прилегающую к небольшому циклону, находившемуся над континентом, из-за чего ветры были сильными, до 20–25 м/сек, хотя на побережье ветер был значительно слабее – сказывается различие в подстилающей поверхности. Все это время скорость нашего продвижения снижалась, а навстречу бежала волна, вызывающая килевую качку, которая все же менее неприятная, чем бортовая.

Но наступило 7 декабря, и мы увидели землю – берег Южной Африки. Ветер был здесь слабым, волны не было, и мы спокойно подходили к известным для многих из нас местам. Вот показалась Столовая гора, окутанная

дымкой, и вскоре мы уже были на рейде незабываемо красиво расположенного Кейптауна. Быстро подошел лоцманский катер, и на причале нас встретил известный всем морякам кейптаунский делец «шипшандер» Шапиро, неплохо говоривший по-русски. Он всегда поставляет нашим кораблям разные продукты и вообще все, что понадобится, начиная от картошки и кончая вдруг понадобившимися стальными «пальцами» для тягачей, которые по нашей радиозаявке были изготовлены очень быстро именно из того сорта стали, который был указан в заказе.

Довольно быстро были выполнены необходимые формальности, и нам были выданы деньги и документы, и начались хождения в город для тех, кто был свободен, или вахты для тех, кто согласно жребию попал в ту или иную смену, чтобы дежурить по кораблю. Нашей бригаде досталось также по жребию грузить продукты, и мы вместе с неграми перегружали овощи и фрукты с причала, где они уже были приготовлены, в трюм. Негры таскали с причала на палубу, а мы дальше, в трюм.

Кейптаунский метеоролог Кроуфорд, который обычно встречает наши корабли и вручает нам коды для расшифровки координат китобойных судов, все не приходил, хотя я давал ему радиограмму с пути. С помощью какого-то представителя магазина мужских вещей, который почти первым вошел на корабль, чтобы раздать пригласительные карточки своего магазина, созвонились с метеостанцией и выяснили, что Кроуфорда в Кейптауне нет, но вместо него скоро приедет его сотрудник. И действительно, вскоре приехал очень толстый усатый дядька, который привез в качестве подарка «Оби» картину с жирафами («Жирафы в Африке пасутся»), а для меня пакет от Кроуфорда с кодами, письмом и конвертами с новыми советскими антарктическими марками, которые он просит погасить на нашей антарктической базе. Эти конверты будут направлены ему в Кейптаун и какому-то его другу в Англию.

Часа в четыре наша бригада «грузчиков» смогла пойти в город. Магазины в это время уже почти закрываются, музеи также, и мы посвятили вечер просто хождению по городу, осмотру садов, центральных улиц, малайского квартала и розысками общественных уборных, которые отмечены на плане города в проспекте для туристов, но в действительности оказались в основном на замке.

На следующий день с утра поехали в аквариум. Повидали там разных редких рыб, раков, огромных морских черепах, скатов, и направились в город с благими намерениями побывать в музеях. Но, начав ходить по магазинам в поисках чего-нибудь оригинального и именно того, что, как мы знаем, может удивить и порадовать наших домашних, потратили на это все время и вернулись уставшие на корабль к 19 часам, а в 20 часов мы отплыли в дальнейший путь. Вскоре стало известно, что наши письма мы возем с собой и сможем их передать лишь на «Кооперацию». Ворчанью не было конца.

Как только вышли в море, стали чувствовать волну, и с тех пор все еще качаемся, и конца этому не видно. Особенно сильной была качка в ночь с 9-го на 10-е и днем 10-го. Мотало все время нещадно, наиболее сильный крен, показанный на нашем креномере, составил 52°. Видимо, это было именно так, ибо корабль зачерпнул воды правым бортом, и на нижней палубе и в твиндеке вода гуляла по коридорам и каютам. Попала также в вентиляционную систему и по ней разлетелась по каютам твиндека. Рассказывают, что там было при этом весело.

Довольно долго и я воевал с ящиками письменного столика, которые все время вылетали из стола, и с креслом, которое бегало по каюте, удирая от меня и не даваясь, чтобы его привязали к батарее. Спал я на диванчике, не рискуя залезать на свой второй этаж.

На утро были подведены итоги этой ночи: подломанные плоскости самолета ЛИ-2, сбитая волной стрела, приспособленная для актинометрических приборов. Сами приборы, снятые потом с подломанной стрелы, представляли лишь жалкие остатки.

Сегодня днем было повторение ночного крена. Я был в это время в нашей лаборатории, находящейся на нижней палубе. Мы приводили в порядок подмокшие книги, так как ночью эту лабораторию на добрые полметра залило водой. В один из моментов, когда качка все усиливалась, мы заметили, что тяжеленные «лиры» (стальные, массивные, длинные, длиной метров восемь-десять, подставки для самолетов, необходимые, кажется, при сборке самолетов) вдруг самостоятельно поехали по палубе. Это означало очень резкий и крутой крен. И, действительно, качнувшись в другую сторону, корабль быстро приближался бортом к поверхности воды, и вот уже борт погрузился весь в воду, и вода покрыла палубу. Дверь нашей лаборатории мы быстро захлопнули, но ее сразу открыло, и ворвался огромный поток воды. Мы успели только сесть на столы, поджав ноги. Второй накат продолжил эту операцию, после чего мы заметили, что корабль выравнивается. Долго потом выгребали воду из лаборатории. Видимо, и капитану надоела такая работа, и он сбавил ход и немного развернул корабль. Вторая половина дня прошла спокойно. И, действительно, пусть лучше немного позже придем, чем будем ломать грузы и приборы и сами мотаться из стороны в сторону.

Впереди нас «Кооперация» бодро идет своим курсом. Видимо, они придут в Мирный раньше нас. Дралкин*, видя такой стремительный темп приближения смены, решил ускорить движение своего поезда и пару дней назад вышел с Востока на юг. Он везет с собой мало горючего, и если он дойдет до Южного полюса, то на возвращение у него горючего нет, и он сможет только чуть-чуть отойти от полюса. Что же нам останется делать с таким «сухим» поездом? Вероятно, его и принимать-то не будет смысла.

День закончился киносеансом «Олеко Дундич». Немного путаный, хотя и динамичный фильм. Перед тем, как сесть за машинку, прошелся по мостику с Пал Коньчем. Ветер гонит рваные облака, сквозь которые просвечивает луна. Волны бесятся, хоть они и не слишком велики, а корабль упорно продолжает свой путь.

Идем во льдах. Это довольно рано, ведь до континента еще добрых 1300 километров. Все, конечно, понятно. Тыл малоподвижного циклона, того самого, которому полагается существовать у Земли Королевы Мод, пригнал сюда и лед, и линию конвергенции, которую мы уже встретили также раньше, чем думали, еще к вечеру 11 декабря.

Да, за эти несколько дней произошли большие события, о которых я еще не писал. Так вот, по порядку. 11-го декабря в 21 час на широте 45°28' ю.ш. и долготе 16°00' в.д. прошли зону резкого скачка температуры воды. Ход температуры был таким:

Время (гринв.+2 часа)	16	17	18	19	20	21	22	23
Температура воды, °С	11	10	10	9.6	7.2	4.3	4.0	3.6

Это – явный признак, что мы попали в другую водную массу, идущую со стороны Антарктики. Температура – наиболее характерный признак перехода через так называемую линию конвергенции, линию соприкосновения и сходимости антарктических вод с водами умеренных широт. Примечательно, что переход через линию конвергенции совпал с пересечением антарктического атмосферного фронта. Действительно, еще в срок наблюдений в 18 часов по Гринвичу, т.е. в 20 часов судового времени, температура воздуха была 10°С, а в следующий срок, 00 часов по Гринвичу, она понизилась до 4°С. В это время было пасмурно, шел дождь. Естественно, что воздух более подвижен, и атмосферный фронт не может всегда совпадать с линией конвергенции, но если фронт сам становится малоподвижным, то вода успевает догнать его, и они вместе занимают определенное место на продолжительное время. Давно уже у Земли Королевы Мод стоит малоподвижный циклон, и в тылу его, т.е. как раз в том секторе, в котором мы сейчас идем, преобладает южный ветер, который и пригнал сюда верхний слой воды. Итак, спустя ровно месяц после выхода из Ленинграда мы плывем уже в Антарктике – ведь линия антарктической конвергенции считается естественной границей Антарктики.

13-го утром вместо обычного «малого хурала» – диспетчерского совещания всех руководителей экспедиции, состоялось заседание научно-технического совета, на котором обсуждался вопрос о том, как будем действовать по приходе в Лазарев. Здесь нас ожидает, прежде всего, необходимость решить вопрос «быть или не быть» вообще станции в нашем сезоне. Наши предшественники – начальник 4-й экспедиции Дралкин и начальник станции Лазарев Кручинин, благополучно прозимовав на этой станции, решили

обезопасить себя хотя бы морально и заявляют о ненадежности станции. Ведь она стоит на шельфовом леднике и когда-нибудь должна оторваться вместе со льдом, который время от времени превращается в айсберги. Правда, никаких новых признаков возможного перехода станции в свободное плавание нет, но рассматривать такую возможность всегда следует. Хуже то, что трудно найти явные признаки, насколько близок момент этого неприятного события. Намечены некоторые изыскания по приходе на Лазарев, но, вероятно, наиболее действенной будет тщательная воздушная и наземная (вернее, ледовая) разведка, которая покажет (покажет ли?) состояние льда в настоящее время и те изменения, которые произошли с прошлого года.

Вечером было заседание партийного бюро, на котором обсуждался вопрос о разгрузочных работах. Все хорошо, но из 87 человек экспедиционного состава, оказывается, только 24 человека могут вести разгрузочную работу, а остальные будут заняты разными неотложными делами. Говорят, что вечером появились айсберги, но я их не видел. Может быть потому, что был в кино – вероятно, уже в 10-й раз смотрел «Разные судьбы». На редкость хороший фильм. И по смыслу, и по исполнению.

Так как на Земле Королевы Мод предстоят большие работы, причем план этих работ несколько изменился уже в последнее время, изменился в сторону их увеличения, связанного с организацией поезда от этой точки в нынешнем сезоне, потребовалось изменить и план работы авиации. Теперь главные авиационные силы останутся на летний период здесь. Поэтому придется оставить на это время здесь и синоптика А. М. Белоликова*, а в Мирном мне самому, возможно, с участием кого-либо из иностранных метеорологов, нести службу погоды в это время. Объявил об этом Белоликову, который, хоть и принимает это как должное, но несколько обеспокоен перспективой остаться на Лазареве с угрозой зимовать там. Но мне этот вариант более опасен, чем ему, и думаю, что все пройдет по плану, т.е. в феврале они перебазируются в Мирный самолетами.

С утра 14-го идем во льдах. Сначала это небольшие льдины, но вскоре они сменились большими полями, и «Обь» преодолевает их довольно просто. Вот теперь это уже явная Антарктика. Даже появились пингвины, правда, они вовсе не антарктические. Это, говорят, те пингвины, которые проживают и у Кейптауна. Они маленькие, смешно выныривают стайками из воды и снова, как дельфины, уходят под воду.

Сегодня вышел очередной, уже девятый, номер радиогазеты. Среди прочих материалов мы уделили порядочно места критике некоторых корреспондентов газет, которые пишут о нашем путешествии в таких тонах, что нас уже можно причислить, если не к числу прославленных героев, то по крайней мере к стойким великомученикам. В одной из таких корреспонденций, конечно, сочиненной самими членами редколлегии, говорилось: «Нас мотал

шторм, как говорят опытные моряки, силой в 20 баллов. Страшные волны прокатывались от юта до клотика и от киля до полубака, сокрушая шпангоуты, пиллерсы и бимсы, отрывая шкоты вместе с заклепками. Фальшборт трещал, снасти свистали, самолеты стонали, члены экспедиции, потревоженные качкой, ругались. В каюты поступала вода, но члены экспедиции бесстрашно отступали на заранее подготовленные позиции на верхних койках. Внизу пели «Варяга». Вещи свободно разгуливали не только по койкам, но и по потолку. Многие видели зловещие огни на концах мачт и «Летучего Голландца». Другие вспоминали маму. Качка происходила на критических углах. Те же очевидцы рассказывают, что концами мачт «Обь» зарывалась в волны. В этот момент капитан изменил курс, шторм кончился».

Последняя фраза имеет двойной смысл: во-первых, выходит, что качка была не слишком страшной, как об этом пишут некоторые корреспонденты, а во-вторых, это относится к тому, что можно было вести корабль несколько аккуратнее по отношению к волнам, чтобы не создавать излишнюю тряску.

Вечером, около 12 часов ночи, ко мне, как это стало теперь обычным, пришел Б. И. Ревнов, обладающий приятным баском, и мы немного потренировались в исполнении песен, в частности, «Белого айсберга». Пал Коныч при этом спокойно засыпает, а мы продолжаем свое. Это уже имеет свой термин: «А мы пока постреляем потихонечку».

16 декабря 1959 г.

Льды, льды, льды. Еще сегодня утром они были сравнительно слабые, как будто кем-то нарочно поломанные, чтобы нам было легче проходить между ними, но уже во второй половине дня стали появляться большие поля, и корабль не идет напрямик через льды, а старается лавировать между ними, виляя то влево, то вправо. Временами это рысканье применялось и в предыдущие дни, но не в такой степени. Наши радиолокационные наблюдения за радиозондом сильно страдают, так как получить при этом хорошие данные о ветре весьма трудно, а требовать сохранения курса все равно бесполезно – ведь скорость тоже не выдерживается. Делать остановки для наших работ вряд ли стоит, учитывая, что мы и без того опаздываем.

Сегодня уже и рысканье мало помогает – ледяных полей все больше и больше, и лед становится более мощным. Это видно хотя бы по тому, что вблизи корабля лед уже не ломается от волны. Сегодня первый раз корабль дал задний ход, после того, как войдя в лед, остановился, не сумев преодолеть лед сходу.

Вчера появились первые пингвины. Некоторые наши товарищи говорят, что это пингвины Адели. Я видел императорских. А ведь мы находимся еще очень далеко – вчера днем на 65°15' ю.ш. Это почти 900 км от континента

Антарктиды! Вот куда может загнать существо голод. Вероятно, дело не только в голоде. Ведь на пути в эти отдаленные края пингвины успели уже основательно подкрепиться, и могли пожелать вернуться в свою колонию. Видимо, спасаясь от косаток, они удирали «куда глаза глядят», а проводя немало времени на льду (опять-таки в целях спасения), были угнаны ветром, отогнавшем лед на почтительное расстояние к северу. Если это так, то эти пингвины, возможно, больше никогда не вернуться в свои колонии и обречены на гибель... Встречаются тюлени и морские леопарды. Этим проще.

Сейчас полночь, а солнце только недавно зашло, и пока еще совсем светло – южные белые ночи.

Мы готовы к приходу на станцию Лазарев. Уже составлены бригады по разгрузочным работам, определены роли всего состава по изысканию различных доводов для решения вопроса о судьбе станции. Сегодня уже в третий раз заседал научно-технический совет. На этот раз обсуждали план работы геолого-географического отряда в предстоящем сезоне на Земле Королевы Мод. Для геологов – это получение геологической карты, особенно горного района.

Началось массовое сочинение новогодних радиogramм. Я пишу в день по пять-шесть радиogramм. Осталось еще на пару дней работы таким темпом. Маечке заказал купить маме цветы к ее скорому дню рождения.

Сегодня днем широта 65°18' ю.ш., долгота 15°18' в.д. Скорость продвижения явно уменьшилась.

19 декабря 1959 г.

В последние пять дней не расстаемся со льдами. Вначале это были сравнительно простенькие льды, но далее они стали сплоченнее и мощностью более метра, хотя верхняя часть их – это не лед, а снег. Все же идти было трудновато. Временами попадались хорошие полыньи, но их было не так уж много. 17-го и 18-го посылали вертолет на разведку. Летчик А. Сафонов прекрасно взлетал и садился на вертолетную площадку корабля. Естественно, многочисленным фотографам было при этом много работы.

Характерно и то, что в эти два дня, наряду с чистым льдом, было и немало чистой воды. Каждый науковед стремится всегда видеть какое-то оправдание своих предположений. Так и я. Далекое распространение к северу льдов хорошо укладывается в мою схему положения льдов в зависимости от циклонической деятельности. Поскольку сказывается отжимная роль ветра, в этих секторах у континента лед должен быть менее сплоченным. Об этом я писал в печатающейся сейчас работе. И частые полыньи, когда на некоторое время забываешь, что идешь в ледовитом океане, несомненно, свидетельствуют именно об этом.

Сегодня рано утром подошли к шельфу Лазарева и вошли в припай. Вот и Антарктида. Ровный припай толщиной в метр, слева возвышается ровный массив шельфа, а справа группа красивых айсбергов. Сама станция в 7 милях отсюда, и еще предстоит пробиваться, чтобы облегчить разгрузку.

В 8 час. 30 мин. вертолет вспорхнул с корабля на припай, а вскоре, взяв на борт начальника экспедиции Короткевича, капитана «Оби» Дубинина и начальника станции Лазарев новой смены Дубровина, полетел на станцию. Минут через двадцать вертолет прилетел обратно. Рассказывают, что зимовщики все здоровы, выглядят хорошо, побриты, встретили весело. Над станцией развевается флаг.

И сразу же пошли известные уже картины: недалеко оказалась группа пингвинов Адели, и многие высыпали на лед позабавиться с ними. Пленки в этот день было загублено уйма.

Через пару часов прилетел аэролог Рукавишников и рассказал нам, как они зимовали. Все у них было хорошо. Никакой серьезной угрозы шельфу не видно, а айсберги, которые находятся поблизости, принесло с востока, за исключением одного, небольшого, оторвавшегося от шельфа в начале зимы.

21 декабря 1959 г.

В первый же день пребывания у шельфа Лазарева я тоже полетел на вертолете на станцию. Западный край шельфа хорошо выражен. Вдоль него характерный снеговой надув. Пролетаем над бухтой Воронина. Это залив, отделяющий часть шельфа. По-видимому, это первый кандидат на превращение в айсберг. Станция находится за этой бухтой и, похоже, еще не скоро может оказаться на угрожаемой части шельфа. Длинный ряд бочек ограничивает посадочную площадку. Собственно, на шельфе площадок можно натворить где угодно – поверхность всюду ровная. Видим станцию, которая основательно занесена, но крыша расчищена. Неподалеку торчит вышка аэрологического павильона, но она уже не так сильно возвышается, как это следовало бы. Идем на станцию, забираемся через люк, над которым сделана небольшая будка, так что приходится все же вползать, и далее спускаемся вниз по лестнице и попадаем в прекрасный дом. Здесь несколько комнат, уют-компания с электрической кухней, подсобные помещения, электростанция, радиостанция. В комнате радиостанции находятся также метеоуголки – аэрологический и метеорологический. Отдельная комната врача с большой фотографией некой патентованной красавицы в минимальном одеянии.

Теплая встреча со знакомыми, краткие разговоры, и идем смотреть площадку и павильон. Молодцы! Все сделано добротнo, хотя и придется кое-что переделывать. Через пару часов возвращаемся, также на вертолете, на корабль.

В этот день мало что делалось на корабле, но уже на следующий день были сгружены два самолета – ИЛ-14 и ЛИ-2 (самолет АН-2 был спущен в первый день и скоро начал летать вместе с вертолетом, перебрасывая людей на станцию и обратно). В тот же день разобрали площадку, на которой находился ИЛ, и тем самым открылся доступ к трюму. Поздно вечером начали сгружать «Малахит», наш радиотеодолит, и провозились до 12-ти ночи. Правда, ночь здесь довольно светлая – солнце практически не заходит.

Кое-какие ученые приступили к работам, связанным с необходимостью определения надежности шельфа, но уже и без того ясно, что он постоит еще немало времени, и станции ничего не угрожает. Не обошлось и без приключений – в первый же день гидрологи поехали на тракторе разведывать какие-то маршруты вблизи станции (километрах в 2-х), и трактор благополучно провалился в трещину, прикрытую снежным мостом. Все целы, но трактор пропал. На следующий день он окончательно свалился вниз, и его теперь не достать. Его не очень жаль, потому что он очень старый, и ресурса у него никакого уже не было, да и ходил он с перебоями. Но все же – лишнее напоминание, что здесь не асфальтовые дороги.

23 декабря 1959 г.

Сегодня – день рожденья Или. По этому поводу можно и не говорить ничего. Все и без того ясно. Сегодня мы с утра делали бы ей подарки под звуки какого-нибудь марша. И утром, и днем, и вечером понемногу выпивали бы и даже заставили бы виновницу тоже выпить, чего она не любит делать. Весь день мы даже старались бы быть хорошими, и, может быть, никакие случайности не омрачили бы этого дня. Сегодня мне немножко грустно и хотелось бы быть дома... Но я не дома, а здесь. Может быть, поэтому у нас сейчас пурга. Первая настоящая антарктическая пурга. Она началась 21-го вечером. Наша бригада так и не смогла проявить себя, как следует. Утром мы разгружали продукты для станции Лазарев и после 12 часов дня ушли отдыхать, а с нуля часов должны были заступить снова, но не тут то было – ветер усилился сначала до 15 м/сек, а в течение ночи и до 20 м/сек. Видимость ухудшилась, появились первые, сначала тоненькие, трещины во льду. Капитан отменил ночную разгрузку, а наутро пурга была сильной. Все началось с того, что небольшой циклон образовался в ложбине большого циклона к востоку от нас. Но мы уже знаем, что в этих краях циклоны иной раз движутся вспять, и не удивлялись такому обороту дела. К тому же и с запада приближался новый циклон, и объединение их не могло сулить ничего хорошего. Так и получилось. В эти два дня ветер доходил до 26 м/сек с порывами до 30–35 м/сек. Это, конечно, не бог весть какой сильный ветер, но и его оказалось достаточно, чтобы взломать припай не только

в той зоне, которую «Обь» уже прошла и при этом потревожила, но и несколько впереди. Теперь придется пробиваться снова и снова проверять дорогу на шельф.

Состав станции уже полностью сменился. Отзимовавшие отдыхают на корабле, куда они перебазировались, а новая смена приступила к своим функциям. Наши аэрологи молодцы – локатор запустили, и зондирование идет с данными о ветре, что хорошо помогает в прогнозах.

Сегодня я рассказал Игорю Владиславовичу Максимову кое-что из своих разработок, и он это хорошо подтверждает морскими данными. Теперь в наших общих интересах продолжать увязку атмосферы и моря, так как мы стали сообщниками.

А пингвинчики, которые встретили нас на припае, видимо, не из здешних мест – ведь здесь нет скал, а Адельки без них не живут. Но они держатся вблизи корабля, так как здесь интереснее для них и все-таки защита: они приближаются к борту, прячась от ветра. Но сегодня из-за подвижек льда им пришлось бегать с льдины на льдину. Бедняжки!

27 декабря 1959 г.

24-го погода начала немного улучшаться, и разгрузка пошла полным ходом. Сразу после завтрака бригада грузчиков, в которой участвовал и я, направилась на вездеходе на станцию Лазарев. Весь путь на стареньком вездеходе занял минут сорок. Сначала ехали около получаса по льду припая, а затем, въехав на шельф, еще минут 10–15 ехали по заснеженному леднику до станции.

Забыл отметить, что непогода несколько изменила обстановку. Лед взломало ветром и, видимо, докатившимися волнами, и в ночь на 24 декабря «Обь» начала пробиваться дальше. Утром мы спустились на припай по шторм-трапу, а корабль продолжал свой упорный труд долбежки льда.

С этого дня по 27 декабря продолжается разгрузка, и к настоящему времени она подходит к концу. Наша смена работала три раза. Один раз пять часов и два раза по двенадцать часов. Всего разгрузили 8+10+12 саней, не считая разных других разгрузочных работ сравнительно мелкого порядка. Если считать, что на каждых санях было от 12 до 15 тонн, а в бригаде 12 человек, то на каждого пришлось более чем по 33 тонны. Уставали, конечно, порядочно, но работа шла хорошо, с шуткой, постоянным розыгрышем то одного, то другого. После работы шли ужинать, вернее, обедать, а потом еще умудрялись смотреть кино до 2–3 часов и, окончательно уставшие, шли спать и, конечно, просыпали завтрак, едва успевая к обеду, а к 12 часам снова выходили на лед для поездки на работу на шельф.

Разгрузка закончена. Геологи и некоторые другие специалисты, в том числе и наш синоптик, готовятся к переходу на станцию, а мы, если сегодня

привезут двух «гравиков» (гравиметристов), работающих в оазисе Ширмахе-ра, можем ночью отчалить в дальнейший путь.

Предварительно особенностью условий погоды этого района представляется влияние циклонов, стационарирующих у берега Земли Королевы Мод. Эти «королевские» циклоны в общем ведут себя так же, как циклоны Земли Уилкса, но здесь это, по-видимому, ощущается резче, так как они здесь ближе к Лазареву, чем те, другие, к Мирному. Время от времени в горы забрасывает тепло, и там держится облачность, которая то и дело переносится к побережью. Хотя при этом она должна размываться, но одно дело «должна», а другое дело, что она может не успевать полностью размываться и затягивает небосвод. При этом ухудшается видимость, и создается полное впечатление, что наступает что-то страшное, а явно видимых причин к тому как будто и нет. Во всем остальном я не заметил отклонений от уже известных положений.

9 января 1960 г.

Целую вечность не писал дневника, хотя событий было за это время порядочно. К счастью, я все-таки записывал кое-что для газеты «Водный транспорт» и посылал сообщения. Вот они то и помогут восстановить пробелы, хотя можно просто приложить эти сообщения, и все будет само собой восполнено.

Итак, 28-го декабря утром отчалили от Лазарева. Кроме зимовщиков этой станции там остались на некоторое время (видимо, до середины февраля) геологи и состав нашего небольшого поезда, который попытается уже в этом сезоне продвинуться елико возможно вглубь континента, чтобы весной следующего сезона продвигаться дальше уже от этой точки. Это поможет и в отношении выносной станции в этом районе. С этой группой остается значительная часть нашей авиации. Временно остался и сам Короткевич, который должен был вскоре перелететь в Мирный на ИЛ-14.

А мы пошли восвояси. Сначала направились на север и снова стали долбить основательные льды, но уже 30-го вышли практически на чистую воду и резво неслись на восток. Чем дальше мы уходили к востоку, тем меньше должно быть распространение льдов к северу, а как только попали в восточную часть депрессии в районе Земли Королевы Мод, так вообще картина существенно изменилась. Здесь уже преобладают ветры к континенту, и льды оказываются прижатыми к берегу.

Как и следовало ожидать, я – председатель новогодней комиссии. Впрочем, каждый делает свое дело, а основное дело – хороший ужин, и мне здесь усилий прилагать нечего. Вот только выторговал у капитана вино-водочные изделия: по одной бутылке «Столичной» и одной бутылке шампанского

на четверых, да еще (при наличии охотников) неограниченное количество «Рислинга» за отдельную плату.

К 31.12 была состряпана и записана на пленку специальная программа радиогазеты с продергиванием кого только можно и шуточными поздравлениями. К вечеру слушали специальный новогодний концерт из Москвы, хотя было плохо слышно.

Вообще-то мы шли на сближение с японским судном «Сойя», чтобы вместе пробиваться к их станции Сева. Они, конечно, хотят идти с нами, чтобы мы пробивали им дорогу, а в свою очередь они, как потом высокопарно заявлял по радио японский руководитель антарктических работ, любезно согласились предоставить нам возможность выгрузить у них часть нашего авиабензина, чтобы можно было делать у них промежуточные посадки наших самолетов. В этот день мы уже отклонились к югу, но только к вечеру стали появляться более или менее плотные льды. Таким образом, кромка ледового пояса здесь отстояла от континента всего на пару сотен миль, в отличие от почти 900 миль на меридиане Лазарева. Это меня радует, поскольку вполне укладывается в мою схему.

Встреча Нового года прошла вполне нормально, как и полагается в таких случаях. Стол был прекрасный, а веселья всегда бывает достаточно, если его хотят сделать.

Я получил в общей сложности около 40 поздравительных телеграмм, побив все корабельные рекорды.

1-го января мы догнали «Сойю», обогнули ее, а затем вместе с ней пошли дальше к югу.

2-го остановились в 40 милях от станции и решили проводить разгрузку с этого места. Застрекотали три вертолета, один наш и два японских, и работа закипела. Нам нужно было выгрузить 80 бочек, а японцы решили за это же время выгрузить максимальное количество груза, чтобы уходить отсюда также вместе с нами. Одновременно начались всякие визиты к нам и от нас.

Для меня все эти операции прошли в особом плане. Утром 1-го я почувствовал сильную боль сзади в боку, и этот день был под угрозой почечного заболевания. На следующий день выяснилось, что у меня воспаление легких. Сразу была применена пенициллиновая атака, и объединенными усилиями врачей и господ Бога дело пошло на лад. 5-го я уже был на ногах, хотя и до сих пор считаюсь выздоравливающим и все делаю размеренно и подконтрольно.

Я не ездил на станцию и не ходил на японский корабль, но японские метеорологи дважды приходили ко мне, и мы рассуждали на разные темы. Они все лучше нас говорят по-английски, но все же мы говорили без переводчика.

5-го утром ушли от Севы. «Сойя» вышла вместе с нами. Она рассчитывает еще вернуться к своей базе через некоторое время, когда ледовая обстановка

будет проще (лето еще не сделало всех своих дел), а пока там остались некоторые работники, и вся зимовка (старая) вместе с новым составом.

6-го «Сойя» попрощалась с нами, капитан и начальник экспедиции прислали благодарность капитану «Оби», и мы разошлись.

Мы пошли на восток. Еще нужно забросить горячее на Моусон, австралийскую базу. Осложняет дело то, что бельгийцы оказались затертыми во льдах вблизи своей станции и просят помощи, т.е. провести их к своей станции и вывести потом на чистую воду. Хорошенькое дело! А кто обеспечит сохранность припая в Мирном, пока мы будем помогать другим?

Пока что сегодня мы подошли к Моусону. По пути к станции мы прошли такую чудесную зону айсбергов, какую я еще никогда не видел. Их уйма, и они самые разнообразные. Хорошая погода помогала этой сказочной картине. На континенте видны горы Земли Эндерби, а сама станция тоже закрыта островами и небольшими горами. Вошли в припай.

12 января 1960 г.

Сегодня два месяца нашего плавания. Это очень долго и, прямо скажем, надоело. После Кейптауна жизнь шла разнообразно, но и этого удовольствия нам можно бы поменьше. А ведь это только начало, и впереди год зимовки, и лишь потом возвращение. Но прочь эти упадочнические мысли, тем более, что в действительности их и нет. Наоборот, кажется, что по прибытии в Мирный, а это будет завтра вечером или послезавтра утром, сразу пойдет такая заваруха, и столько дел нужно будет начинать сызнова, что этот период плавания покажется с горошинку. А скучать скучаем. И даже очень. И чем дальше от дома, тем лучше кажутся все мои близкие. Вот где лучший способ видеть всех в розовейшем свете!

Но, за дело! И так, 9.01 прибыли в Моусон. Всю ночь пытались форсировать припай, чтобы вплотную приблизиться к станции, но не тут-то было. Лед довольно крепкий, и не стоит тратить драгоценное время на его долбежку. Все-таки мы на расстоянии километров восьми, и это уже пустяки для вертолета. Полеты вертолета начались еще вечером, так как Короткевич на самолете ИЛ-14 вылетел из Лазарева и должен был пролетать Моусон с возможной посадкой, и наши пилотыги полетели присмотреть посадочную площадку на леднике за станцией. Но самолет пролетел мимо и правильно сделал. Нечего терять время, тем более, что погода пока хорошая, а горячего у них хватало.

Утром 10-го начались перевозки бензина, и одновременно пошли визиты. Туда полетели начальники, а вскоре они, т.е. австралийцы, прилетели на корабль – все, за исключением одного дежурного. Это значит человек 20. С ними мы встречаемся не впервые, и поэтому встреча была очень

дружеской. Некоторые даже нашли знакомых. Меня узнал один летчик, который был на «Тала Дан», когда этот корабль приходил в Мирный. Другие знали меня от своих предшественников, и поэтому получилась сразу теплая компания. Много говорили о деле, рассказывая друг другу о новостях экспедиции и ближайших планах.

После небольшой закуски с соответствующим возлиянием все австралийцы и многие из нас полетели на Моусон. Хорошая станция. Десятка полтора металлических домиков удобно разместились на каменном острове, летом там снега вовсе нет, а зимой все же надувает. Домики удобные. У каждого своя келья: столик, шкафчик и койка, поднятая над столиком. Компактно и удобно. Возле домиков стоят два легких самолета «Бивер». Оба без крыльев: ураган, пронесшийся здесь только 28 декабря и достигавший 50 м/сек, обескрылил эти самолеты. Просторный рабочий домик метеорологов, небольшая газогенераторная, скромная метеоплощадка. В одном из домиков бар – стойка с напитками, сигаретами, конфетами, радиола с пластинками, пианино, уйма журналов. Быстро осмотрели все, что хотели, и улетели к себе. Выгрузка бензина тем временем уже закончилась, и нужно было спешить. Сразу же, как только мы прилетели обратно, корабль развернулся и ушел.

И вот мы снова плывем, теперь уже прямо к Мирному. Сегодня была моя лекция. Прошла нормально, как всегда бывает в таких случаях. Рассказывал о результатах выполненных работ, о наших планах. Было много вопросов.

Ну, кажется, на этом заканчивается «предмирненская» часть дневника. Заканчивается преддверие, и по-настоящему начинается второй круг.

В добрый час нам и тем, кто остался дома!

БИОГРАФИЯ О. Г. КРИЧАКА

Оскар Григорьевич Кричак родился 8 ноября 1911 года в поселке Константиновка (Донбасс) в семье служащего (отец – бухгалтер, мать – домохозяйка). Семья вскоре переехала в Ленинград, в котором прошли школьные и юношеские годы Оскара Григорьевича.

Закончив школу, О. Г. Кричак поступил на работу в Главную геофизическую обсерваторию в качестве научно-технического сотрудника. Именно в ГГО произошло его знакомство с метеорологией, и на всю жизнь утвердилась преданность наукам об атмосфере. В 1931 году он стал студентом Московского гидрометеорологического института (МГМИ) и одновременно научным сотрудником отдела аэрологии Государственного геофизического института (позднее Центрального института экспериментальной гидрологии и метеорологии), где Оскар Григорьевич подготовил научную работу по анализу и использованию в службе погоды результатов аэрологических наблюдений.

По окончании МГМИ в 1935 году О. Г. Кричак был направлен в Киев в Украинское управление Гидрометслужбы и был назначен старшим специалистом отдела аэрологии и временно начальником Бюро погоды. Здесь им были опубликованы работы «Материалы к аэросиноптической характеристике климата Украины» и «Полеты на аэростатах как метод исследования атмосферы» (на материале первого полета Оскара Григорьевича на аэростате Славянского аэроклуба).

В конце 1936 года О. Г. Кричак переходит на работу в Москву в Центральный институт погоды, впоследствии Центральный институт прогнозов (ЦИП), на должность старшего синоптика, а затем руководителя группы специальных исследований. К этому времени относится возникновение его интереса к исследованиям полярных районов. В 1937 году им была опубликована работа, посвященная анализу связи дрейфа станции «Северный полюс» с ветровым режимом в Центральной Арктике. Становление Кричака как ученого-синоптика происходило под влиянием профессора С. П. Хромова, к которому Кричак поступает в аспирантуру. К этому же времени относится начало совместной работы Оскара Григорьевича с Семеном Семеновичем Гайгеровым, который также стал известным метеорологом, посвятившим значительную часть своей жизни аэрологическим исследованиям полярных районов. Будучи еще молодыми людьми и увлекаясь воздухоплаванием, О. Г. Кричак и С. С. Гайгеров вместе начали исследовательские полеты на аэростатах. В 1940 году по их инициативе в Долгопрудном, под Москвой, была создана аэрологическая обсерватория Центрального института

прогнозов, которую возглавил О. Г. Кричак (впоследствии на ее основе была создана Центральная аэрологическая обсерватория – ЦАО). Деятельность обсерватории основывалась на широком использовании разнообразных воздухоплавательных средств, самолетных и радиозондовых наблюдений. Основными же средствами в эти годы были свободные аэростаты. Целью исследований было усовершенствование методики прогноза погоды, в особенности для обслуживания авиации. Изучалась структура облачности, турбулентности и радиационные процессы. Использование аэростатов создавало благоприятные возможности для изучения трансформации движущегося воздуха, чему Кричак посвятил серию работ. Совершались длительные и высотные полеты. При этом был побит ряд мировых воздухоплавательских рекордов. Во многих полетах Оскар Григорьевич принимал личное участие.

В 1940 году О. Г. Кричак завершил подготовку диссертации, посвященной типизации синоптических процессов над Европой. Начавшаяся война помешала представить эту работу к защите, однако работа приобрела особую важность в военное время как методическое пособие для составления оперативных прогнозов в условиях ограниченности информации (прогноз по «обрезанной карте»). Эта работа была защищена в качестве кандидатской диссертации в 1948 году.

С самого начала Великой Отечественной войны О. Г. Кричак находился в рядах Красной Армии. В ответственный период обороны Москвы он был назначен начальником отдела (главным синоптиком) Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС). Прогнозы погоды составлялись при непосредственном участии Оскара Григорьевича. В их числе был и прогноз на 7 ноября 1941 года – день проведения парада в Москве на Красной площади. В начале ноября в Москве стояла безоблачная погода, способствовавшая постоянным налетам вражеской авиации. В таких условиях проводить парад означало рисковать жизнью многих людей. Окончательное слово было за синоптиками, а они ожидали приближения теплого фронта с обширной зоной облачности и осадков. Прогноз оказался точным, и под прикрытием облачности парад удалось успешно провести.

Для оперативной работы ГАМСа требовались данные зондирования атмосферы, выполняемого аэрологической обсерваторией, где оставался работать С. С. Гайгеров. Активные действия нашей авиации нуждались в разведке погоды. Кричаком были организованы краткосрочные курсы по подготовке штурманов для выполнения этой задачи, предполагавшие также обучение разведчиков погоды воздушной стрельбе. Оскар Григорьевич разработал код для передачи результатов разведки по радио. Разведка погоды сначала выполнялась тремя специально выделенными самолетами Пе-2, а впоследствии – силами авиадивизии дальнего действия.

До окончания войны О. Г. Кричак оставался в армии в должности начальника метеобюро воздушной армии Карельского и затем 3-го Украинского фронтов. В числе военных наград Оскара Григорьевича – медали «За оборону Москвы», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орден Красной Звезды.

После войны О. Г. Кричак возглавил авиационно-аэрологическое управление при Главном управлении Гидрометслужбы и занимался восстановлением и развитием сети аэрологических станций СССР.

С начала 1950-х годов О. Г. Кричак возвращается к научной работе в Центральном институте прогнозов. Одновременно он становится заместителем главного редактора журнала «Метеорология и гидрология» и преподавателем Московского гидрометеорологического техникума в Кучино. Среди научных работ, выполненных им в это время, широкую известность получила работа «О генетической классификации облаков», имевшая непосредственное отношение к прогнозу погоды.

Большое значение приобрел изданный в 1956 году учебник О. Г. Кричака «Синоптическая метеорология», в котором содержались результаты его научной, практической и педагогической деятельности. Учебник стал подспорьем для многих поколений студентов гидрометеорологических институтов и техникумов.

С 1956 года начинается новый этап научной деятельности Оскара Григорьевича, связанный с проведением в 1957–1958 годах Международного геофизического года (МГГ). Одной из главных задач МГГ было совместное исследование Антарктиды учеными ведущих стран мира. Кричак непосредственно занимался подготовкой программы этих работ. Он не расставался с антарктической тематикой до конца жизни, возглавляя аэрометеорологические отряды 2-й Комплексной и 5-й Советской антарктических экспедиций.

Аэрометеорологический отряд 2-й КАЭ выполнял полный комплекс метеорологических, актинометрических и аэрологических наблюдений в обсерватории Мирный и на только что созданных внутриконтинентальных станциях, открытие которых к началу МГГ было одной из главных задач экспедиции: Оазис Бангера, Пионерская, Комсомольская, Восток-1 и Восток. В отряде 2-й КАЭ вместе с О. Г. Кричаком работали такие известные метеорологи, как С. С. Гайгеров и В. И. Шляхов.

Несмотря на то, что аэрологическое зондирование требовало поистине героических усилий в связи с преобладанием сильных ветров, Мирный стал единственным пунктом в Антарктиде, где с абсолютной регулярностью проводилось ежедневное четырехразовое зондирование. Чтобы избежать срывов выпуска радиозондов при сильном ветре, О. Г. Кричак и инженер-аэролог И. А. Попов разработали конструкцию специальной аэрологической вышки, позволившей выпускать радиозонды при ветре более 35 м/сек.

Под руководством Оскара Григорьевича в Мирном работало бюро погоды, ежедневно строились приземные синоптические и аэрологические карты, успешно составлялись прогнозы погоды, что было не просто из-за редкой сети станций и поэтому недостаточности информации.

В экспедиции об Оскаре Григорьевиче было написано четверостишие:

Предскажет вьюгу и морозы,
Укажет холода очаг
В своем блистательном прогнозе
Оскар Григорьевич Кричак.

Научные сотрудники отряда, в том числе и О. Г. Кричак, регулярно докладывали о своей исследовательской работе на Ученом совете КАЭ.

Содружество с летным отрядом помогало выполнять самолетное зондирование атмосферы. Аэрометеорологический отряд провел более 40 научных полетов на самолетах, включавших вертикальное зондирование атмосферы над континентом, прибрежной зоной и океаном. Оскар Григорьевич лично участвовал во многих полетах. Практически важной оказалась предложенная им методика определения с самолета высоты поверхности ледяного континента над уровнем моря как разности высоты над уровнем моря по метеорографу и над поверхностью льда по радиоальтиметру. Этот простой и достаточно точный метод позволил в короткий срок определить высоты по всему профилю от Мирного до Южного геомагнитного полюса.

Кричак был душой экспедиции. В его присутствии часто слышались шутки и смех. С ним было легко в самых трудных ситуациях. Сохраняя неизменную доброжелательность к людям, он умел зажечь окружающих интересом к работе.

Начальник 2-й КАЭ Алексей Федорович Трёшников в характеристике, данной О. Г. Кричаку по завершении экспедиции, отмечает его «настойчивость в сочетании с трезвой оценкой общей обстановки, мужество в сочетании со спокойствием и рассудительностью, дружеское и заботливое отношение к товарищам по работе, веселый и общительный характер, что способствовало во многом успеху в работе отряда и экспедиции в целом».

Наряду с напряженной работой, Оскар Григорьевич взялся руководить самодеятельностью, что оказалось очень важным в условиях зимовки, вдали от дома.

Музыка была второй страстью Оскара Григорьевича. Будучи талантливым музыкантом-самоучкой, еще подростком он работал тапером в ленинградских кинотеатрах, «озвучивая» немое кино. Позднее играл в самодеятельном оркестре народных инструментов, любил слушать музыку, а также импровизировать за фортепьяно дома, в кругу семьи. Имея от природы абсолютный музыкальный слух и играя на различных инструментах, он организовал

в период 2-й КАЭ ансамбль «Сосулька» (труба, мандолина, две гитары, два баяна) и написал несколько мелодичных, всем полюбившихся песен. Еще на пути во 2-ю КАЭ была написана песня «Пусть грозен шквал» – на слова участника экспедиции метеоролога Сергея Смирнова. Уже в Мирном Оскара Григорьевича вдохновили стихи участника зимовки журналиста Анатолия Введенского. Так родилось еще шесть песен. Наиболее популярными стали «Антарктический вальс» и «Белый айсберг». Была написана также песня на слова участника зимовки Ивана Бородачёва – «Скоро домой». На концертах «Сосульки» солировал, как правило, шеф-повар Мирного Владимир Загорский, обладавший хорошо поставленным баритоном.

Позже Оскар Григорьевич написал еще две песни – «Застольную» на слова Роберта Бернса и песню «Ранний путник» – на слова поэта Николая Доризо.

Период после возвращения из 2-й КАЭ был очень плодотворным в жизни Оскара Григорьевича. Он сделал ряд докладов, в том числе и на симпозиуме по проблемам Антарктики на Ассамблее МГГ в Москве в 1958 году, подготовил по результатам антарктических исследований несколько научных работ, наиболее важная из которых – «Особенности атмосферной циркуляции над Антарктикой и ее связь с общей циркуляцией южного полушария». Было обнаружено значительное влияние антарктического континента на замедление движения и стационарирование циклонов в ряде районов побережья, развитие наряду с зональными циркуляционными процессами процессов меридиональных, сопровождавшихся проникновением циклонов на материк. При этом анализировалась зависимость расположения отрогов антарктического антициклона от расположения гребней антарктического ледника.

Увлечшись антарктической тематикой, Оскар Григорьевич в 1959 году снова возглавил аэрометеорологический отряд в составе 5-й САЭ. Экспедиция отправлялась из Ленинграда на дизель-электроходе «Обь». На посвященном этому событию концерте, который был организован в Ленинградском Доме Радио, исполнялись песни Оскара Григорьевича. В их числе была новая песня «Пожелай удачи», написанная на только что опубликованные стихи поэта Константина Ваншенкина. Второе четверостишие этого стихотворения:

«Там повсюду снег да лед,
Гольй камень серый.
Экспедиция идет
Далеко на север...»

– О. Г. Кричак заменил другим вариантом:

«Там повсюду снег да лед,
Все метель и вьюга.
Экспедиция идет
Направленьем к югу...»

На «Оби» была написана также песня «Дорожная» – на слова Анатолия Введенского, который пришел проводить экспедицию и подарил стихи Оскару Григорьевичу, посвятив их 5-й САЭ. Новые песни с большим успехом были исполнены во время плавания на концерте в связи с прохождением экватора.

В мемуарах «Писательский Клуб» поэт Константин Ваншенкин вспоминал, что вскоре после того, как стихотворение «Пожелай удачи» было опубликовано в газете «Правда», он получил радиogramму: «Москва Воровского Союз писателей поэту Константину Ваншенкину – 28 ноября дэ Обь направляющемся Антарктиду вечере самодеятельности связи прохождением экватора впервые была исполнена ваша песенка Пожелай удачи мелодия моя тчк Успех объясняю прежде всего вашим искренним текстом близким каждому участнику экспедиции привет южного полушария – Кричак – ».

Далее Ваншенкин пишет: «Согласитесь, приятно. Кто этот Кричак? Ясно, один из ученых-зимовщиков. Интересно с ним будет потом встретиться. (Его хорошо знал Юхан Смуул, ходил с ним в предыдущую экспедицию, после которой написал «Ледовую книгу». Он сходу назвал мне несколько других его песен: «Антарктический вальс», «Белый айсберг», – Кричак был там признанным бардом). Я послал на борт дизель-электрохода ответную телеграмму с пожеланием удачи...»

Потом было напечатано сообщение о трагической гибели в Антарктиде нескольких наших зимовщиков. В том числе Оскара Кричака... С тех пор печатаю эти стихи с посвящением "Памяти Оскара Кричака"...».

В программу работ 5-й САЭ, наряду со стандартными наблюдениями, по инициативе Кричака было включено увеличение сети аэрологических станций путем создания системы временных выносных станций в прибрежном, прилегающем к Мирному району, в наиболее интересное для метеорологов время – зимой, когда обостряются контрасты температуры между ледяным континентом и океаном. С помощью авиации было создано три таких станции: Дружба – на западном шельфовом леднике в 300 км к западу от Мирного, Мир – на острове Дригальского в 90 км к северо-востоку от Мирного и Победа – на гигантском айсберге, севшем на мель на расстоянии 350 км к северо-востоку от Мирного. Станции осуществляли аэрологическое зондирование в течение июня и июля 1960 года. Результаты выпуска радиозондов на выносных станциях позволили впервые построить для Антарктиды вертикальные разрезы атмосферы до высоты 20 км.

Наблюдения были завершены 2 августа, и персонал станций вернулся в Мирный. А в ночь на 3 августа произошла трагедия – в доме аэрометеостанции возник пожар.

Застигнутые врасплох спящие люди не справились с бушевавшим огнем и не смогли выйти из дома, до крыши занесенного снегом. При ураганном ветре более 50 м/сек им невозможно было оказать помощь. Пожар унес

жизни О. Г. Кричака и семерых его товарищей: А. Л. Дергача, И. А. Попова, А. З. Смирнова, А. М. Белоликова, В. И. Самушкова, чеха Олдржиха Костки и немца Ганса Христиана Поппа. Они были похоронены на кладбище Мирного на острове Буромского, одном из островов группы Хасуэлл.

«Склоните головы сюда приходящие. Они отдали жизнь в борьбе с суровой природой Антарктики» – написано на бронзовой доске, установленной на скале острова Буромского.

Несмотря на свою короткую жизнь, Оскар Григорьевич Кричак много успел сделать. Он обладал даром любить жизнь, любить людей. И люди платили ему тем же.

Участники российских антарктических экспедиций, опубликовавшие воспоминания о 2-й КАЭ и 5-й САЭ, посвятили много теплых слов Оскару Григорьевичу Кричаку.

Можно назвать некоторых авторов: А. Ф. Трёшников – «Закованный в лед», эстонский писатель Юхан Смуул – «Ледовая книга», А. А. Введенский – «В снегах крайнего юга», С. С. Гайгеров – «Слово о друге», Gordon D. Cartwright «I lived With the Russians in Antarctica» (Гордон Д. Картрайт «Я жил с русскими в Антарктиде»), П. Д. Астапенко – «Путешествие за тридевять земель».

В 1989 году вышла книга «Antarctic Comrades. An American with the Russians in Antarctica» (Антарктическое братство. Американец с русскими в Антарктиде), написанная геофизиком Гилбертом Дьюартом, зимовавшим в 5-й САЭ на станции Мирный. Ниже приводится перевод фрагмента этой книги:

«Я ощущал потерю Оскара Кричака особенно глубоко. Основой нашего взаимного притяжения сначала была музыка. Оскар проявлял живой интерес, критический и эмоциональный, к моим джазовым записям...»

Наша дружба, однако, выходила за пределы общих музыкальных вкусов. Оскар был очень откровенен и искренен во многих наших разговорах, и я много узнал от этого мудрого и либерально настроенного человека. Он был глубоким оптимистом, жизнерадостным человеком, обладавшим величавой внешностью, с густыми черными усами и искрящимися глазами. Оскар был неистощим на каламбуры и шутки. Фактически он был одним из немногих известных мне людей, которые были достаточно остроумны, чтобы их шутки были веселыми на обоих языках...

Но он был чрезвычайно серьезен по отношению к своей музыке и своей науке. Оскар щедро делился своими талантами, знаниями и временем. Он всегда готов был помочь мне в любой моей проблеме, анализируя различные «за» и «против», при необходимости заступаясь за меня и помогая чем мог осуществлению моих замыслов. Я думаю, его главные побуждения были очень просты. Он искренне любил людей и радовался общению с ними. Для него не было национальных различий».

Оскару Григорьевичу посвящено стихотворение Анатолия Введенского:

ПАМЯТИ ДРУГА

Метет пурга. Колючий снег неистов.
Над континентом – леденящий мрак.
Под небом хмурым, беспросветно мгlistым
Спит вечным сном мой друг Оскар Кричак.

Нависли скалы над его постелью,
Искрится льда причудливый кристалл,
Как будто бы волшебной акварелью
Его мороз-художник написал.

На глади камня – вязь имен знакомых.
Под плексиглазом – с Родины венки
Тем, что погибли вдалеке от дома,
Как в океане гибнут моряки.

Не часто остров посещают люди.
Путь на него лишь мужеству открыт.
Но кто из нас, соратников, забудет
До боли в сердце дорогой гранит?

Метет пурга. Колючий снег неистов.
Над континентом – леденящий мрак.
Под небом хмурым, беспросветно мгlistым
Спит вечным сном наш друг Оскар Кричак.

Именем Кричака названа бухта, 68° 28' ю.ш., 151° 16' в.д., на северном побережье Земли Виктории (Берег Георга V). На карте Антарктиды есть также ледник Кричака (73° 02' ю.ш., 68° 29' в.д.).

О. Г. Кричак посмертно занесен в Книгу Почета Гидрометцентра России и Книгу Почета Центральной аэрологической обсерватории.

Песни Оскара Григорьевича были исполнены на Исторической презентации музыки Антарктики на праздновании 50-летия Договора об Антарктике в Вашингтоне в Смитсоновском институте в декабре 2009 года инструментальным трио «Левый берег» в составе Алана Купера (Геологическая служба США, Стенфордский Университет), Джулианы Стаффорд (Геологическая служба США), Лари Шемеля (Геологическая служба США) и тем же трио на концерте в Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге в мае 2012 года.

Звуковые файлы песен размещены на сайте ААНИИ:

http://www.aari.aq/audio/audio_ru.html

Кричак Мая Оскаровна

ОСКАР КРИЧАК

П Е С Н И

ПЕРИОДА 2-й
КОМПЛЕКСНОЙ
и 5-й СОВЕТСКОЙ
АНТАРКТИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ

АНТАРКТИЧЕСКИЙ ВАЛЬС

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

Em7b5 Dm A7 Dm Dm

1. Вспо- мни, то ва- ринц, не- дав- но то бы- ло- Мир- ный вдруг вы- рос вда- ли, _____ и пе- ред на- ми прос

A7

то- ры от- кры- лись э- той хо- лод- ной зем- ли _____ Быст- ро при- вык ты к у- сло- ви- ям

Dm D7

Gm C7 F Em7b5 Dm

но - вым, хоть Ан- тарк - ти - да - не Крым, _____ и твой не - дав- ний, твой но- вый зна

¹A7 Dm | ²A7 Dm

ко - мый стал те - бе слов- но род- ным, _____ стал те - бе слов- но род- ным.

1. Вспомни, товарищ, недавно то было –
Мирный вдруг вырос вдали,
И перед нами просторы открылись
Этой холодной земли.

Быстро привык ты к условиям новым,
Хоть Антарктида не Крым,
И твой недавний, твой новый знакомый
Стал тебе словно родным.

2. Трудно бывает, товарищ, порою,
Жизнь здесь не так уж легка,
Вот почему самой высшей ценою
Ценится друга рука.

Здесь, в Антарктиде, науке мы служим,
Славной отчизне своей,
Если друг рядом – и трещины уже,
И ураганы слабей.

3. Ветра порывы нам кажутся тише –
Так всегда счастливы мы
В час тот отрадный, в который мы слышим
Голос родной из Москвы.

Каждому хочется лучше трудиться,
Милой почувствовав взгляд,
Пусть же пурга беспощадная злится –
Люди ее победят.

4. Дни пробегут нашей славной зимовки,
Встретят любимые нас.
Дома, в привычной родной обстановке,
Ты поведешь свой рассказ.

И, не страшась никаких расстояний,
Вспомнишь красу здешних мест,
Сполохи южнополярных сияний
И в вышине южный крест.

5. Родины нашей заботой согретый
Ты отступить не привык,
Значит, откроет свои нам секреты
Дальний шестой материк.

Пусть ураган, надвигаясь, грохочет –
Мы здесь с тобой не одни.
Ярко горят в антарктической ночи
Берега Правды огни.

МАРШ ПОЛЯРНИКОВ АНТАРКТИДЫ

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

1. Вдали от
 Ро_ди_ны, но гор_до как над не_ю, в кра_ю зем_ли, по_кры той веч_ным
 льдом, зи_мов_ки на шей флаг баг_ря_ный ре_ет, здесь мы, -дру_
 зья - по_ляр_ни_ки жи_вем, зи_мов_ки на шей флаг баг_ря_ный
 ре_ет, здесь мы, -дру_зья - по_ляр_ни_ки жи_вем. 2. На сла_в_ный ным.

1. Вдали от Родины, но гордо, как над нею,
 В краю земли, покрытой вечным льдом,
 Зимовки нашей флаг багряный реет,
 Здесь мы друзья - полярники живем.
2. На славный подвиг нас с тобой страна послала
 В места, в какие редко кто проник.
 Таит различных трудностей немало
 Суровый дальний этот материк.

3. Здесь край пурги седой, морозов небывалых,
 А ураганы яростны и злы,
 Стоит наш Мирный на угрюмых скалах
 На берегу земли полярной мглы.
4. Не преградят пути нам застрогов отроги
 И тягачей не остановят бег,
 Вглубь Антарктиды проведет дороги,
 Пройдет везде советский человек.
5. С природой в схватке нашей Родины задание
 Трудом упорным с честью завершим,
 И через год весной чудесной ранней
 Придем с победой к берегам родным.

ЗРЯ ГОВОРЯТ (Шуточная песня)

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

1. Вче_ра ре_бя_та где - то лед гру_зи_ли, при э_том тра_ктор в тре_щи_ну по_пал. Как жаль: ме_ня о_ни по_звать за_бы_ли, тог_да си_я в ра_бо_чий день не спал. Зря го_во_рят, что о_чень лю_бим не_гу мы, в от_вет по_кле_пам ска_жем без при_крас: "Ведь от ра_бо_ты во_вс_е мы не бе_га_ем, са_ма ра_бо_та бе_га_ет от нас. 2. При у_ра_гане, са_ма ра_бо_та бе_га_ет от нас.

1. Вчера ребята где-то лед грузили,
При этом трактор в трещину попал.
Как жаль: меня они позвать забыли,
Тогда б и я в рабочий день не спал.

Припев: Зря говорят, что очень любим негу мы,
В ответ поклепам скажем без прикрас:
«Ведь от работы вовсе мы не бегаем,
Сама работа бегаёт от нас».

2. При урагане зонд раз запускали.
Покрылись лица коркой ледяной.
Как жаль, меня при этом не позвали,
Мне предоставив вроде выходной.

Припев.

3. А как-то раз дежурил я по дому,
Заполнил мусор в доме все углы,
Но, как на грех, пришел ко мне знакомый,
Да и к тому же не было метлы.

Припев.

4. А вот на днях расчистили заносы,
Трудились все отменно, кто как мог.
Меня в тот день замучили поносы,
И я ребятам вовсе не помог.

Припев.

5. И так всегда – желаешь потрудиться,
Свой труд друзьям, как водится, отдать,
Вдруг угораздит крепкого напиться,
Ну а потом приходится страдать.

Припев.

БЕЛЫЙ АЙСБЕРГ

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

A7 Dm
 E7 Am H7 E7 Am Am H7
 E7 F H7 E7 Am
 C G7 C H7
 C F7 Am
 H7 E7 Am G7 C
 F C Dm Am
 A7 Dm
 E7 Am H7 E7 Am

1. Бе_лый айс_берг плы_
 вет и не_у_спев_шей по_мерк_нуть но_чи, ле_дя_ной о_ке_
 ал на_ше суд_но не_сет на_гру_ди. Мой при_вет, вер_ным_
 серд_цем со_гре_тый, род_на_я, при_ми. Не пе_чаль_ся, что на_шей раз_
 лу_ки пре_дел впе_ре_ди. Ве_рю – лю_бишь и ждешь точ_но так же, как
 я те_бя жду, э_та ве_ра по_мо_жет до_ро_гу к те_бе о_тыс_кать.
 Я к те_бе пос_ле дол_гой раз_лу_ки, друг вер_ный, при_ду. На_ши
 встре_тятся, зна_ю, для сча_стья до_ро_ги о_пять. 2. Так у_

1. Белый айсберг плывет в не успевшей померкнуть ночи,
Ледяной океан наше судно несет на груди.
Мой привет, верным сердцем согретый, родная, прими.
Не печалься, что нашей разлуке предел впереди.

Верю – любишь и ждешь точно так же, как я тебя жду,
 Эта вера поможет дорожку к тебе отыскать.
 Я к тебе после долгой разлуки, друг верный, приду.
 Наши встретятся, знаю, для счастья дорожки опять.

2. Так услышь мой привет из далеких Антарктики вод.
Я с тобою, я рядом, хотя Ленинград далеко.
Пусть не кажется долгим разлуки томительный год,
Ведь и мне без тебя точно так же, поверь, не легко.

Со стены, где висит драгоценный любимой портрет,
 На меня устремлен твой всегда согревающий взгляд,
 В нем забота, и ласка, и верности нашей привет.
 Мне о многом, о многом родные глаза говорят.

ВЕРНОСТЬ

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

1. На шу дружба с тобой, твой платок голубой ни когда и ни

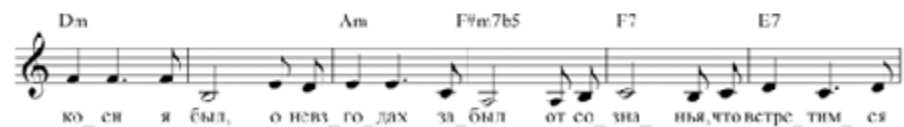
где не забыть. Помню день тот, когда ты к причалу при

шла в антарктический рейс проводить. Здесь в далеком кра

ю верил в дружбу твою, здесь во льдах к тебе крепла любовь. И спо

коен я был, о невзгодах забыл от сознания, что встретимся

вновь. И спокоен я был, о невзгодах забыл от со

знаешь, что встретимся вновь. 2. Шарф, что

1. Нашу дружбу с тобой, твой платок голубой
Никогда и нигде не забыть.
Помню день тот, когда ты к причалу пришла
В антарктический рейс проводить.
Здесь в далеком краю верил в дружбу твою,
Здесь во льдах к тебе крепла любовь.
И спокоен я был, о невзгодах забыл
От сознания, что встретимся вновь.
2. Шарф, что связан тобой, этот дар дорогой,
И в мороз сердце мне согревал.
И заботу твою, и улыбку твою
Я в разлуке не раз вспоминал.
В путь обратный вчера отошли мы с утра
К милым сердцу родным берегам.
Пусть бушуют ветра, наступает пора
В нашем городе встретиться нам.

РАЗДУМЬЕ

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

еи_да_люб_ви, что не тро_нет мо_роз ни_ка_кой. От_то_го ты, мой
 друг, ни_ког_да не бы_ва_ешь уг_рю_мым, что час_тень_ко в меч_тах
 у_ле_та_ешь на кры_льях до_мой. От_то_го ты, мой друг,
 ни_ког_да не бы_ва_ешь уг_рю_мым, что час_тень_ко в меч_тах
 у_ле_та_ешь на кры_льях до_мой.
 ста_лась сто_рон_ка род_на_я, где час встре_чи со мно_ю по_дру_га лю_б_и_ма_я
 жде_т. Спит с улы_б_кой не_дав_но о_кон_чив_ший вах_ту при_ятель.
 Вид_но, сном уне_сен он от_сю_да в род_ны_е кра_я.
 Здесь, в Ан_тарк_ти_ке, каж_дый хо_тя бы не мно_го меч_та_тель,
 и в меч_тах не_пре_мен_но под_ру_га, де_тиш_ки, се_мья. К ним, да_ле_ким
 род_ным, ни_ни_чувст_ва, на_деж_ды и ду_мы, и все

еи_да_люб_ви, что не тро_нет мо_роз ни_ка_кой. От_то_го ты, мой
 друг, ни_ког_да не бы_ва_ешь уг_рю_мым, что час_тень_ко в меч_тах
 у_ле_та_ешь на кры_льях до_мой. От_то_го ты, мой друг,
 ни_ког_да не бы_ва_ешь уг_рю_мым, что час_тень_ко в меч_тах
 у_ле_та_ешь на кры_льях до_мой.

Злобно воеет метель, вихри снега без меры бросая,
 День и ночь не стихает сумбурной пурги хоровод.
 Далеко за морями осталась сторонка родная,
 Где час встречи со мною подруга любимая ждет.

Спит с улыбкой недавно окончивший вахту приятель.
 Видно, сном унесен он отсюда в родные края.
 Здесь, в Антарктике, каждый хотя бы немного мечтатель,
 И в мечтах непременно подруга, детишки, семья.

К ним, далеким родным, наши чувства, надежды и думы,
 И вся сила любви, что не тронет мороз никакой.
 Оттого ты, мой друг, никогда не бываешь угрюмым,
 Что частенько в мечтах улетаешь на крыльях домой.

ПУСТЬ ГРОЗЕН ШКВАЛ

Слова С. Смирнова

Музыка О. Кричака

Музыкальная партитура песни «Пусть грозен шквал». Песня написана в тональности Dm, метр 2/4. Текст песни:

Сту_чит вол_на в ил_лю_ми_на_тор, про_с_тор без_бре_жен го_лу_бой.
 У_же дав_но ста_рик эк_ва_тор у нас о_стал_ся за кор_мой.
 Нас_ждет не_ма_ло ис_пы_та_ний. Пу_сть гро_зен шквал, пу_сть ночь тем_на,
 на, на_с на ша_друж_ба не об_ма_нет, во всем по_мо_жет нам о_на, на_с на ша_друж_ба не об_ма_нет
 во всем по_мо_жет нам о_на.

Стучит волна в иллюминатор,
 Простор безбрежен голубой.
 Уже давно старик экватор
 У нас остался за кормой.

Нас ждет немало испытаний,
 Пусть грозен шквал, пусть ночь темна,
 Нас наша дружба не обманет,
 Во всем поможет нам она.

СКОРО ДОМОЙ

Слова И. Бородачёва

Музыка О. Кричака

Музыкальная партитура песни «Скоро домой». Песня написана в тональности G, метр 3/4. Текст песни:

1. От род_ных бе_ре_гов в Ан_тарк_ти_ду,
 лу_зна ко_мо_е суд_но и_дет, до_стой_ную Ро_ди_на сме_ну
 ну_зим_ов_щи_кам Ми_р_но_го шлет. Рас_ста_нем_ся мы с Ан_тарк_ти_дой,
 и скро_ет_ся Ми_р_ный вда_ли, и ай_с_бер_ги мо_щ_ной ар_мадой про_во_дят до_мой ко_раб_ли.
 2. Я и встре_тим_ся сно_ва с то_бой.

1. От родных берегов в Антарктиду
 Знакомое судно идет,
 Достойную Родина смену
 Зимовщикам Мирного шлет.

Расстанемся мы с Антарктидой,
 И скроется Мирный вдали,
 И айсберги мощной армадой
 Домой корабли.

2. Я помню прощальный тот вечер,
 Когда ты пришла провожать.
 Сказала: «До радостной встречи,
 Любимый, тебя буду ждать».

Зимовка окончится наша,
 Мы скоро вернемся домой,
 В наш город, что счастьем украшен,
 И встретимся снова с тобой.

ДОРОЖНАЯ

Слова А. Введенского

Музыка О. Кричака

1. Сно_ва нас зо_вет до_ро_га, впе_ре_ди вол_не_ний мно_го,
рейс да_ле_кий пря_мо к ю_гу пред_сто_ит. Нас в Ан_тарк_ти_ке ж_дет
сме_на, "Обь" там встре_тит не_пре_мен_но, встре_чу э_ту каж_дый
в серд_це со_хра_нит. Нас в Ан_тит. 2. Как сы_н

1. Снова нас зовет дорога,
Впереди волнений много,
Рейс далекий прямо к югу предстоит.
Нас в Антарктике ждет смена,
«Обь» там встретят непременно,
Встречу эту каждый в сердце сохранит.
2. Как сынов своих любимых
Всею Родиной хранимых,
Провожает нас с тобою Ленинград.
Он желает нам победы,
Много нового изведать
И вернуться с доброй славою назад.
3. Мы пройдем сквозь ураганы,
Сквозь метели и туманы,
И откроет перед нами гордый лик
Снежным панцирем укрытый
Самый южный ледовитый
Нами, русскими, обжитый материк.
4. Снова нас зовет дорога,
Впереди волнений много,
Рейс далекий прямо к югу предстоит.
Нас в Антарктике ждет смена,
«Обь» там встретят непременно,
Встречу эту каждый в сердце сохранит.

ПОЖЕЛАЙ УДАЧИ

Слова К. Ваншенкина

Музыка О. Кричака

Спокойно, задумчиво

1. От_плы_ваю завт_ра я, что_ж, не пер_вый слу_чай. Ты, хо_ро_шая мо_я,
зря се_бя не му_чай. Я вбли_зи те_бя люб_лю, а вда_ли – тем па_че.
На про_ща_нье ко_рабл_ю по_же_лай у_да_чи.

1. Отплываю завтра я,
Что ж, не первый случай.
Ты, хорошая моя,
Зря себя не мучай.
Я вблизи тебя люблю,
А вдали – тем паче.
На прощанье кораблю
Пожелай удачи.
2. Там повсюду снег да лед,
Все метель и вьюга.
Экспедиция идет
Направленьем к югу.
Все мне будет по плечу
Так или иначе,
Сделать много я хочу,
Пожелай удачи.
3. Светят звезды в вышине,
Ветер, ветки гнутся.
Предстоит уехать мне,
Предстоит вернуться,
Предстоит еще решить
Разные задачи.
Предстоит на свете жить –
Пожелай удачи.

СЫНОВЬЯМ (КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

Слова Б. Ревнова

Музыка О. Кричака

Музыкальная партитура для гитары в 3/4 такта. Песня начинается с аккордов A7, Dm, E7, F, Em7/5, E7, Am, E7. Текст песни:

1. Ве_чер спу_ска_ет_ся ни_же и ни_же, ок_на тем_ней и тем_ней. Сон под_сту_па_ет к вам бли_же и бли_же, глаз_ки за_крой_те ско_рей. Дрем_лют на пол_ках тет_рад_ки и книж_ки, сон_но зе_ва_ет ваш кот. Спи, ми_лый Валь_ка, спи, ми_лый Миш_ка, ночь вас спо_кой_на_я ждет.

2. Папа в кра_ях, где моря замерзают, Помнит о вас каж_дый час. Он сквоз_ь пур_гу и мороз пожелает Но_чи спо_кой_ной для вас. Креп_че усните, сыни_шки родные, Каж_дый пусть сил наберет. Ждут впе_реди вас заботы боль_шие, Жизнь ин_тересная ждет.

3. Вечер спускается ниже и ниже, Окна темней и темней. Сон подступает к вам ближе и ближе, Глазки закройте скорей.

Ночью спокойной пусть снятся мальчишкам
Только хорошие сны.
Спи, милый Валька, спи, милый Мишка,
Спите, родные сыны.

1. Вечер спускается ниже и ниже,
Окна темней и темней.
Сон подступает к вам ближе и ближе,
Глазки закройте скорей.

Дремлют на полках тетрадки и книжки,
Сонно зевает ваш кот.
Спи, милый Валька, спи, милый Мишка.
Ночь вас спокойная ждет.

2. Папа в краях, где моря замерзают,
Помнит о вас каждый час.
Он сквозь пургу и мороз пожелает
Ночи спокойной для вас.

Крепче усните, сынишки родные,
Каждый пусть сил наберет.
Ждут впереди вас заботы большие,
Жизнь интересная ждет.

3. Вечер спускается ниже и ниже,
Окна темней и темней.
Сон подступает к вам ближе и ближе,
Глазки закройте скорей.

Ночью спокойной пусть снятся мальчишкам
Только хорошие сны.
Спи, милый Валька, спи, милый Мишка,
Спите, родные сыны.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Слова Р. Бернса

Музыка О. Кричака

1. За - быть ли ста - ру - ю лю - бовь и не грус - тить о ней? За -
 быть ли ста - ру - ю лю - бовь и друж - бу преж - них дней? За друж - бу ста - ру - ю - до дна! За
 счастье преж - них дней! Сто - бой мы вы - пьем ста - ри - на, за сча - сье преж - них дней! 2. Но -

1. Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

Припев: За дружбу старую –
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

2. Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

Припев.

3. С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Припев.

4. Переплывали мы не раз
С тобой через ручей,
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

Припев.

5. И вот опять сошлись мы вновь,
Твоя рука – в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

Припев.

РАННИЙ ПУТНИК

Слова Н. Доризо

Музыка О. Кричака

1. Ранний путник куда-то спешит, самолеты летят над землей, а в зем-
 левой равнине лежит, он не встретился в жизни с тобой. Он к те-
 бе от рождения шел, ты ему улыбалась во сне. И те-
 бя бы, конечно, нашел, если бы не был убит на войне. 2. Ты не
 знаешь о том. 3. Крепко спит неизвестный солдат, он свой
 век отслужил как герой.. Только в том пред тобой виноват,
 что не встретился в жизни с тобой.

1. Ранний путник куда-то спешит,
Самолеты летят над землей,
А в земле твой ровесник лежит,
Он не встретился в жизни с тобой.

Он к тебе от рождения шел,
Ты ему улыбалась во сне,
И тебя бы, конечно, нашел,
Если б не был убит на войне.

2. Ты не знаешь о нем ничего,
Но торопятся годы твои,
И тебе не хватает его,
Не хватает, как первой любви.

Может, это единственный твой,
Может быть, ты мечтаешь о нем,
Может, стала давно ты вдовой,
Хоть сама и не знаешь о том.

3. Крепко спит неизвестный солдат,
Он свой век отслужил, как герой,
Только в том пред тобой виноват,
Что не встретился в жизни с тобой.

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

- Стр. 8. *)** Александров Леон Александрович – начальник Авиационно-аэрологического управления ГУГМС (в период 2-й КАЭ).
 *) Голышев Георгий Иванович – директор Центральной аэрологической обсерватории (ЦАО) в 1941–1960 и 1970–1980 гг., участник 3-й КАЭ в качестве начальника аэрометеорологического отряда сезонной экспедиции на д/э «Обь».
 *) Гайгеров Семен Семенович – участник 2-й КАЭ, старший научный сотрудник ЦАО, метеоролог, близкий друг О. Г. Кричака, впоследствии доктор геогр. наук, профессор, один из ведущих сотрудников ЦАО.
 *) Рыбаков Евгений Тимофеевич – участник 2-й КАЭ, аэролог, сотрудник ГГО.
 *) Чернов Юрий Сергеевич – участник 2-й КАЭ, синоптик.
- Стр. 9 *)** Имеется в виду среднеклиматический субтропический антициклон в районе Азорских островов.
- Стр. 10 *)** Шляхов Василий Иванович – участник 2-й КАЭ, старший научный сотрудник ЦАО, канд. физ.-мат. наук. Впоследствии д-р физ.-мат. наук, зам. директора ЦАО.
 *) Горев Иван Иванович – участник 2-й КАЭ, старший техник, аэролог.
 *) Круковский Александр Александрович – участник 2-й КАЭ, инженер-аэролог, сотрудник ГГО.
 *) Кильдяшев Василий Кириллович – участник 2-й КАЭ, инженер-аэролог.
- Стр. 15 *)** ГУСМП – Главное управление Северного морского пути, осуществлявшее техническое и морское обеспечение советских антарктических экспедиций.
- Стр. 16 *)** Лукошин Александр Иванович – участник 2-й КАЭ, инженер-аэролог.
 *) Иля – Рахиль Соломоновна Гетникова, жена О. Г. Кричака.
- Стр. 17 *)** Фишкин А. М., Гуторенко Т. М. – сотрудники ГУСМП.

- Стр. 18 *)** Смирнов Сергей Александрович – участник 2-й КАЭ, научный сотрудник Главной геофизич. обсерватории им. А. И. Воейкова (ГГО), метеоролог, член Союза журналистов СССР.
- Стр. 23 *)** Карасик Аркадий Моисеевич – участник 2-й КАЭ, геофизик.
 *) Копанев Иван Дмитриевич – участник 2-й КАЭ, научн. сотрудник ГГО, метеоролог.
 *) Мона – Левичек Моисей Исаакович, близкий друг О. Г. Кричака и его семьи.
- Стр. 27 *)** Котляков Владимир Михайлович – участник 2-й КАЭ в составе гляциологического отряда. В настоящее время – Почетный президент Русского географического общества, академик, директор Института географии РАН.
- Стр. 29 *)** Хромов Сергей Петрович – профессор, крупнейший представитель отечественной школы синоптической метеорологии, участник антарктического рейса д/э «Обь» в 1956–1957 гг.
 *) Бабарыкин Виталий Кузьмич – аэролог, сотрудник ЦАО, участник антарктического рейса д/э «Обь» в 1956–1957 гг., начальник ст. Советская в 3-й КАЭ.
- Стр. 30 *)** Станция Восток – внутриконтинентальная российская антарктическая станция, открытая 16 декабря 1957 г. участниками 2-й КАЭ и работающая по настоящее время.
 *) Станция Советская – временная внутриконтинентальная советская антарктическая станция, открытая участниками 3-й КАЭ 16 февраля 1958 г. и закрытая 3 января 1959 г.
 *) Станция Комсомольская – временная внутриконтинентальная советская антарктическая станция, открытая в период 2-й КАЭ в 1957 г. Станция продолжала работать до 1959 г., затем использовалась в качестве сезонной станции до ее окончательного закрытия в 1962 г.
- Стр. 32 *)** Таубер Георгий Михайлович – начальник аэрометотряда 1-й КАЭ, впоследствии доктор географических наук,

профессор. С его именем связаны исследования климата и общей циркуляции атмосферы Антарктики.

- Стр. 33 *)** Оазис – научная станция в районе Берега Нокса, в 360 км к востоку от Мирного, в центре антарктического оазиса Бангер-Хилл, свободном от снега и льда круглый год. Открыта 1-й КАЭ 15 октября 1956 г., работала до конца 1957 г.
 *) Пашенко Григорий Иванович – участник 2-й КАЭ, аэролог.
 *) Группа островов Хасуэлл в 3-х км к северо-востоку от станции Мирный.
- Стр. 34 *)** Станция Пионерская – первая внутриконтинент. антарктич. станция, открытая 1-й КАЭ 27 мая 1956 г. в 375 км от Мирного на высоте 2741 м над уровнем моря. На станции проводились аэрометеорологические наблюдения, работы по геомагнетизму и гляциологии. Законсервирована 15 января 1959 г.
 *) Трёшников Алексей Федорович – начальник 2-й КАЭ, впоследствии директор ААНИИ, академик, президент Географического общества Союза ССР.
 *) Марков Константин Константинович – профессор МГУ, впоследствии академик, крупный геоморфолог и палеогеограф, участник антарктического рейса д/э «Обь».
- Стр. 35 *)** Сомов Михаил Михайлович – начальник 1-й КАЭ, крупнейший отечественный полярный исследователь.
- Стр. 37 *)** Тетерин Василий Александрович – участник 2-й КАЭ, аэролог.
 *) Шиманович Виктор Константинович – участник 2-й КАЭ, аэролог.
 *) Евстифеев Иван Григорьевич – участник 2-й КАЭ, радиолокаторщик.
 *) Буромский Николай Иванович – гидрограф, погиб при разгрузке д/э «Лена» во 2-й КАЭ. Имя Буромского присвоено одному из островов группы Хасуэлл, на котором расположено кладбище Мирного.
 *) Зыков Евгений Кириллович – практикант, выпускник ЛВИМУ, погиб при разгрузке д/э «Лена» во 2-й КАЭ.

- Стр. 37 *)** Зиборов Николай Митрофанович – участник 2-й КАЭ, аэролог.
 *) Попов Игорь Андреевич – участник 2-й КАЭ и 5-й САЭ, радиолокаторщик. Погиб при пожаре в доме аэрометотряда на станции Мирный 3 августа 1960 г.
- Стр. 39 *)** Поезд Шумского – имеется в виду внутриконтинент. поход санно-тракторного поезда гляциологического отряда.
 *) Пелевин Василий Сергеевич – участник 2-й КАЭ, начальник станции Комсомольская, открытой во 2-й КАЭ.
 *) Аверьянов Вячеслав Григорьевич – участник 2-й КАЭ, первый начальник станции Восток, открытой во 2-й КАЭ.
- Стр. 40 *)** ГАМС – Главная авиационно-метеорологическая станция в Москве.
- Стр. 43 *)** Виноградов Сергей Васильевич – участник 2-й КАЭ, метеоролог, сотрудник ГГО.
 *) Солопов Андрей Васильевич – участник 2-й КАЭ, метеоролог.
 *) Николаев Павел Николаевич – участник 2-й КАЭ, аэролог.
 *) Алтай Ниязи Нурмухаметович – участник 2-й КАЭ, аэролог.
- Стр. 49 *)** Корсак Валентин Константинович – участник 2-й КАЭ, начальник транспортного отряда.
- Стр. 50 *)** Москаленко Петр Павлович – участник 2-й КАЭ, командир авиаотряда.
 *) Миньков Борис Алексеевич – участник 2-й КАЭ, командир самолета.
 *) Зубов Николай Васильевич – участник 2-й КАЭ, штурман.
- Стр. 54 *)** Орбероза – имя, заимствованное из произведения Анатоля Франса «Остров пингвинов».
- Стр. 59 *)** Брегман Георгий Александрович – участник 2-й КАЭ, ученый секретарь экспедиции, корреспондент газеты «Водный транспорт».
- Стр. 61 *)** Анемограф Дайнса – самописец скорости ветра.

Стр. 63 *) Матвейчук Георгий Иванович – участник 2-й КАЭ, начальник базы поселка Мирный, а также заместитель начальника экспедиции 5-й САЭ.

Стр. 65 *) Мансуров Сергей Михайлович – начальник геофизического отряда 2-й КАЭ.

Стр. 74 *) Молчанов Павел Александрович – выдающийся российский метеоролог (1893–1941), изобретатель первого радиозонда (1930), участник аэрологических наблюдений в Арктике (1931) и первых в СССР подъемов отечественных стратостатов (1933). Погиб в годы репрессий.

Стр. 75 *) Расторгуев Владимир Иванович – синоптик, в период 2-й КАЭ представитель СССР на американской станции Литл Америка, находившейся в Западной Антарктиде на восточной краевой части шельфового ледника Росса. Станция основана в 1929 г. американским полярным исследователем Ричардом Бэрдом, в 1950-е годы была американской научной базой при проведении исследовательских программ во время Международного геофизического года (1957).

Стр. 78 *) Феодосьев Лев Иванович – участник 2-й КАЭ, младший научный сотрудник, гляциолог-геодезист.

Стр. 82 *) Фима – Кричак Ефим Григорьевич, брат О. Г. Кричака.

Стр. 86 *) Евсеев Евгений Яковлевич – участник 2-й КАЭ, метеоролог.

***)** Мамонтов Николай Васильевич – участник 2-й КАЭ, метеоролог.

Стр. 90 *) Чернышов Александр Иванович – участник 2-й КАЭ, младший научный сотрудник геофизического отряда.

Стр. 91 *) Беляев Николай Семенович – врач 2-й КАЭ.

Стр. 106 *) Бугаев Виктор Антонович – начальник аэрометеорологического отряда 3-й КАЭ. В 1959 г. назначен директором Центрального института прогнозов (ЦИП).

Стр. 106 *) Толстикова Евгений Иванович – начальник 3-й КАЭ.

Стр. 107 *) Белов Владимир Филиппович – старший научный сотрудник ЦАО, участник 3-й КАЭ.

Стр. 114 *) Борщевский Олег Александрович – зам. начальника экспедиции на д/э «Лена».

Стр. 117 *) Короткевич Евгений Сергеевич – начальник 5-й САЭ. Впоследствии доктор географических наук, профессор, ведущий ученый Арктического и Антарктического научно-исследовательского института в области гляциологии и географии полярных стран, заместитель директора ААНИИ.

***)** Станция Лазарев – советская антарктическая станция, открыта 4-й САЭ 10 марта 1959 г. на шельфовом леднике Берега Принцессы Астрид. 26 февраля 1961 г. из-за возможности разлома ледника станция была закрыта, а в антарктическом оазисе Ширмахера в 80 км к югу от ст. Лазарев была открыта станция Новолазаревская.

Стр. 119 *) Максимов Игорь Владиславович – начальник морской экспедиции 2-й КАЭ, начальник отряда на д/э «Обь» в сезонной 5-й САЭ.

Стр. 124 *) Федюхин Александр Павлович – участник 5-й САЭ, механик-водитель.

Стр. 129 *) Дралкин Александр Гаврилович – начальник 4-й САЭ, организатор и участник трансконтинентального похода протяженностью около 6000 км по маршруту: ст. Комсомольская – ст. Восток – ст. Амундсен-Скотт (Южный полюс) – Полюс относительной недоступности – с целью изучения антарктического ледникового щита.

Стр. 131 *) Белоликов Анатолий Михайлович – синоптик, участник 5-й САЭ, погиб при пожаре в доме аэрометотряда на станции Мирный 3 августа 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В канун Международного геофизического года	8
Второй круг	116
Биография О. Г. Кричака	141
Песни периода 2-й Комплексной и 5-й Советской антарктических экспедиций	149
1. Антарктический вальс, слова А. Введенского	150
2. Марш полярников Антарктиды, слова А. Введенского	152
3. Зря говорят (шуточная песня), слова А. Введенского	154
4. Белый айсберг, слова А. Введенского	156
5. Верность, слова А. Введенского	158
6. Раздумье, слова А. Введенского	160
7. Пусть грозен шквал, слова С. Смирнова	162
8. Скоро домой, слова И. Бородачёва	163
9. Дорожная, слова А. Введенского	164
10. Пожелай удачи, слова К. Ваншенкина	165
11. Сыновьям (Колыбельная), слова Б. Ревнова	166
12. Застольная, слова Р. Бернса	168
13. Ранний путник, слова Н. Доризо	170
Примечания составителя	172

Научно-популярное издание

Кричак
Оскар Григорьевич

Антарктические дневники.
2-я Комплексная и 5-я Советская
антарктические экспедиции

ISBN 978-5-902211-26-6

Серия «Полярные истории»

ООО «Издательство “ГеоГраф”»
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 20
тел/факс (812) 251-7076; E-mail: polar_pilot@mail.ru
<http://www.geographpublishing.com/>
<http://geographhouse.livejournal.com/>

Оригинал-макет, обложка – Сергей Лукьянов

Фотоматериалы, ноты и тексты песен –
из архива семьи О. Г. Кричака

Полное или частичное воспроизведение текста,
фото, нот и текстов песен допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Подписано в печать 10.10.2013 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3
Формат 70 x 100/16. Заказ №
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
«Нестор-История»
СПб, ул. Розенштейна, д. 21